

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (41)

2020

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSU>

Подписано в печать 30.06.2020.
Выход в свет 24.11.2020.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 8,0.
Тираж 50 экз. Заказ 3-180-20.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теории и истории государства и права» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РФ А.В. Беляков, Н.Г. Оганян.....	5
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ Н.А. Боброва, В.В. Перистый.....	10
ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ А.В. Закомолдин.....	16
К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И.А. Иванников.....	21
РЕФЕРЕНДУМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ А.А. Иванов.....	27
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ) А.Н. Мяханова, А.А. Пахоруков.....	33
КАТЕГОРИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОЦЕНКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА Я.П. Ряполова.....	39
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕЙ ОРУЖИЯ ПО УК РФ И УК РА А.А. Саргсян.....	45
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ПОИСК ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ А.Н. Станкин, В.Н. Пяткин.....	52
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Е.В. Чуклова.....	60
НАШИ АВТОРЫ.....	66

CONTENT

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE DEFINITION OF CORRUPTION CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION A.V. Belyakov, N.G. Ohanyan.....	5
ABUSE OF AUTHORITY AS A SPECIFIC FORM OF ABUSE OF RIGHT N.A. Bobrova, V.V. Peristy.....	10
ETHICAL PRINCIPLES OF THE PROCEDURE OF EXAMINATION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA A.V. Zakomoldin.....	16
CONCERNING THE FAIRNESS AND RESPONSIBILITY OF CERTAIN SUBJECTS OF PUBLIC AUTHORITY I.A. Ivannikov.....	21
REFERENDUM IN RUSSIA: PROBLEMS OF DEFINING AND IMPROVING EFFICIENCY A.A. Ivanov.....	27
SOME ASPECTS OF SOCIAL REHABILITATION OF PAROLEES FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA) A.N. Myakhanova, A.A. Pakhorukov.....	33
CATEGORY OF EFFICIENCY IN THE ASSESSMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE STAGE OF THE CRIMINAL CASE INITIATION Ya.P. Ryapolova.....	39
SOME ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF SPECIAL GROUNDS FOR THE EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN CASE OF THE VOLUNTARY SURRENDER OF WEAPONS UNDER THE RF CRIMINAL CODE AND THE RA CRIMINAL CODE A.A. Sargsyan.....	45
FEDERAL LEGISLATIVE PROCESS: ANALYSIS OF CERTAIN PROBLEMS AND FINDING THE WAYS TO IMPROVE A.N. Stankin, V.N. Pyatkin.....	52
CIVIL LEGAL REGULATION OF NATIONAL SECURITY E.V. Chuklova.....	60
OUR AUTHORS	66

**ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РФ**

© 2020

А.В. Беляков, кандидат юридических наук, доцент*Н.Г. Оганян*, студент Института права*Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)*

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; субъект коррупционных преступлений; признаки коррупционных преступлений.

Аннотация: Современные статистические данные указывают на негативную динамику развития коррупционной преступности, что определяет низкую эффективность существующих методов борьбы с рассматриваемым явлением. Увеличиваются количественные и качественные показатели данных преступлений, а следовательно, имеется необходимость в усовершенствовании существующих и разработке новых методов борьбы с коррупционными преступлениями. В работе рассматриваются уголовно-правовые способы борьбы с коррупцией. Авторы на основе анализа действующего законодательства и специальной литературы предлагают собственное определение понятия «коррупционные преступления» через их признаки, к которым относятся специальный субъект преступления, зависимость совершенных действий от должностных полномочий лица, корыстная направленность деяния, вина в виде прямого умысла. Это позволит более точно установить перечень коррупционных составов преступлений. Множество составов коррупционных преступлений указывает на необходимость их группировки. В специальной литературе существуют несколько подходов к решению обозначенной проблемы, однако большинство из них обладают существенными недостатками. Авторы обосновывают эффективность классификации по субъекту совершения преступления, которая в силу своей простоты является максимально удобной для восприятия и использования на практике. Неразрешенной остается проблема отсутствия термина «коррупция» в уголовном законодательстве. Авторы считают, что внесение изменений в действующую конструкцию уголовного кодекса негативным образом скажется на его применении. Более эффективным решением, по мнению авторов, является закрепление определения «коррупционные преступления» в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

ВВЕДЕНИЕ

В переводе с латинского “*corruption*” означает порча. Толковый словарь определяет это слово следующим образом: «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»¹. Под коррупцией также понимается «прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения»².

Уровень коррупционных преступлений в стране возрастает. Это подтверждают статистические данные, предоставленные Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом РФ. Значимость противодействия коррупции на всех уровнях государственного устройства очевидна.

Вопросы борьбы с коррупцией являются предметом широкой научной дискуссии. Необходимость борьбы с коррупцией обоснована многими исследователями [1]. Ученые исследуют вопросы, связанные с историей появления и развития коррупции в целом и конкретно в России [2]. Зарубежные ученые также всесторонне исследуют различные аспекты коррупционных явлений: к примеру, рассматривается вопрос о визуальном представлении коррупции [3], изучается влияние коррупции на налоговую систему [4], проводятся сравнительные исследования коррупционных явлений, возникающих в разных частях света [5], затрагивается тема присутствия коррупции в государственном секторе [6], в сфере

здравоохранения [7]. Иностранные специалисты исследуют понятие коррупции в регулирующих органах на примере конкретного государства [8], выясняют, каково влияние коррупции на предпринимательскую деятельность [9], какой вред данное явление может нанести здоровью населения [10]. Некоторые работы коснулись вопроса определения субъектов коррупционных преступлений [11]. Ряд работ посвящен вопросам противодействия коррупционным явлениям и проблемам такого противодействия [12]. Часто исследователи рассматривают вопрос о коррупции в системе уголовных преступлений [13]. Очевидна необходимость обобщения положений норм внутригосударственного и международного антикоррупционного законодательства и судебной практики [14]. Ученые проводят анализ международного опыта по вопросам противодействия коррупции и выработке мер рекомендательного характера, что может повлиять на внесение изменений в законодательство РФ [15]. Рассматриваются вопросы появления и развития коррупции в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе в сфере образования [16]. Внимание обращено и на существование коррупции в Вооруженных силах РФ, где данное явление перестает быть редким [17]. Криминалисты уделяют внимание оценке коррупции и коррупционных преступлений, однако существуют проблемы, которые возникают в процессе применения соответствующих методик при расследовании преступлений данной категории [18].

Научное общество обращает существенное внимание на вопросы коррупционных преступлений. Однако законодательство не содержит определений понятий «коррупция», «коррупционные преступления». Отсутствует исчерпывающий перечень рассматриваемых преступлений.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.

² Политическая наука: словарь-справочник / сост. И.И. Санжаревский. М.: РГУ, 2010. 745 с.

Цель работы – попытка определить понятие «коррупционные преступления» через их признаки, рассмотреть способы их группировки, а также предложить и обосновать наиболее приемлемый способ разрешения проблемы нормативного закрепления исследуемых категорий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ статистических данных. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры и Следственного комитета России (СКР), в 2019 году в России было выявлено 30 991 коррупционное преступление. Из общего числа зарегистрированных преступлений 13 867 деяний можно квалифицировать как взяточничество по ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, по ст. 285 УК РФ зафиксировано 2 297 преступлений. Данные показатели возросли на 1,6 % по сравнению с предыдущим годом (за 2018 год зарегистрировано 30 495 коррупционных преступлений, из которых 12 527 содержат признаки преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, а 2 256 – признаки преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ). При этом первое место среди федеральных округов РФ по удельному весу коррупционных преступлений занимает Приволжский ФО (25,3 %) ³. По данным СКР, за 2019 год перед судом по уголовным делам о коррупции предстали 6 902 обвиняемых. Особый порядок уголовного производства применялся в отношении 308 лиц, в числе которых 6 судей, 50 адвокатов и 120 глав муниципальных образований. В качестве обвиняемых были привлечены 752 сотрудника МВД, 467 представителей органов местного самоуправления, 181 сотрудник Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), 84 сотрудника Федеральной службы судебных приставов (ФССП), 9 сотрудников прокуратуры и 27 сотрудников СКР ⁴.

Анализ законодательных актов. Основным законодательством сформирован ряд определенных коррупционных преступлений (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп), при этом отсутствует само определение коррупционного преступления. В таком случае необходимо обратиться к официальному правовому документу Генеральной прокуратуры России, в котором приводятся конкретные признаки коррупционных преступлений: существование субъекта преступлений, которым являются лица, обладающие должностными полномочиями согласно уголовному закону, несущие негосударственные обязанности в сфере управления; связь преступных деяний с деятельностью лица и неисполнением им своих полномочий; корыстная направленность деяний, совершаемых лицом с целью достижения своих личных интересов; наличие у лица корыстного основания; наличие прямой умышленной формы вины. Примерами составов преступлений, которые содержат выделенные Генпрокура-

турой признаки и являются коррупционными, считаются ст. 288, 290, 291 уголовного закона и другие ⁵.

Исходя из помещенных в акте признаков, можно определить коррупционное преступление как умышленное или корыстное применение должностных полномочий лицом, наделенным этими полномочиями или исполняющим иные негосударственные обязанности в сфере управления или деятельности, для достижения личных интересов и получения имущественных и иных неимущественных выгод для себя или третьих лиц. Тогда субъектом преступлений данной категории будет физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое на основании национального законодательства или норм международного права несет соответствующую занимаемому положению ответственность, но не исполняет должностные полномочия или иные негосударственные обязанности в сфере управления с корыстной целью для извлечения имущественных и неимущественных выгод в отношении себя или третьих лиц.

При анализе рассматриваемого документа можно прийти к следующему выводу: данный межведомственный акт содержит в общем 46 статей УК РФ, составы преступлений которых следует признать коррупционными, и больше 100 квалифицированных преступлений. Такое явление объясняется тем, что в приведенных составах преступлений присутствует условие применения физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в корыстных или иных личных целях. В указе правоохранительного органа коррупционными преступлениями считаются: 1) составы, в которых присутствуют приведенные в акте характеристики; 2) преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий – ст. 141.1, 184, 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, п. «б» ч. 3 ст. 188 УК РФ; 3) деяния, считающиеся коррупционными с присутствием конкретных требований – ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309, п. «а», «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 170, 201, 202, 285, 285.1, 285.2, 285.3, ч. 1, 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 292, ст. 305, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, ч. 3 и 4 ст. 229.1, ч. 3 и 4 ст. 183, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 1 и 3 ст. 303, ч. 3 и 4 ст. 159, ч. 3 и 4 ст. 159.1, ч. 3 и 4 ст. 159.2, ч. 3 и 4 ст. 159.3, ч. 3 и 4 ст. 159.4, ч. 3 и 4 ст. 159.5, ч. 3 и 4 ст. 159.6, ч. 3 и 4 ст. 160, ч. 3 и 4 ст. 229; 4) деяния, исполнив которые, лицо, наделенное должностными полномочиями или выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, способно будет совершить иные преступления, в том числе коррупционные – ст. 159–159.6, ст. 169, 178, 179 главного уголовного закона. Данный перечень достаточно велик и сложен для понимания. При его широком использовании на практике могут возникнуть различные вопросы, так как подробного разъяснения по каждой выделенной группе нет.

В теории существуют и другие способы группировки коррупционных преступлений. Например, одним из критериев выделения преступлений данной категории считают его субъект. В соответствии со ст. 285, 286 уголовного закона преступления, нарушающие установленный

³ Состояние преступности в России: за январь – сентябрь 2019 г.: сборник. М.: ГП РФ, 2019. 52 с. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/b51/sbornik_9_2019.pdf.

⁴ Петренко С. В СК России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL <https://sledcom.ru/news/item/1417917/?pdf=1>.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 07.04.2020 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020 г.

властью строй, организацию деятельности органов государственной власти местного самоуправления осуществляют лицами, несущими государственную службу. Согласно положению ст. 201 УК РФ, противоправные деяния реализуются субъектами, обладающими управленческими или вспомогательными функциями в коммерческих или иных организациях. Коррупционные преступления, совершаемые гражданами, могут быть в виде коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) или дачи взятки (ст. 291 УК РФ)⁶. Данный критерий является удобным для использования и вносит ясность при определении вида коррупционного преступления. Определение вида преступления по субъекту, его совершившему, создало бы для органов, расследующих такие преступления, больше возможностей противодействия им.

Коррупционные преступления можно разделить на публичные и непубличные. Публичными признаются преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Непубличными считаются преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Нужно обратить внимание на то, что интерес, которому причиняет вред коррупционное преступление, может быть не одним, а совокупным и затрагивать различные сферы жизнедеятельности общества. Следовательно, использование данного критерия для выделения коррупционных преступлений не столь удачно и практично.

Ни по одному из критериев в УК РФ рассматриваемые преступления не объединены в отдельную группу по характерным признакам. Поэтому Указание Генпрокуратуры является на данный момент основным правовым актом, содержащим сведения о коррупционных преступлениях и позволяющим выделить их из общего числа преступных деяний. Несмотря на это, данный документ содержит противоречия. К примеру, п. 2 перечня № 23 правового акта Генпрокуратуры указывает на то, что уголовный состав, сформулированный в ст. 141.1 свода уголовно-правовых норм «Нарушение порядка финансирования избирательной компании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума», считается коррупционным без дополнительных условий. Сама статья УК предусматривает уголовную ответственность за передачу кандидату или избирательному объединению денежных средств или иных материальных ценностей для получения желаемого результата на выборах. Таким образом, достигнутый лицом результат выборов материальной ценности не имеет, что, в свою очередь, означает отсутствие корыстного мотива. Стоит заметить и то, что Указание применяется на практике лишь некоторыми ведомствами и в основном используется правоохранительными органами для создания статистических отчетов о преступлениях. Заметным недостатком данного документа также является отсутствие в нем определений основных понятий исследуемого направления, например, в перечне не даны понятия «коррупция», «преступления коррупционной направленности», «субъект коррупционных преступлений». Указанные недостатки формируют мнение о том, что совершенствование данного правового акта нецелесообразно.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что текущее законодательство не содержит единого общепринятого перечня коррупционных преступлений, их определения и характерных признаков. Таким образом, в настоящее время отсутствуют четкие уголовно-правовые критерии рассматриваемого негативного явления. Следовательно, эффективная борьба с подобными деяниями весьма затруднительна.

Способы решения проблемы. Существует несколько точек зрения на решение обозначенных проблем. Считается возможным создать в Генеральной прокуратуре РФ всеобщее Указание на базе ныне существующего с учетом решенных противоречивых вопросов и восполненных пробелов [19]. Обязательно следует дополнить перечень показателями, характеризующими квалифицирующие признаки коррупционных преступлений, и упорядоченной классификацией преступлений данной категории. Создание Указания с перечисленными положениями должно обеспечить как осуществление деятельности, направленной против рассматриваемого явления, так и формирование статистического отчета о состоянии коррупции в обществе. Однако перечисленные выше недостатки Указания свидетельствуют о спорности данного решения.

Существует мнение, что необходимо создать единый перечень коррупционных преступлений в рамках Уголовного кодекса РФ, т. е. внести изменения в основной уголовный закон РФ. Таким образом, в рамках УК РФ определится единый исчерпывающий перечень коррупционных преступлений [20]. В таком случае стоит обратить внимание на опыт иностранных государств по нормативному выражению преступлений данной категории⁷. В их законах коррупционные преступления оформлены в виде отдельной главы в зависимости от объекта. В специальной литературе по данному поводу ведется активная дискуссия. Предполагается, что это позволит сформировать единообразное истолкование понятий, относящихся к сфере коррупционных преступлений, и закрепит за всеми коррупционными преступлениями уголовную ответственность. Однако стоит отметить, что включение в УК РФ отдельной главы или раздела о коррупционных преступлениях проблематично. Рассматриваемые составы невозможно гармонично включить в действующую систему Особенной части, выстроенную по схеме: общий объект, родовой, видовой, непосредственный. Преобразования данного рода потребуют изменения всей системы уголовного законодательства.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Наиболее приемлемым в настоящее время представляется решение вопроса законодательного закрепления определения «коррупционные преступления» путем дополнения уже существующего ФЗ «О противодействии коррупции» исчерпывающим перечнем данных преступлений с учетом характерных для них признаков. Внести в настоящий нормативный акт данные преступления необходимо, сгруппировав их в соответствии с классификацией по субъекту совершения

⁶ См. 5.

⁷ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных актов / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, 2003. 352 с.

преступления. Представляется целесообразным закрепить в законе определения, раскрывающие понятие коррупционных преступлений. Такие изменения позволят повысить эффективность борьбы с коррупционными преступлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Илий С.К., Павловская В.П. Состояние коррупции в сфере исполнительного производства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 4. С. 95–103.
- Онуфриенко А.В. Понятие коррупции в международном и российском праве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 5. С. 109–114.
- Hellmann O. The visual politics of corruption // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40. № 12. P. 2129–2152.
- Jahnke B., Weisser R.A. How does petty corruption affect tax morale in Sub-Saharan Africa? // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 60. Article number 101751.
- Dasgupta S. The power of corruption // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2019. Vol. 39. № 3. P. 558–562.
- Mocetti S., Orlando T. Corruption, workforce selection and mismatch in the public sector // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 60. Article number 101809.
- Reynolds L. Not up for discussion: Applying lukes' power model to the study of health system corruption: Comment on "we need to talk about corruption in health systems" // *International Journal of Health Policy and Management*. 2019. Vol. 8. № 12. P. 723–726.
- Al-Mutairi S., Connerton I., Dingwall R. Understanding "corruption" in regulatory agencies: The case of food inspection in Saudi Arabia // *Regulation and Governance*. 2019. Vol. 13. № 4. P. 507–519.
- Chen C., Cheng S. The Effects of Corruption and Regulation on Business Entrepreneurship: Evidence from American States // *Public Performance and Management Review*. 2019. Vol. 42. № 6. P. 1481–1506.
- Witvliet M.I. It will take a global movement to curb corruption in health systems: Comment on "we need to talk about corruption in health systems" // *International Journal of Health Policy and Management*. 2019. Vol. 8. № 11. P. 662–664.
- Мальсагов А.М.-А. Понятие и субъекты современной коррупции // *Закон и право*. 2016. № 3. С. 117–122.
- Бардиж Е.А. Коррупция в современной России: проблемы противодействия // *Ростовский научный журнал*. 2017. № 1. С. 23–32.
- Авдеев В.А., Авдеева О.А. Новые тенденции уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // *Российская юстиция*. 2017. № 5. С. 2–4.
- Невинский В.В. Коррупция в России: системные меры противодействия // *Журнал российского права*. 2017. № 1. С. 62–72.
- Карепова С.Г., Сорокин О.В. Разработка рекомендаций по противодействию коррупции: международный опыт // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 6. С. 250–261.
- Дамм И.А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 4. С. 5–17.
- Хачикян П.П. Коррупционные преступления в Вооруженных силах Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2016. № 7. С. 87–95.
- Ануфриева Е.А. Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2016. № 6. С. 203–210.
- Киршина Е.А. Классификация преступлений коррупционной направленности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 3. С. 152–157.
- Илий С.К. Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2010. № 6. С. 38–42.

REFERENCES

- Iliy S.K., Pavlovskaya V.P. Corruption situation in the enforcement proceedings. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 4, pp. 95–103.
- Onufrienko A.V. The concept of corruption in international and Russian law. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 5, pp. 109–114.
- Hellmann O. The visual politics of corruption. *Third World Quarterly*, 2019, vol. 40, no. 12, pp. 2129–2152.
- Jahnke B., Weisser R.A. How does petty corruption affect tax morale in Sub-Saharan Africa? *European Journal of Political Economy*, 2019, vol. 60, article number 101751.
- Dasgupta S. The power of corruption. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2019, vol. 39, no. 3, pp. 558–562.
- Mocetti S., Orlando T. Corruption, workforce selection and mismatch in the public sector. *European Journal of Political Economy*, 2019, vol. 60, article number 101809.
- Reynolds L. Not up for discussion: Applying lukes' power model to the study of health system corruption: Comment on "we need to talk about corruption in health systems". *International Journal of Health Policy and Management*, 2019, vol. 8, no. 12, pp. 723–726.
- Al-Mutairi S., Connerton I., Dingwall R. Understanding "corruption" in regulatory agencies: The case of food inspection in Saudi Arabia. *Regulation and Governance*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 507–519.
- Chen C., Cheng S. The Effects of Corruption and Regulation on Business Entrepreneurship: Evidence from American States. *Public Performance and Management Review*, 2019, vol. 42, no. 6, pp. 1481–1506.
- Witvliet M.I. It will take a global movement to curb corruption in health systems: Comment on "we need to talk about corruption in health systems". *International Journal of Health Policy and Management*, 2019, vol. 8, no. 11, pp. 662–664.

11. Malsagov A.M.-A. Concept and actors of the modern corruption. *Zakon i pravo*, 2016, no. 3, pp. 117–122.
12. Bardizh E.A. Corruption in modern Russia: problems of counteraction. *Rostovskiy nauchnyy zhurnal*, 2017, no. 1, pp. 23–32.
13. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. New trends of criminal law policy of the Russian Federation in the sphere of counteraction to corruption crimes. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 5, pp. 2–4.
14. Nevinskiy V.V. Corruption in Russia: System Countermeasure. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 1, pp. 62–72.
15. Karepova S.G., Sorokin O.V. Working out recommendations for anticorruption international experience. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*, 2016, no. 6, pp. 250–261.
16. Damm I.A. Corruption in the sphere of education: notion, specific features, forms and types. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 5–17.
17. Khachikyan P.P. Corruption crimes in the Armed Forces of the Russian Federation. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2016, no. 7, pp. 87–95.
18. Anufrieva E.A. Forensic methodologies of investigation of corruption-related crimes: level of elaboration and prospects for improvement. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 6, pp. 203–210.
19. Kirshina E.A. The classification of corruption crimes. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2016, no. 3, pp. 152–157.
20. Iliy S.K. Normative Definition of Specifications of Crimes of Corruption and Other Corruption Related Offences. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2010, no. 6, pp. 38–42.

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE DEFINITION OF CORRUPTION CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2020

A.V. Belyakov, PhD (Law), Associate Professor
N.G. Ohanyan, student of the Institute of Law
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: corruption; corruption crimes; subject of corruption crimes; signs of corruption crimes.

Abstract: Modern statistical data indicate the downward dynamics of corruption crime development, which determines the low effectiveness of the existing methods to prevent this phenomenon. The quantitative and qualitative indicators of these crimes are increasing, and, consequently, there is a need to improve existing and develop new methods of struggling against corruption crimes. The paper considers the criminal law methods of fighting against corruption. Based on the analysis of the current legislation and special literature, the authors propose their definition of the concept of corruption crimes through their characteristics, which include the special subject of crime, the dependence of committed acts on the person's authority, profit-oriented acts, and the direct intent guilt. This will make it possible to more accurately specify the list of corruption offenses. Many components of corruption crimes indicate the need for their grouping. There are several approaches to solving this problem in the literature, but most of them have significant disadvantages. The authors justify the effectiveness of classification by the subject of a crime, which, due to its simplicity, is the most convenient for perception and use in practice. The problem of the absence of the term "corruption" in criminal legislation remains unsolved. The authors believe that changes to the current structure of the criminal code will negatively affect its application. To the authors' opinion, the more effective solution is to enshrine the definition of corruption crimes in the Federal Law On Countering Corruption.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

© 2020

Н.А. Боброва, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ
В.В. Перистый, магистрант Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: должностное лицо; злоупотребление правом; злоупотребление полномочиями; гражданское право; административное право; правонарушение; неправомерное поведение.

Аннотация: Статья посвящена одной из самых дискуссионных и спорных в теории права и межотраслевых юридических науках категории – злоупотреблению правом. Цель работы – анализ феномена злоупотребления полномочиями должностным лицом, не переходящего в уголовно наказуемое деяние, административное или дисциплинарное правонарушение, как специфической формы злоупотребления правом. Рассматриваются как уже известные формы, способы и средства злоупотребления субъективным правом, так и новое – индифферентное злоупотребление, затрагивающее не только частные, но и публичные отношения. В статье дается сравнительный анализ понятия злоупотребления правом и особенностей злоупотребления полномочиями (дискреционными полномочиями) должностным лицом, не переходящего в уголовно наказуемое деяние, административное или дисциплинарное правонарушение. Устанавливаются причинно-следственные связи между различными общественно-правовыми институтами, явлениями, событиями, и предлагаются пути оптимизации отдельных положений законодательства различных отраслей с целью предотвращения злоупотребления полномочиями. Понятие злоупотребления правом предлагается делить на две самостоятельные части; анализируются их взаимосвязь и отличия друг от друга. Перечислены формы, способы и средства злоупотребительного поведения участников гражданских и иных правоотношений. Приведены примеры из судебной практики, которые ранее не были предметом научного анализа. Обосновывается вывод о том, что злоупотребление правом в форме злоупотребления полномочиями есть неправомерное поведение управомоченного лица при исполнении своих полномочий. Данный вывод основан на изучении судебной практики применения соответствующих правовых норм и современных научных исследований в области гражданского и административного права.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие проблема злоупотребления гражданскими правами все чаще и чаще привлекает внимание ученых (теоретиков, конституционалистов, административистов и особенно цивилистов), а также практиков. По мнению цивилистов [1; 2] и конституционалистов [3], современное гражданское законодательство насыщено оценочными нормами права, и их толкование и конкретизация становятся для судебного отправления весьма сложным интеллектуально-волевым процессом, что не способствует уяснению проблемы злоупотребления правом. И это в большей степени связано с развитием и совершенствованием межотраслевого законодательства (трудового, жилищного, уголовного, административного, процессуального), что вызвало научные споры о дифференциации ответственности за злоупотребление правом и ответственности за злоупотребление полномочиями [4; 5]. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных вопросу реализации субъективных прав и возможности их использования [6; 7], до сих пор нет единого мнения, к чему относить злоупотребление должностным лицом полномочиями: к злоупотреблению субъективным правом как специфической формой его проявления или к деликту [8; 9].

Ученые исследуют должностные злоупотребления и проблемы ограничения их криминальных (уголовных) проявлений от иных правонарушений. В аспекте проблемы злоупотребления должностными полномочиями офицерского состава вооруженных сил в научной литературе комментируются ситуации, когда командование освобождает офицера от занимаемой должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела,

которое в последующем было прекращено по реабилитирующим основаниям, либо по которому было вынесено оправдательное решение [10]. Практикующие юристы и теоретики рассматривают и особенности судебной практики по уголовным, гражданским и административным делам, в которых «слабая сторона» может пострадать от действий «сильной стороны», не подлежащих никакой юридической ответственности, но являющихся фактически ненаказуемым злоупотреблением [11–13].

Научный интерес к этой проблематике возрастает в связи с трудностями, возникающими при реализации права на практике [14]. Применение сформулированной законодателем ст. 10 ГК РФ вызывает множество проблем, связанных с квалификацией всевозможных деяний субъектов права в качестве злоупотребления [15].

Цель работы – анализ феномена злоупотребления полномочиями должностным лицом, не переходящего в уголовно наказуемое деяние, административное или дисциплинарное правонарушение, как специфической формы злоупотребления правом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ злоупотребления субъективным правом и злоупотребления полномочиями. Цивилисты, исследующие феномен и термин «злоупотребление правом», полагают, что употребление права в противоречии с его назначением и целями проявляется в ходе реализации субъективного (частного) права при выходе управомоченного лица за пределы осуществления предоставленного ему права. Классическим воззрением на феномен «злоупотребление правом» стала

концепция: «злоупотребление правом есть особый вид гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при реализации им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного законом общего типа поведения» [9, с. 70].

Подобную точку зрения поддерживают и развивают и другие юристы [14; 15]. Вместе с тем, будучи солидарными с выше названной концепцией, отдельные авторитетные ученые проблему злоупотребления правом делят на две взаимосвязанные и в то же время самостоятельные части: 1) злоупотребление властью (дискреционными полномочиями); 2) злоупотребление гражданами своими субъективными правами и свободами [3; 16].

Концепция разделения представляется аргументированной и здоровой, особенно в свете выделяемых конституционалистами разных принципов правопользования применительно к гражданам и применительно к должностным лицам. Если первые руководствуются принципом «дозволено всё, что не запрещено законом», то вторые руководствуются принципом «дозволено лишь то, что разрешено законом».

Однако мнения других исследователей относительно выдвинутой концепции деления феномена «злоупотребление правом» на взаимосвязанные части расходятся. Отдельные авторы поддерживают такое деление [9; 16], но большинство считают, что это две отдельные и не взаимосвязанные проблемы злоупотребления правом, так как они различаются по субъектам, форме, содержанию и целям [17]. В отличие от уголовного и административного права, где пределы четко определены нормативными предписаниями и подобные злоупотребления являются правонарушениями, в гражданском праве пределы не формализованы, в связи с чем их квалификация в качестве злоупотребления правом вызывает сложности [18].

Действительно, предложенное разделение спорно, но в то же время имеет право на существование, так как есть реальное подтверждение взаимосвязанности злоупотребления гражданским субъективным правом и злоупотребления полномочиями, но при существенном условии – отсутствия в действиях управомоченного лица уголовно наказуемого деяния, административного или дисциплинарного правонарушения, т. е. неправомерного поведения.

Для того чтобы проверить, взаимосвязаны ли злоупотребление гражданским субъективным правом и злоупотребление полномочиями, проведем их сравнение. Сравнивая определение злоупотребления правом, данное выше, с определением понятия «злоупотребление полномочиями», под которым понимается «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» (ч. 1 ст. 285 УК РФ), можно прийти к выводу, что законодателем в УК РФ установлена ответственность не за злоупотребление субъектом принадлежащим ему правом, а за злоупотребление полномочиями.

Вместе с тем семантика понятия «полномочия»¹ подразумевает официальное предоставление кому-нибудь права на какую-нибудь деятельность, права на ведение дел, а значит, приближает его к понятию субъективного права, но при этом полномочие как разновидность субъективного права включает совокупность правомочий, осуществляемых в строго определенных нормой права рамках.

Злоупотребление полномочиями – универсальная форма деликта или самостоятельный вид злоупотребления правом? Все чаще в исследованиях цивилистов поднимается спорный вопрос: является ли злоупотребление правом правонарушающим поведением управомоченного лица, или это универсальная форма деликта? Из отраслевых законодательных определений административного проступка (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ) и преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) проистекает, что существенной чертой правонарушения в его правовом аспекте является такое поведение (деятельность) физического или юридического лица, которое причиняет или может причинить вред правам и интересам граждан, организаций, государства и общества, т. е. противоправное деяние. При отсутствии указанных признаков это злоупотребление, не влекущее уголовной или административной ответственности.

Неправомерное поведение – это нарушение императивных норм права, прямых запретов, условий договоров, принципов гражданского права. При злоупотреблении же конкретный запрет не нарушен, так как лицо законно реализует предоставленное ему законодательством субъективное право.

Вместе с тем в случае злоупотребления правом нельзя утверждать, что поведение лица, злоупотребившего своим субъективным правом, правомерно, так как правомерное поведение подразумевает сознательное и полное соблюдение требований норм права, а осуществление права во зло может причинить вред третьим лицам, следовательно, нарушает требование закона о не причинении вреда.

Конституционалисты ссылаются также на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Рассмотрим некоторые из многочисленных примеров злоупотребления полномочиями при отсутствии в действиях управомоченного лица признаков преступления, административного правонарушения и дисциплинарного проступка, которые по своему содержанию напоминают общеизвестный афоризм: «Джентльмены всегда играют по правилам, если же они не могут выиграть – просто меняют правила», либо пронизывающий частное право принцип: «Дозволено все, что прямо не запрещено законом».

Так, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об обществах с ограниченной ответственностью» общество может иметь гражданские права, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных федеральными законами. Используя свое гражданское

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.

право, учредитель, учреждающий общество с ограниченной ответственностью, дабы негласно осуществлять всестороннее административно-хозяйственное управление обществом, становится не руководителем юридического лица, а «нейтральным» работником учрежденного общества.

В Федеральном законе от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» отсутствует норма, которая бы запрещала учредителю являться сотрудником им же образованного юридического лица. Это обстоятельство ведет к предоставлению ему права поступать не по закону, а по принципу: «Что не запрещено законом, то разрешено». Однако подобное толкование неминуемо приводит к злоупотреблению субъектом предоставленным ему законом субъективным правом. Это выражается в том, что учредитель, являясь заместителем директора созданной организации, получает неограниченную ничем и ничем власть в осуществлении распорядительно-хозяйственной деятельности и при этом практически ничем не рискует. Такими действиями, явно идущими вразрез с добросовестностью, создаются благоприятные условия и возможности для злоупотребления субъектом принадлежащим ему субъективным правом и в конечном счете для совершения противоправных действий: назначения и выплаты себе заработной платы выше, чем руководителю юридического лица; принятия решения по кадровым вопросам (кого брать на работу, а кому отказать; кого наказывать, а кого нет); когда выплачивать дивиденды, игнорируя ст. 28 названного федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Все кадровые решения принимаются единолично, независимо от мнения коллектива и решения руководящего органа. При категоричном отстаивании решения, принятого руководителем юридического лица, даже при условии, что деятельность директора общества приносит доход обществу, учредитель, действуя во зло субъекту трудовых отношений – директору, принимает решение об увольнении неугодного, что по сути своей и есть злоупотребление субъективным правом. Строго говоря, мы видим «квази-злоупотребление», возможно, правомерное или юридически нейтральное, индифферентное (безразличное праву) злоупотребление, что само по себе может свидетельствовать либо о пробеле в праве, либо о редкости наблюдаемого явления в судебной практике.

Примером такого злоупотребления является принятый Железнодорожным районным судом г. Новосибирска судебный акт², в котором истцу Д. отказано в восстановлении на работе в должности директора общества и выплате компенсаций. Свое решение суд обосновывает тем, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 278 ТК РФ и трудового договора (ч. 2 ст. 278 указана как основание прекращения трудового договора), заключенного между работником и работодателем, общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью имело право принять решение о прекращении полномочий директора ООО Д. и расторгнуть трудовой договор ввиду отсутствия иных согласованных

сторонами трудового договора ограничений, запрещающих работодателю воспользоваться положениями указанной статьи.

Если проанализировать ст. 278 ТК РФ, можно прийти к выводу о том, что руководитель общества, избираемый общим собранием участников общества, может быть уволен в тот же день, как будет принято такое решение, без каких-либо компенсаций и выплат. Такое незащищенное положение руководителя как субъекта трудовых правоотношений, на наш взгляд, недопустимо и является наглядным примером диспозиции п. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускающей действий граждан и юридических лиц, осуществляемых исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

Анализа законодательства и судебной практики. Несмотря на законодательное определение пределов свободы управомоченного субъекта, оно все-таки достаточно расплывчато и допускает возможность различного толкования этих пределов, что на практике может привести к нарушению прав и законных интересов других лиц, нанести вред интересам общества и государства. Вероятность злоупотребления существует, поскольку реализация субъективных прав неопределенно широкого круга лиц полностью зависит от усмотрения должностного лица, т.е. воли и желания носителя должностного полномочия. Кроме вышеприведенного примера, постоянные злоупотребления свойственны государственным, муниципальным органам власти и силовым органам, что отмечено в публикациях специалистов по трудовому праву [17], цивилистов [16; 18], теоретиков [12–14], конституционалистов [19; 20].

Федеральным законом от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Указом Президента Российской Федерации от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы», Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» установлена граница субъективных прав как для должностного лица (в нашем случае командира воинской части), так и для гражданина (военнослужащего). Однако даже при установленных границах должностное лицо нашло лазейки в действующих нормах, при нарушении которых оно не совершает уголовно наказуемого деяния, административного правонарушения и дисциплинарного проступка.

Нормативные акты, утвержденные названными указами (Устав внутренней службы Вооруженных сил РФ и Положение о порядке прохождения военной службы), наделяют командира (начальника) большим объемом полномочий, в т.ч. в части предоставления военнослужащим очередного отпуска в соответствии с утвержденным им же графиком отпусков, предоставления дней отдыха или выплаты денежной компенсации за неиспользованные дни отдыха сверх ежедневной продолжительности служебного времени и привлечения к исполнению обязанностей военной службы в выходные и праздничные дни, ведения учета количества суток несения боевого дежурства для назначения пенсии по выслуге лет в льготном исчислении³. Командир

² Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска по делу № 2-2231/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/DWnn2DIY4gbm/.

³ Приказ Министра обороны РФ от 31.07.1996 № 284 «О льготном исчислении выслуги лет при назначении пенсии»

(начальник), как должностное лицо, наделенное распорядительно-хозяйственной функцией (ст. 82–84 Устава внутренней службы ВС РФ), осознавая и четко понимая определенные пределы границ предоставленного ему субъективного права, с помощью всевозможных форм (непредоставление отпуска, дней отдыха сверх ежедневной продолжительности служебного времени и дней отдыха за привлечение к исполнению обязанностей в выходные и праздничные дни), способов (необходимость поддержания боевой готовности части) и средств, использует свои дискреционные полномочия с целью преодоления пробельности права, т. е. выходит за пределы объема данного ему права. В качестве примера можно привести несколько судебных актов по административному и гражданскому делу, принятых военными судами. Решением Новосибирского гарнизонного военного суда по административному делу от 09.01.2020 № 2а-7/2020 (2а-245/2019) административному истцу в удовлетворении исковых требований о предоставлении неиспользованной части основного отпуска было отказано. В обоснование своего решения суд указал положения ст. 75 и 76 Устава внутренней службы ВС РФ, согласно которым командир воинской части отвечает за постоянную боевую и мобилизационную готовность вверенной ему части и обязан поддерживать ее. Действующее законодательство не содержит запрета на прохождение переподготовки в период предоставленного командиру отпуска, как и запрета на его отзыв из отпуска.

Решением Омского гарнизонного военного суда по гражданскому делу от 24.01.2013 № ГД2-6/2013 гражданскому истцу было отказано в предоставлении дополнительных дней отдыха за привлечение к исполнению обязанностей сверх ежедневной продолжительности служебного времени и дополнительных дней отдыха за службу в выходные и праздничные дни истцу на основании п. 7 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, так как заявитель имеет возможность на использование дней отдыха лишь с таким расчетом, чтобы суммарное количество суток отдыха и основного отпуска не превышало 60 суток.

Еще хуже обстоит дело, когда военнослужащего, работающего по контракту, освобождают от занимаемой должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела и направляют в распоряжение командира (начальника) до вынесения решения по уголовному делу, которое в последующем либо было прекращено по реабилитирующим основаниям, либо по нему было вынесено оправдательное решение [10]. Однако законодателем не урегулирована ситуация, при которой на момент вынесения судебного решения должность оказывается уже занята, и военнослужащий остается не у дел.

Предложения по минимизации злоупотреблений полномочиями. Исходя из размытости и неопределенности положений ст. 10 ГК РФ, возникает правомерный вопрос: как доказать в суде, вышел командир воинской части за пределы права, предоставленного ему Конституцией РФ, федеральными законами, уставами ВС РФ, или нет, учитывая при этом такие существенные нюансы, как ограничение военнослужащего в гражданских

правах, которые не только недостаточно четко раскрыты в нормативных актах, но и «растворяются» в их множестве. Важную роль здесь играют зависимость по своему должностному положению от командира воинской части и боязнь защищать нарушенное право, так как «тенденция судебной деятельности по делам, вытекающим из публичных правоотношений, такова, что так называемых судебных решений по ним несопоставимо больше, нежели решений об удовлетворении требований заявителей. Оно и понятно, ведь эти дела связаны с оценкой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [19, с. 369]. Аналогичное мнение высказывают и другие ученые, в том числе за рубежом [20].

К сожалению, какой-либо судебной практики дел по обращениям в суд о признании действий должностного лица злоупотреблением правом нам найти не удалось. Не обобщал подобную практику и Верховный Суд РФ (соответствующие определения и постановления отсутствуют). Однако это не говорит об отсутствии такого рода нарушений, а наоборот, указывает на неопределенность законодательства, в частности на отсутствие механизма реализации положений правовой нормы, закрепленной в ст. 10 ГК РФ.

На основе анализа значительного числа нормативных актов стало бы правильным дополнить ст. 12 Закона от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» следующим абзацем: «Работником частной охранной организации не может быть учредитель (участник) общества, и первое предложение п. 2 ст. 278 ТК РФ после слова «договора» дополнить фразой: «но не ранее четырнадцати календарных дней с даты принятия решения». Указанные дополнения никак не ущемят права и законные интересы учредителя, но предупредят злоупотребление правом в том его смысле, в котором оно декларировано в ст. 10 ГК РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Злоупотребление полномочиями можно определить как особый вид конституционно-правового, административного и гражданского правонарушения, совершаемого должностным лицом в процессе реализации должностных полномочий с использованием недозволенных (например, аморальных) конкретных форм реализации дискреционных полномочий.

Злоупотребление гражданским правом, как и правонарушение в форме злоупотребления полномочиями, есть неправомерное поведение, не влекущее юридической ответственности в силу отсутствия как определенного состава правонарушения, так и конкретной санкции. Злоупотребление полномочиями – это специфическая форма злоупотребления правом, при которой отсутствуют признаки уголовного, административного и дисциплинарного правонарушения, но при этом причиняется вред другим лицам, что запрещено лишь весьма общим конституционным принципом (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Однако действенного механизма гарантирования прав, свобод и законных интересов «слабой стороны», страдающей от действий управомоченных субъектов, злоупотребляющих правом, законодатель пока еще не предусмотрел.

отдельным категориям военнослужащих» // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: base.garant.ru/179142/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. С. 1961–1981.
2. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.
3. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2017. 352 с.
4. Гогин А.А. Злоупотребление правом и правонарушение: проблемы дифференциации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 21–26.
5. Пономарев В.Г. К вопросу о дифференциации ответственности за злоупотребление правом в гражданском, арбитражном и административном процессе // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 70–80.
6. Желева О.В. Особенности средства злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 1. С. 24–28.
7. Желева О.В., Ткач А.С. Системные и несистемные злоупотребления субъективными правами: понятие, способы предупреждения и пресечения // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 77–81.
8. Желева О.В. К вопросу о соотношении злоупотребления субъективным правом в уголовном судопроизводстве и правонарушения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6. С. 83–91.
9. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. 256 с.
10. Овчаров О.А. Научно-практический комментарий к Указу Президента Российской Федерации от 02 января 2017 года № 5 «О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы и в Дисциплинарный устав Вооруженных сил Российской Федерации» // Право в Вооруженных силах. 2017. № 4. С. 12–22.
11. Graber M.A. A New Introduction to American Constitutionalism. New York: Oxford University Press, 2018. 235 p.
12. Musatkina A.A., Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Milusheva T.V., Makareyko N.V. Implementation of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation. New York: Nova Science Publishers, 2020. 165 p.
13. Lipinsky D., Musatkina A. Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countries // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. № 5. P. 1549–1555.
14. Алексеев А.А. Злоупотребление правом в цивилистическом процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 51–55.
15. Карягина В.С. Злоупотребление жилищными правами: проблемы правовой квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 107–117.
16. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
17. Кириллова Л.С. Запрет злоупотребления правом как предел осуществления трудовых прав // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 120–123.
18. Дерюгина Т.В. Правовая природа злоупотреблений субъективным гражданским правом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2. С. 48–51.
19. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
20. Widlak T.H. Remarks of the Normativity of International Legal Rules al Global Constitutionalism // Ratio Juris. 2016. Vol. 29. № 4. P. 117–133.

REFERENCES

1. Kamyshanskiy V.P., Veter N.Yu. Abuse of right: concept, signs, general characteristics. *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, no. 112, pp. 1961–1981.
2. Volkov A.V. *Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami. Problemy teorii i praktiki* [Abuse of civil rights. Problems of theory and practice]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 464 p.
3. Malinovskiy A.A. *Zloupotreblenie subektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of subjective law (theoretic research)]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2017. 352 p.
4. Gogin A.A. Abuse of the right and the offense: the problem of differentiation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 21–26.
5. Ponomarev V.G. On the issue of differentiation of liability for abuse of law in the civil, arbitration and administrative process. *Yuridicheskaya nauka*, 2017, no. 6, pp. 70–80.
6. Zheleva O.V. On the abuse of rights in criminal proceedings. *Ugolovnyaya yustitsiya*, 2017, no. 1, pp. 24–28.
7. Zheleva O.V., Tkach A.S. Systemic and non-systemic abuse of subjective rights: The concept and ways to prevent and counteract. *Ugolovnyaya yustitsiya*, 2018, no. 12, pp. 77–81.
8. Zheleva O.V. To the question of the correlation between abuse of right in criminal proceedings and law violation. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya*, 2016, no. 6, pp. 83–91.
9. Porotikova O.A. *Problema zloupotrebleniya subektivnym grazhdanskim pravom* [The problem of abuse of subjective civil rights]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 256 p.
10. Ovcharov O.A. Scientific and practical commentary on the Decree of the President of the Russian Federation dated 02.01.2017 No. 5 “On amending the Regulations on military service and the Disciplinary Charter of the Armed Forces of the Russian Federation”. *Pravo v Vooruzhennykh silakh*, 2017, no. 4, pp. 12–22.

11. Graber M.A. *A New Introduction to American Constitutionalism*. New York, Oxford University Press Publ., 2018. 235 p.
12. Musatkina A.A., Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Milusheva T.V., Makareyko N.V. *Implementation of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation*. New York, Nova Science Publ., 2020. 165 p.
13. Lipinsky D., Musatkina A. Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countries. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2017, vol. 8, no. 5, pp. 1549–1555.
14. Alekseev A.A. Right abuse in civil proceedings of Russia. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 51–55.
15. Karyagina V.S. Abuse of housing rights: the problems of legal qualification. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2016, no. 8, pp. 107–117.
16. Gogin A.A. *Pravonarushenie: obshcheteoreticheskiy, mezhotraslevoy i otraslevoy aspekty* [Offense: general theoretical, industry and inter-industry aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 376 p.
17. Kirillova L.S. Prohibition of Abuse of Rights as a Limitation of Exercise of Labour Rights. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2015, no. 2, pp. 120–123.
18. Deryugina T.V. Legal nature of subjective civil rights abuses. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 8-2, pp. 48–51.
19. Bobrova N.A. *Obshcheteoreticheskiy i mezhotraslevoy aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti* [The theoretical and cross-industry aspects of legal liability]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 544 p.
20. Widlak T.H. Remarks of the Normativity of International Legal Rules at Global Constitutionalism. *Ratio Juris*, 2016, vol. 29, no. 4, pp. 117–133.

ABUSE OF AUTHORITY AS A SPECIFIC FORM OF ABUSE OF RIGHT

© 2020

N.A. Bobrova, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair of Constitutional and Administrative Law, Honored Lawyer of the RF
V.V. Peristy, graduate student of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: official; abuse of right; abuse of authority; civil law; administrative law; offense; misbehavior.

Abstract: The paper deals with the abuse of rights. This category is one of the most debatable and disputable in the theory of law and interdisciplinary juridical sciences. The paper aims to analyze the phenomenon of abuse of authority by an official, which does not develop into penal offense, administrative, or disciplinary offense, as a specific form of abuse of right. The authors consider both the familiar forms, methods, and means of abuse of subjective right and the new one – the indifferent abuse affecting both private and public relations. The paper gives the comparative analysis of the notion of abuse of right and special aspects of abuse of authority (discretionary power) by an official, which does not develop into penal offense, administrative, or disciplinary offense. The authors establish causal relations between various social and legal institutions, phenomena, and events; propose ways to optimize individual provisions of the legislation of different branches to prevent the abuse of authority. The authors propose as well to divide the notion of abuse of right into two independent parts; analyze their interrelation and differences from each other. The paper lists the forms, methods, and means of abuse behavior of the participants of civil and other legal relationships; gives examples of jurisprudence, which have never been a subject of scientific analysis. The authors prove the conclusion that the abuse of right in the form of abuse of authority is the misbehavior of a holder of right when performing power. This conclusion is based on the study of the practice of application of corresponding legal rules and current scientific studies in the sphere of civil and administrative law.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

© 2020

А.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: этические основы предварительного расследования; нравственность; освидетельствование; обнажение освидетельствуемого; следственные действия; производство следственных действий; статья 179 УПК РФ; досудебное производство.

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с обеспечением соблюдения нравственных требований при производстве такого следственного действия, как освидетельствование в досудебном производстве. Сделан вывод о том, что нравственная сторона нормативно-правовых предписаний приобретает наибольшее значение в уголовно-процессуальной сфере, которая связана с жестким применением государственного принуждения в отношении личности. При этом досудебное производство характеризуется наиболее активным вторжением в сферу охраняемых на конституционном уровне прав и свобод личности, в контексте чего актуализируется проблема соблюдения этических предписаний, связанных с производством освидетельствования в особом порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 179 УПК РФ, когда оно сопровождается обнажением освидетельствуемого лица. В результате анализа термина «обнажение», употребляемого, но не раскрываемого законодателем, сделан вывод о том, что его толкование субъективно и зависит от множества факторов (воспитания освидетельствуемого, его национальности, исповедуемой религии и т. д.), в связи с чем высказано мнение о необходимости учитывать мнение освидетельствуемого при определении ситуации, требующей применения особого порядка освидетельствования. Сделан вывод о целесообразности учета мнения освидетельствуемого в вопросе половой принадлежности врача, который вправе производить освидетельствование при обнажении освидетельствуемого. Представляется необходимым при решении данного вопроса учитывать мнение освидетельствуемого и производить следственное действие, связанное с обнажением, с участием врача другого пола только при наличии согласия на это со стороны освидетельствуемого. На основе изложенного высказано предложение о внесении изменений в ч. 4 ст. 179 УПК РФ, направленных на совершенствование практики производства освидетельствования, в контексте соблюдения требований этических основ предварительного расследования.

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации в ст. 2 в качестве высшей ценности провозгласила права и свободы человека, признание, соблюдение и защиту которых берет на себя в качестве своей обязанности государство. Таким образом, на конституционном уровне был заложен тот самый нравственно-этический фундамент, который должен находить свое отражение и развитие в отраслевом законодательстве, «обрастая» многочисленными этическими императивами, позволяющими создать прочную основу должного и допустимого в контексте построения действительно правового государства, которым в ст. 1 Конституции РФ провозглашена Россия. Тем не менее декларирование закрепления за личностью неотчуждаемых прав и свобод – лишь первичный этап их реальной реализации. Создание условий, способствующих этому процессу на государственно-правовом уровне, является комплексной и долгосрочной задачей.

Мораль и право всегда находились и продолжают находиться в неразрывной связи и взаимозависимости. Мораль через нормы права обретает силу общеобязательных требований, обеспеченных возможностью применить государственное принуждение, а нормы права, благодаря моральным нормам, обретают нравственное содержание, ибо право не может быть аморальным (по крайней мере, в государстве, провозглашающем нравственные начала в качестве базовых ценностей).

Особую роль и наибольшее значение для личности этическая сторона нормативно-правовых предписаний приобретает в той сфере, которая связана с наиболее

жестким применением государственного принуждения в отношении личности (причем как той, на которую направлено уголовное преследование, так и той, что вовлечена в производство по уголовным делам в ином процессуальном статусе), – сфере уголовно-процессуальной деятельности.

В данном контексте особого внимания заслуживает досудебное производство, а именно стадия предварительного расследования, где роль этических основ максимально велика, учитывая характер и содержание отношений, складывающихся в процессе доказывания. Данный этап производства по уголовному делу характеризуется активным применением мер уголовно-процессуального принуждения (посредством применения широкого спектра мер пресечения, включая заключение под стражу, а также осуществления следственных действий, обеспеченных возможностью принудительного производства) и столь же активным вторжением в сферу охраняемых на конституционном уровне прав и свобод личности, что рассматривается как вынужденные меры, которые государство считает возможным применять ради достижения назначения уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

К сожалению, в связи с наличием значительных различий в содержании и порядке осуществления уголовно-процессуальной деятельности, работы зарубежных

специалистов, посвященные вопросам расследования преступлений [1; 2], а также производству следственных действий [3; 4], малоприменимы к российской правовой действительности.

Вопросы, связанные в том числе с нравственными аспектами осуществления процессуальной деятельности в досудебном производстве, находят свое отражение в работах отечественных специалистов: относительно производства судебной экспертизы [5], относительно вопросов, связанных с производством широкого круга следственных действий [6; 7], и других.

Основу уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве составляет комплекс разнообразных следственных действий, производство которых сопряжено с необходимостью следовать определенным нравственно-этическим началам. Отдельного внимания заслуживает этическая сторона производства такого следственного действия, как освидетельствование, предусмотренного законодателем в ст. 179 УПК РФ. Следует отметить, что в современных научных публикациях, посвященных освидетельствованию, как правило, уделяется внимание исключительно уголовно-процессуальным [7; 8] или же криминалистическим (тактическим) [9; 10] аспектам производства освидетельствования. Отдельные авторы совмещают в своих работах уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты [11; 12], оставляя за пределами своего внимания вопросы этического плана.

Некоторые исследователи еще более 40 лет назад ставили в своих трудах вопросы о возможности и целесообразности применения принуждения при производстве освидетельствования [13], что косвенно является одним из этических аспектов производства рассматриваемого следственного действия. Работы, посвященные данной тематике, опубликованы и в настоящее время [14]. Тем не менее можно констатировать, что вопросы, касающиеся нравственных рамок, определяющих границы допустимого при осуществлении освидетельствования, остаются малоисследованными, несмотря на то, что при производстве данного следственного действия может потребоваться обнажение освидетельствуемого лица, что предопределяет значимость учета нравственно-этических аспектов в подобной ситуации. Как представляется, обозначенные вопросы нуждаются в осмыслении.

Цель исследования – выработка рекомендаций, ориентированных на правоприменителя и направленных на совершенствование практики производства освидетельствования в ситуациях, связанных с необходимостью обнажения освидетельствуемого лица, в контексте соблюдения требований нравственных основ предварительного расследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Нормативная регламентация этической стороны производства освидетельствования. В первую очередь следует отметить, что при формулировании уголовно-процессуальной нормы, посвященной производству освидетельствования, законодатель был весьма краток – данному следственному действию посвящена лишь одна норма (ст. 179 УПК РФ) весьма лаконичного содержания. Исходя из субъектного состава освидетельствования, обозначенного в ч. 1 ст. 179 УПК РФ,

в качестве освидетельствуемого лица при производстве данного следственного действия могут выступать такие участники уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а также свидетель.

В связи с тем, что данное следственное действие состоит в том числе в обнаружении на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, сама процедура производства данного следственного действия сопряжена с нарушением телесной неприкосновенности индивида, с вторжением в его личное пространство, что обуславливает необходимость наличия в ст. 179 УПК РФ отдельных этических норм, определяющих границы такого вторжения и гарантии соответствия такого вторжения категориям нравственности.

По общему правилу освидетельствование производится непосредственно следователем, но в ч. 4 ст. 179 УПК РФ предусмотрен особый порядок производства данного следственного действия – когда оно сопровождается обнажением лица: при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, а само освидетельствование производится врачом.

Представляется, что неприсутствие следователя при обнажении освидетельствуемого лица другого пола является категорическим этическим требованием, которое должно соблюдаться независимо от отношения к этому освидетельствуемому (т. е. даже при его согласии на присутствие следователя).

Проблемы определения границ допустимого при производстве освидетельствования. Следует подчеркнуть, что вопрос толкования используемой в вышеназванной норме категории «обнажение» остается открытым, как и вопрос пола врача, правомочного производить освидетельствование.

В науке высказывается следующая позиция: «освидетельствование следует признавать сопровождающимся обнажением, когда об этом свидетельствуют общепризнанные нормы морали (обнажение ягодич, половых органов, иных интимных частей тела), а также в иных ситуациях, когда освидетельствуются части тела, обычно прикрытые одеждой, если освидетельствуемое лицо расценивает это как обнажение (обнажение частей спины, предплечий, бедер и др.)» [15, с. 40]. Данная позиция представляется верной.

Как отмечают отдельные авторы, «на практике принят следующий критерий обнажения. Он зависит от того, в какой одежде явилось освидетельствуемое лицо. Например, если мужчина пришел в рубашке с короткими рукавами или девушка в мини-юбке, то осмотр видимой части рук или ног (ссадины, царапины, родимые пятна и т. п.) обнажением не является и вполне допустим. Если требуется хотя бы чуть-чуть приподнять рукав или брючину, то это уже будет обнажением. Тем более обнажением является снятие любой одежды, кроме верхней» [16, с. 215].

Тем не менее следовать или не следовать подобному критерию является усмотрением конкретного должностного лица. Представляется, что во избежание ситуаций, при которых следователь мог бы пренебречь рассматриваемыми в данном контексте морально-нравственными категориями, в ч. 4 ст. 179 УПК РФ следует внести уточнение, обязывающее следователя при разрешении вопроса о наличии или отсутствии обнажения в конкретной ситуации учитывать мнение освидетельствуемого,

поскольку толкование категории «обнажение», а также допустимость обзора отдельных участков тела лицом другого пола очень сильно зависит от воспитания освидетельствуемого, его национальности, исповедуемой им религии, морально-нравственных устоев его семьи и т. д.

То, что для одного лица допустимо и приемлемо, может не быть таковым для другого человека. Например, нахождение лица женского пола в общественном месте в платье, открывающем спину, среднестатистический житель России не сочтет «обнажением» в том смысле, какой вкладывается в текст ч. 4 ст. 179 УПК РФ. Однако лицо женского пола, исповедующее ислам, вероятнее всего, сочтет подобное недопустимым (при этом данную точку зрения, в силу своего воспитания и следования иным традициям, следователь может не разделять и, более того, считать как минимум странной).

Что касается пола врача, который вправе производить освидетельствование при обнажении освидетельствуемого, то законодатель его не конкретизирует, что позволяет некоторым ученым сделать вывод о том, что «применительно к производству освидетельствования, сопряженного с обнажением, законодатель разрешил присутствие врача, у которого отличается пол от пола освидетельствуемого» [17, с. 135].

В комментариях к действующему УПК РФ об участии врача в производстве освидетельствования либо говорится вскользь, либо вообще умалчивается [18–20]. Однако, регламентируя производство личного обыска, законодатель недвусмысленно указал на то, что специалисты, в случае их участия в данном следственном действии, должны быть одного пола с обыскиваемым лицом (ч. 3 ст. 184 УПК РФ).

Тем не менее мнение конкретного лица о допустимости обнажения в присутствии врача другого пола также может быть разным, в зависимости от его морально-этических установок. Игнорирование этого способно также причинить данному лицу нравственные страдания, как и производство освидетельствования, сопряженного с обнажением, без соблюдения особого порядка. Представляется необходимым в решении данного вопроса также учесть мнение освидетельствуемого и производить освидетельствование, связанное с обнажением, с участием врача другого пола только при наличии согласия на это со стороны освидетельствуемого.

Еще одна гарантия нравственного характера предусмотрена ч. 5 ст. 179 УПК РФ. В соответствии с ней любое запечатление с помощью визуальных средств (фото, видео и т. д.) хода и результатов производства освидетельствования, сопряженного с обнажением лица, возможно лишь с согласия освидетельствуемого лица, что следует оценить положительно.

Представляется, что современный уровень нормативной регламентации нравственных основ предварительного расследования позволяет говорить об определенном обеспечении законодателем следования существующим в обществе представлениям о нравственности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Очевидно, что ни одно процессуальное действие или властное решение, даже обусловленное практической целесообразностью, не может быть аморальным и безнравственным. Тем не менее нормативное регулирование отдельных этических аспектов производства

следственных действий нуждается в дальнейшем совершенствовании.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, в целях обеспечения соблюдения нравственно-этических требований, связанных с производством освидетельствования, представляется необходимым внесение изменений в ч. 4 ст. 179 УПК РФ, создающих дополнительные этические гарантии.

В обновленной редакции, с учетом всех приведенных рекомендаций, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом:

«При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. При определении, имеет ли место обнажение в конкретной ситуации, следователю необходимо учесть мнение освидетельствуемого. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого при наличии согласия освидетельствуемого».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hart T. Investigation of crimes // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2016. № 3. P. 21–26.
2. Stewart C. Criminal proceedings in the American Criminal Justice. New York: Liberty Publishing House, 2018. 305 p.
3. Miller A. Investigative action // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2017. № 5. P. 31–36.
4. Brown J. Problems of investigative actions. San Francisco: Change Inc Publishing House, 2017. 280 p.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2018. 576 с.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
7. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
8. Диденко Н.С., Колбасина Е.Е. Процессуальные проблемы производства освидетельствования как следственного действия // *Юрист-правовед*. 2019. № 1. С. 100–103.
9. Ахмедшин Р.Л. О тактике освидетельствования // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 154–160.
10. Булгаков В.Г. Возможности получения криминалистически значимой информации о динамических признаках человека при производстве освидетельствования // *Российский следователь*. 2013. № 7. С. 2–3.
11. Хмелев С.А. Актуальные вопросы производства освидетельствования при расследовании преступлений // *Российский следователь*. 2017. № 17. С. 7–10.
12. Торбин Ю.Г. Процессуальные и тактические особенности производства освидетельствования. М.: РПА Минюста России, 2012. 224 с.
13. Пичкалёва Г. Нравственный аспект принудительного освидетельствования потерпевших // *Социалистическая законность*. 1976. № 3. С. 63–64.
14. Смолькова И.В. Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в российском уголовном судопроизводстве // *Уголовное право*. 2018. № S3. С. 122–128.

15. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. М.: Книжный мир, 2006. 187 с.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1: постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Российская газета, 2015. 912 с.
17. Рыжаков А.П. Обыск и выемка: основания и порядок производства. М.: Дело и Сервис, 2015. 224 с.
18. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017. 608 с.
19. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016. 1216 с.
20. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2009. 992 с.
10. Bulgakov V.G. Availabilities of criminalistically significant information on the character of a person during the examination. *Rossiyskiy sledovatel*, 2013, no. 7, pp. 2–3.
11. Khmelev S.A. Relevant issues of conducting examination at crime investigation. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 17, pp. 7–10.
12. Torbin Yu.G. *Protsessualnye i takticheskie osobennosti proizvodstva osvidetelstvovaniya* [Procedural and tactical features of examination]. Moscow, RPA Minyusta Rossii Publ., 2012. 224 p.
13. Pichkaleva G. Moral aspect of compulsory examination of victims. *Sotsialisticheskaya zakonnost*, 1976, no. 3, pp. 63–64.
14. Smolkova I.V. Is compulsion to be a witness admissible within the Russian criminal proceedings? *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. S3, pp. 122–128.
15. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V., Yashin V.N. *Sledstvennye deystviya* [Investigative activities]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2006, 187 p.
16. Voskobitova L.A., ed. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Glavy 1–32.1. Postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Chapters 1–32.1. Paragraph-by-paragraph scientific practical commentaries]. Moscow, Rossiyskaya gazeta Publ., 2015. 912 p.
17. Ryzhakov A.P. *Obysk i vyemka: osnovaniya i poryadok proizvodstva* [Search and seizure: reasons and procedure]. Moscow, Delo i Servis Publ., 2015. 224 p.
18. Bezlepkina B.T. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 608 p.
19. Zagorskiy G.I., ed. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 1216 p.
20. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 992 p.

REFERENCES

1. Hart T. Investigation of crimes. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2016, no. 3, pp. 21–26.
2. Stewart C. *Criminal proceedings in the American Criminal Justice*. New York, Liberty Publishing House Publ., 2018. 305 p.
3. Miller A. Investigative action. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2017, no. 5, pp. 31–36.
4. Brown J. *Problems of investigative actions*. San Francisco, Change Inc Publishing House Publ., 2017. 280 p.
5. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse* [Legal expertise in civil, arbitration, administrative, and criminal procedure]. Moscow, Norma Publ., 2018. 576 p.
6. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.
7. Rossinskiy S.B. *Sledstvennye deystviya* [Investigative activities]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
8. Didenko N.S., Kolbasina E.E. Procedural proceeding problems of examination as of investigative action. *Yurist-pravoved*, 2019, no. 1, pp. 100–103.
9. Akhmedshin R.L. On examination tactics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 405, pp. 154–160.

**ETHICAL PRINCIPLES OF THE PROCEDURE OF EXAMINATION
IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA**

© 2020

A.V. Zakomoldin, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: ethical principles of pre-trial investigation; morality; examination; the exposure of an examined person; investigative activities; investigative proceedings; Article 179 of the RF Criminal Procedure Code; pre-trial procedure.

Abstract: The paper deals with the topical issues related to ensuring compliance with moral requirements during such investigative proceedings as a pre-trial examination. The author concludes that the morality of legislative mandates has the greatest importance in the criminally-remedial sphere, which is related to the strict application of public enforcement towards a personality. In this case, the pre-trial procedure is characterized by the active invasion of personal rights and freedoms secured on the constitutional level. In this context, the issue of compliance with moral requirements related to the special procedure of examination provided by part 4 of art.179 of the RF Criminal Procedure Code, when it comes with the exposure of an examined person, becomes topical. As a result of the analysis of the term “exposure” used but not disclosed by the legislator, the author concludes that its explanation is subjective and depends on many factors (education of an examined person, his/her nationality, religion, etc.). Therefore, the author offers an opinion about the necessity to consider the opinion of an examined person when defining a situation requiring the application of a special procedure of examination. The author concludes on the reasonability to take into account the opinion of an examined person about the sexual identity of a doctor who has the right to examine with the exposure of an examined person. It appears to be necessary when solving this issue, to take into account the opinion of an examined person and to perform an investigative action associated with the exposure involving a doctor of the opposite sex only when having the consent of an examined person. Based on the aforesaid, the author suggests introducing amendments to part 4 of Art. 179 of the RF Criminal Procedure Code aimed at the improvement of the practice of examination in the context of compliance with the requirements of the moral principles of the preliminary investigation.

К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

© 2020

И.А. Иванников, доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
исполняющий обязанности декана юридического факультета
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочи (Россия)

Ключевые слова: публичная власть; законодательная власть; конституционное право; юридическая ответственность.

Аннотация: Справедливая ответственность субъектов публичной власти является атрибутом любого демократического государства и постоянно становится предметом научных дискуссий. Рассмотрен вопрос о совершенствовании института ответственности отдельных субъектов публичной власти в России. Цель работы – исследование вопроса реализации принципа справедливости при привлечении к юридической ответственности субъектов публичной власти, в первую очередь законодательной. Констатируется, что в условиях коррупции и кризиса реальной демократии возникает дефицит социальной справедливости, а законодательные органы государственной власти не закрепляют идеи справедливости в законах. Автор считает, что при дефиците справедливых законов возрастает произвол, минимизируется моральная ответственность и деформируется юридическая ответственность, принимаются законы, которые не отражают интересов подавляющей части населения Российской Федерации, а преследуют лишь узкогрупповые интересы олигархов и субъектов законодательной инициативы, самой власти. По мнению автора, низкая ответственность субъектов государственной власти перед обществом, отсутствие института отзыва депутатов, существовавшего в законах СССР, способствует росту коррупции. Проведенный анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что необходимо совершенствовать нормы института юридической ответственности субъектов публичной власти. Предлагается усилить ответственность депутатов законодательных органов власти, в первую очередь тех, кто выступает в роли субъектов законодательной инициативы. Делается вывод, что к минимизации коррупции может привести установление юридической ответственности в отношении субъектов законодательной инициативы за принятие дефектных и вредных для общества и государства законов.

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен общество волнует вопрос ограничения публичной власти. В современных государствах органы публичной власти оказывают влияние на общественные отношения, обеспечивают правопорядок и определяют перспективу развития социума, поэтому их деятельность должна быть легитимной и эффективной. Все эти вопросы входят в проблемное поле конституционного права. В последние годы появились работы, которые позволяют по-новому взглянуть на институт ответственности главы государства в истории России. Российские императоры, получая власть по наследству, не отвечали по закону перед своим народом. Последний российский император являлся главой нации [1]. Казнь его и безвинных членов его семьи актуализирует вопрос о справедливости юридической ответственности в СССР и государствах, возникших после его распада. Ответственность правительств Содружества Независимых Государств и досрочное прекращение их полномочий изложено в исследовании [2]. В социально-правовых государствах существуют органы местного самоуправления, а все органы публичной власти сотрудничают с институтами гражданского общества, осуществляется координация деятельности полиции и общественных организаций по обеспечению конституционного правопорядка. [3]. В литературе долгое время не было однозначного предположения об определении правового статуса органов государственной власти. Правовой статус органов государственной власти в узком (компетенция) и широком (совокупность элементов правового статуса) смысле был выделен в работе [4]. Сложность вопроса заключается еще в том, что фактический и конституционно-правовой статусы глав государств и органов вла-

сти часто не совпадают. Это видно при изучении разделения властей, правового статуса главы государства [5], института контрасигнатуры [6], а также законодательных органов власти¹.

Рассуждая об ответственности публичной власти, исследователи отмечают, что эта ответственность сводится к принуждению, которое исходит от власти [7]. Эти требования основываются на соблюдении совокупности принципов организации и функционирования государственной власти. Для исследователей перспективными являются вопросы совершенствования юридической ответственности в условиях построения правового государства, ограничения законом свободы деятельности органов публичной власти. Особенно интересен аспект юридической ответственности при наличии свободы выбора вариантов поведения субъектов публичной власти [8].

После развала СССР в законах многих бывших союзных республик появились нормы об институте контрасигнатуры с одновременным возложением на подписывающее должностное лицо ответственности за законность президентских актов [9]. Исследовались вопросы конституционно-правовой ответственности депутатов законодательной власти и представительных органов местного самоуправления [6].

В настоящее время актуальными являются исследования теоретико-правовых основ деятельности субъектов законотворческого процесса в России, обращается особое внимание на их статус [10]. Обосновано, что

¹ Коломийцев Н.В. Сказок много, пиара много, а дела нет // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/188862.html>.

в законотворчестве нельзя игнорировать социокультурный метод. Игнорирование этого метода в современной России является существенным недостатком законотворческого процесса [11].

Отмечается, что авторы законопроектов очень редко являются инициаторами законов [12]; признается, что законотворчество есть внешнее проявление деятельности государственной власти [13]. Формулировки конституций не учитывают всей сложности законотворческого процесса [14]. Законотворческая работа предполагает наличие высокого уровня правосознания и знаний у законодателей. Они должны рассчитывать сроки рассмотрения законопроектов на долгие годы вперед [15]. Перспективным является процесс исследования роли Совета законодателей в законотворческой деятельности, особенно в изучении законодательных инициатив парламентов субъектов Российской Федерации [16].

Цель работы – исследование вопроса реализации принципа справедливости при привлечении к юридической ответственности субъектов публичной власти, в первую очередь законодательной.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторитет и эффективность публичной власти. В Российской Федерации с 1990-х годов происходили процессы криминализации всей системы исполнительных, законодательных, судебных и иных органов публичной власти. В политической сфере стали доминировать договоренности, а не нормы законов. В силу дефицита социальной справедливости в этот период времени, сотрудники государственного аппарата не несли ответственность перед населением за результаты своей деятельности. Депутаты законодательных органов власти стали более безответственными после того, как был отменен институт отзыва депутатов, а государственные служащие стали ответственными перед высшестоящими чиновниками.

Авторитет государственной власти связан с качеством и уровнем жизни населения, а ее эффективность определяется достижением целей властвования. Авторитету публичной власти в современной России мешает правовой нигилизм, возникший еще в годы перестройки и получивший развитие в 1990-е годы. В последнее время в России были привлечены к юридической ответственности и понесли наказание за преступления коррупционной направленности высокопоставленные и публичные люди: члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, федеральные и региональные министры, главы субъектов РФ, генералы правоохранительных органов, что привело к подрыву авторитета и доверия к органам публичной власти. Как повысить эффективность и авторитет конституционных органов публичной власти и минимизировать коррупцию?

Пути повышения эффективности публичной власти.

Сущность публичной власти проявляется в ее статусе, а также функциях, количество которых с усложнением общественных отношений возрастает. В число основных функций включают организационно-управленческую, контрольную и другие [17]. Эффективно их смогут выполнять лишь те субъекты, которые действуют в строгом соответствии с принципами законности и справедливости. Коррупцированные органы и должностные

лица публичной власти реализовать эти принципы не могут. Коррупцированные чиновники способствуют криминализации общества, так как используют свои полномочия, положение, статус в целях извлечения личной, групповой выгоды или выгоды в интересах третьих лиц. В политических отношениях эти выгоды проявляются в поддержке и протекции одних лиц или в препятствиях и недопущении к власти других лиц, претендующих на социально значимые должности. Такие действия снижают авторитет государственной власти и органов местного самоуправления, подрывают веру граждан в демократический институт выборов. Чрезвычайно опасна коррупция в сфере правотворчества, и особенно в сфере законотворчества, поскольку с помощью законов можно развалить любое общество и государство, вызвать недовольство населения деятельностью органов публичной власти в целом. Главные методы борьбы с коррупцией видятся в повышении духовно-нравственного уровня населения, его правовой культуры, установлении равноправия и демократизации политической жизни.

Роль законодательства в обеспечении эффективности публичной власти. Предпосылкой эффективности государственной власти является наличие в стране хороших законов. Законодательная практика в некоторых странах десятки лет идет по пути демократизации. Подобные процессы наблюдаются и в странах, которые образовались в результате развала СССР. Так, например, в августе 2019 года вновь избранная Верховная Рада Украины на первом заседании сессии одобрила законопроект о внесении изменений в ст. 80 Конституции Украины о снятии депутатской неприкосновенности. С 1 января 2020 года в Конституции Украины осталась только часть о том, что народные депутаты Украины не несут юридической ответственности за работу в Верховной Раде. Проникновение в законодательные органы власти лиц, связанных с организованной преступностью, приводит к лоббированию этими субъектами таких законов, которые не отражают интересы подавляющей части населения и самого государства, преследуют узкогрупповые выгоды. Самой опасной в работе органов публичной власти болезнью является коррупция. Для повышения эффективности законодательных органов власти депутаты на 100 % должны состоять из лиц, имеющих юридическое образование. В то же время необходимо восстановить на конституционном уровне институт отзыва депутатов законодательных органов государственной власти, отменить пропорциональную систему выборов депутатов как недемократическую. В настоящее время можно формировать все конституционные органы государственной власти и следственные органы не из лиц с бакалаврским образованием, которое не воспринимается обществом как высшее, а с магистерским образованием или с дипломом специалиста.

Совершенствование ответственности субъектов публичной власти. В Российской Федерации коррупции способствует низкая ответственность перед обществом законодателей, отсутствие института отзыва депутатов, который был в СССР. Автор неоднократно предлагал установить уголовную ответственность в отношении субъектов законодательной инициативы за законы, которые нанесли вред обществу и государственной

власти Российской Федерации². Даже по закону о повышении пенсионного возраста субъектом правонарушения может стать депутат или группа депутатов, за исключением тех лиц, которые в этих органах выполняют технические или иные профессиональные обязанности. Объектом данного правонарушения является нормальная жизнедеятельность государственного аппарата, отдельных его органов, местного самоуправления, ухудшение жизни граждан. Объективной стороной являются действия, совершение которых было возможно благодаря должности в системе органов государственной власти. Исследование вопроса о том, чья воля отражена в законе, кто конкретно субъект законодательной инициативы, не вызовет больших трудностей. Вопрос требует проработки специалистами в области отраслевых юридических наук. В конституционном праве такие исследования уже проведены. Например, предлагается установить деликт правового регулирования, который содержит опасность и направлен на увеличение разрыва между самой обеспеченной и самой не обеспеченной частями населения [18].

Наблюдение за политическими процессами в период выборных кампаний позволяет сделать вывод, что в регионах, где люди живут в бедности, развита коррупция, часты рейдерские захваты с участием сотрудников правоохранительных органов, вбросы бюллетеней и фальсификации на выборах, дефицит социальной справедливости, а население недовольно публичной властью всех уровней, что может привести к социальному конфликту.

Вопросы деятельности органов государственной власти часто обсуждаются не только населением, исследователями, но и в самих органах государственной власти. В соответствии с Конституцией РФ и ст. 35 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», глава государства – Президент России – вправе принять решение об отставке Правительства РФ без причин. Эта норма предоставляет возможность Президенту РФ приостановить работу Правительства РФ. В 1998 году Б.Н. Ельцин в течение года поменял пять глав Правительства РФ. Некоторые из них узнавали о своей отставке из СМИ. В Конституции РФ и законах не содержится оснований юридической ответственности Правительства РФ перед главой государства. Фактически нет никакой ответственности ни Правительства РФ, ни тех депутатов Государственной Думы РФ, которые проголосовали за Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», нарушающий ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, повысивший пенсионный возраст. Повышение пенсионного возраста не поддержала лишь незначительная часть депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которые подписали обращение в Конституционный суд России. Ожидание некоторой части российских граждан, что Конституци-

онный суд России отменит норму о повышении пенсионного возраста как неконституционную, не оправдались. В определении Конституционного суда России отмечено, что «Конституция Российской Федерации не исключает возможности повышения пенсионного возраста федеральным законом»³. Сам ФЗ и Постановление Конституционного суда РФ не отражают мнения подавляющего большинства граждан России, не соответствуют принципам равенства и справедливости, так как те, кто уходит на пенсию в будущем, могут до нее и не дожить. Своим решением Конституционный суд РФ понизил свой авторитет среди большинства граждан России.

Ст. 71 Федерального закона РФ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет, что основания ответственности органов местного самоуправления, депутатов, членов выборных должностных лиц и иных субъектов определяются уставами муниципальных образований в соответствии с настоящим законом, а уставы муниципальных образований в вопросах ответственности отсылают к федеральному законодательству. Так, ч. 4 ст. 76 Устава города Ростова-на-Дону 1996 года с изменениями на 5 июня 2018 года гласит, что неисполнение или ненадлежащее исполнение решений городского самоуправления влечет ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в отличие от депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, обязаны лишь участвовать в работе его заседаний. Так записано в п. 5 ст. 4 Постановления СФ ФС РФ от 30 января 2002 года № 33-СФ «О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания». Для повышения эффективности целесообразно формировать Федеральное Собрание РФ и законодательные органы власти субъектов, в отличие от муниципальных, только из лиц, имеющих юридическое образование (среднее специальное или высшее).

Срок полномочий правительств зависит от формы правления, но может быть досрочное прекращение их деятельности добровольно или принудительно в результате отставки. Отставка правительства – это уже санкция, после которой возможны иные виды юридической ответственности.

В Постановлении от 11 декабря 1998 года № 28-П «По делу о толковании положений ч. 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации» Конституционный суд РФ отметил, что Президент несет конституционную ответственность «за деятельность Правительства»⁴.

³ РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2019 г. № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий"» // Гарант – Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии. URL: garant.ru/products/ipo/prime/doc/72113136/.

⁴ РФ. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений часть 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

² Иванников И.А. Пути совершенствования юридической ответственности органов публичной власти // *Коррупционные преступления: выявление, расследование, предупреждение: материалы российско-белорусского научно-практического семинара. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 20–22.*

А.В. Нечкин считает, что «... в данном случае Суд подразумевал наличие позитивной ответственности, так как основания негативной политической ответственности Президента исчерпывающим образом прописаны в ч. 1 ст. 93 Конституции РФ, и более никакой ответственности положения Конституции для него не предусматривают» [2, с. 62]. Однако данное утверждение не бесспорно. Если правительство, выполняя указы Президента РФ, осуществляло ошибочную внутреннюю и внешнюю политику, которая нанесла вред государству и обществу, то должна быть солидарная ответственность Правительства и Президента России. Безнаказанное нарушение законодательства Президентом России осенью 1993 года привело к узурпации власти в стране и многочисленным жертвам.

Правительство России ответственно перед Президентом РФ. Так, на основании ч. 2 ст. 117 Конституции РФ Президент России может отправить Правительство в отставку. Правительство России ответственно и перед Государственной Думой Федерального Собрания РФ. Однако Президент на основании ч. 4 ст. 111 Конституции РФ может распустить Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Недоверие Правительству, выраженное Государственной Думой Федерального Собрания РФ (по сути, можно назвать политической санкцией), не является обязательным для Президента РФ. Права исследователи, которые считают такой порядок недемократичным. Такое же положение дел в Республике Казахстан (ст. 70 Конституции Республики Казахстан). В Республике Беларусь президент по собственной инициативе может отправить в отставку Совет министров (ч. 9 ст. 106 Конституции Республики Беларусь). Фактически все зависит от конституционно-правового статуса президента страны.

Глава государства, проявивший политическую волю в борьбе с коррупцией в защите суверенитета своего государства, должен не стремиться к изоляции страны, а развивать сотрудничество с зарубежными государствами [19]. При сотрудничестве с международными организациями в условиях пандемии COVID-19 деятельность государственной власти в 2020 году будет признана эффективной лишь там и тогда, где она обеспечит выживаемость населения. При этом должно быть тесное сотрудничество исполнительной, законодательной и судебной ветвей государственной власти в вопросах привлечения к ответственности тех субъектов публичной власти, которые нарушают законодательство и не обеспечат выживаемость населения. В юридической науке известно, что суды определяют меру ответственности, которая установлена законом [20].

ВЫВОДЫ

1. Авторитет публичной власти зависит от четкости ее правового статуса, от того, насколько ее действия соответствуют представлениям общества о справедливости, демократии, правах человека, отношению к коррупции, достижению целей властвования с минимальной затратой средств, времени и сил.

2. Недоверие правительству, выраженное Государственной Думой Федерального Собрания РФ, которое предусмотрено Конституцией России, является морально-политической ответственностью, так как она не влечет юридических последствий. Ответственность Пра-

вительства перед Президентом России есть юридическая ответственность, которая не только предусматривается Конституцией России, но и реализуется. На этом примере видно явное превосходство главы государства над законодательной ветвью власти, что не соответствует принципу справедливости.

3. Формирование законодательных органов власти имеет непосредственное отношение к безопасности государства. Необходимо установить уголовную ответственность с перечнем санкций в отношении субъектов законодательной инициативы за проекты законов, которые нанесли вред обществу, государственным органам власти. Если в ближайшее время Президент России получит право направлять в Конституционный суд России законопроекты для проверки их конституционности, то в случае выявления Конституционным судом России неконституционности законопроекта будет необходима конституционная ответственность законодателей, которые представили Президенту России дефектный закон. Наличие такой ответственности повысит качество законодательной деятельности и будет соответствовать принципу справедливости, который предусматривает не только наличие самого наказания, но и четкое законодательное закрепление санкций, перечня запретных деяний и реализацию юридической ответственности компетентными государственными органами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Н.А. Расследование убийства Российской Императорской семьи. Избранные главы. Екатеринбург: Державное наследие, 2019. 286 с.
2. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус правительств стран Содружества Независимых Государств. М.: НОРМА, 2016. 175 с.
3. Безруков А.В. Общественные формирования и органы публичной власти в обеспечении конституционного правопорядка: основные направления деятельности и формы сотрудничества // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 21–25.
4. Несмеянова С.Э. Понятие и структура конституционно-правового статуса органа государственной власти (на примере Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 5–9.
5. Иванников И.А. В поисках идеала государственной формы России. Ростов н/Д.: Ростовский университет, 2000. 248 с.
6. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в Российской Федерации: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 127–143.
7. Югов А.А. Понятие и система основных функций публичной власти // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 37–41.
8. Иванников А.И. Аксиология юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.
9. Филиппов Н.А. Институт контрасигнатуры в контексте принципов ответственности и представительного правления // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 18–23.

10. Фомичева О.А. Основные направления деятельности субъектов законотворческого процесса. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.
11. Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.
12. Трофимова Г.А. Авторство как законопроект: частный и публичный аспекты проблемы правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 44–48.
13. Исаев И.А. «Индивидуальный Закон»: рождение понятия // История государства и права. 2017. № 24. С. 3–9.
14. Чиркин В.Е. О части 1 ст. 105 Конституции России аналогических формулировках зарубежных конституций // Журнал Российского права. 2017. № 11. С. 5–14.
15. Виноградов Д.П. Подготовка сопроводительных документов к законопроекту: проблемы и способы решения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 22–26.
16. Виноградов Д.П. Экспертиза законопроектов в России: современное состояние и пути развития // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 24–28.
17. Югов А.А. Публичная власть и территориальная основа ее функционирования: конституционные начала правового регулирования // Российский юридический журнал. 2004. № 1. С. 15–25.
18. Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность публично-правовых субъектов: деликты общего характера // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 3–11.
19. Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М.: РГУП, 2016. 672 с.
20. Яковлев В.Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал Российского права. 2014. № 1. С. 5–7.
21. Fomicheva O.A. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti subektov zakonotvorcheskogo protsessa* [Main directions of activity of subjects of the legislative process]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 184 p.
22. Ivannikov I.A. *V poiskakh ideala gosudarstvennoy formy Rossii* [In search of the ideal of the state form of Russia]. Rostov-on-Don, Rostovskiy universitet Publ., 2000. 248 p.
23. Kondrashev A.A. Constitutional legal amenability of the legislature deputy (the representative body of the local authority) in the RF: the basics of the classification and the problems of practical realization. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 127–143.
24. Yugov A.A. The notion and system of fundamental functions of public power. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2007, no. 5, pp. 37–41.
25. Ivannikov A.I. *Aksiologiya yuridicheskoy otvetstvennosti* [Axiology of legal responsibility]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 144 p.
26. Filippov N.A. Institute of contrasignature in the context of the principles of responsibility and representative government. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2007, no. 11, pp. 18–23.
27. Fomicheva O.A. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti subektov zakonotvorcheskogo protsessa* [Main directions of activity of subjects of the legislative process]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 184 p.
28. Avakyan S.A. Public power and representation: organizational, social and personalistics fundamentals (constitutional-law viewpoint). *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2014, no. 11, pp. 20–30.
29. Trofimova G.A. Authorship of the bill: private and public aspects of legal regulation. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2015, no. 2, pp. 44–48.
30. Isaev I.A. "Individual Law": Origination of the Notion. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2017, no. 24, pp. 3–9.
31. Chirkin V.E. On the Part 1 Art. 105 of the Constitution of the Russian Federation, and Similar Terms of Foreign Constitutions. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, 2017, no. 11, pp. 5–14.
32. Vinogradov D.P. Preparation of accompanying documents to draft law: issues and solutions. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 5, pp. 22–26.
33. Vinogradov D.P. Bill expert examination in Russia: the current state and development options. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 12, pp. 24–28.
34. Yugov A.A. Public power and territorial basis of its functioning: constitutional principles of legal regulation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2004, no. 1, pp. 15–25.
35. Trofimova G.A. Constitutionally acceptable legal responsibility of public law subjects: general delicts. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 3–11.
36. Umnova (Konyukhova) I.A. *Konstitutsionnoe pravo i mezhdunarodnoe publichnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodeystviya* [Constitutional law and international public law: theory and practice of interaction]. Moscow, RGUP Publ., 2016. 672 p.
37. Yakovlev V.F. On the Notion of Legal Responsibility. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, 2014, no. 1, pp. 5–7.

REFERENCES

1. Sokolov N.A. *Rassledovanie ubiystva Rossiyskoy Imperatorskoy semi. Izbrannye glavy* [Investigation of the murder of the Russian Imperial family. Elected head]. Ekaterinburg, Derzhavnoe nasledie Publ., 2019. 286 p.
2. Nechkin A.V. *Konstitutsionno-pravovoy status pravitel'stv stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [The Constitutional and legal status of governments of the Commonwealth of Independent States]. Moscow, NORMA Publ., 2016. 175 p.
3. Bezrukov A.V. Public organizations and public authorities securing constitutional law and order: the main activity areas and cooperation forms. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 21–25.
4. Nesmeyanova S.E. Concept and structure of the constitutional and legal status of a state authority (on the example of the constitutional Court of the Russian Federa-

**CONCERNING THE FAIRNESS AND RESPONSIBILITY
OF CERTAIN SUBJECTS OF PUBLIC AUTHORITY**

© 2020

I.A. Ivannikov, Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor,
Acting Dean of the Law Faculty
Sochi Institute (branch) of RUDN University, Sochi (Russia)

Keywords: public authority; legislative power; constitutional law; legal responsibility.

Abstract: Fair responsibility of public authorities is an attribute of any democratic state and is constantly the subject of scientific discussions. The paper considers the issue of improving the institute of responsibility for particular subjects of public authority in Russia. The purpose of the paper is the study of the implementation of the principle of justice when bringing the subjects of public authority, primarily legislative, to legal responsibility. The paper states that, in the context of corruption and the crisis of actual democracy, the deficiency of social equity arises, and the state legislative authorities do not enshrine the ideas of fairness in the laws. The author believes that with the shortage of fair laws, arbitrariness increases, moral responsibility is minimized and legal responsibility is deformed, and the laws are adopted, which do not reflect the interests of the vast majority of the population of the Russian Federation, and only pursue the narrow group interests of oligarchs and subjects of legislative initiative, the authorities themselves. To the author's opinion, the low responsibility of state authorities to society, the absence of the institute of recall of deputies, which existed in the USSR laws, contributes to the growth of corruption. The analysis of Russian legislation makes it possible to conclude that it is necessary to improve the norms of the institute of legal responsibility of public authorities. The author proposes to strengthen the responsibility of deputies of legislative authorities, primarily those who act as the subjects of legislative initiative. The author concludes that the establishment of legal responsibility for the subjects of the legislative initiative for the adoption of laws defective and harmful for the society and the state can lead to the minimization of corruption.

**РЕФЕРЕНДУМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

© 2020

А.А. Иванов, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: легитимация; плебисцит; прямая демократия; референдум.

Аннотация: Изучение юридической природы референдума, как института прямой демократии, представляет значительный интерес в связи с социально-политической остротой последствий его использования. Решения, принятые по результатам национальных референдумов в различных государствах мира в последние годы, неоднократно приводили к изменению межгосударственных отношений, гражданским конфликтам и экономическим кризисам, изменению государственной принадлежности территории. Но некоторые результаты референдумов были проигнорированы публичной властью, что ставит вопрос о легитимности принятых или отвергнутых по их результатам решений. Основная идея статьи заключается в рассмотрении сущности и задач референдума как всенародного санкционирования и легитимации принятия какого-либо важного и общезначимого политического решения или отказа от него, дополняющего тем самым механизмы представительной демократии. Установлено, что в Российской Федерации фактически имели место референдумы, которые формально не могут рассматриваться в качестве таковых с точки зрения действующего специального законодательства. Проанализирована проблема соответствия содержания понятий «всенародное голосование», «референдум» и «плебисцит». Проведенный анализ практики организации референдумов в Российской Федерации позволил выделить такие разновидности референдума, как референдум о государственной принадлежности территории, конституционный референдум и местный референдум. Отдельным вопросом является рассмотрение природы голосования по поправке в Конституцию Российской Федерации 2020 года, определение сущности и значения подобного голосования на основе общих принципов организации референдумов в мире. Референдум рассматривается в качестве института, в наибольшей степени воплощающего в себе основные идеи демократического политического устройства и позволяющего не только определить мнение большинства населения по какому-либо вопросу, но и санкционировать принятие органами власти решений, в перспективе затрагивающих права и свободы соответствующего населения. Делается вывод, что в наибольшей степени в настоящее время институт референдума находит свое воплощение на уровне местного самоуправления, однако развитие цифровизации может привести к большей применимости данного института на общегосударственном уровне.

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрение проблем нормативного регулирования референдума, как инструмента прямой демократии, заставляет обратиться к проблемам демократии представительной, что позволит показать, что ряд вопросов здесь невозможно решить без прямого участия граждан в принятии некоторых решений в сфере функционирования государства.

Проблемы современной представительной демократии носят многообразный характер, в связи с чем они даже могут быть подвергнуты своеобразной классификации. Так, например, проблема контроля за решениями представительных органов в мире является общепризнанной, она неоднократно становилась предметом разного рода исследований зарубежных ученых [1–3].

Острым является также вопрос: является ли представительная демократия представительной на самом деле или только формально? Как пишет И.В. Орешкина, «нет уверенности, что решения, принимаемые народными представителями, соотношены с интересами представляемых лиц, а не являются последствием ошибочной идентификации этих интересов» [4, с. 58].

Даже в идеальных условиях многопартийности состав парламента может представлять интересы не всего, а только большинства населения. Решения в парламенте также принимаются большинством голосов, но это производное большинство (большинство от числа выбранных депутатов) будет представлять интересы большинства от общей численности населения уже далеко не

всегда. Например, если предположить ситуацию, при которой своих представителей провели в парламент социальные группы, в совокупности составляющие 70 % численности населения определенной территории, а решение в парламенте было принято 70 % голосов избранных подобным образом депутатов, в итоге окажется, что депутаты, принимающие данное решение, представляют только 49 % от общей численности населения в данном обществе, т. е. его меньшую часть. На практике доля населения, фактически представляемая депутатами, принимающими тот или иной закон, может быть и значительно меньшей.

Как считает Я.Э. Лейн, особенности современного демократического устройства приводят к тому, что решение, формально принятое большинством электората, фактически является результатом волеизъявления меньшинства, в связи с чем демократические процедуры характеризуются парадоксальным результатом [5].

Выход из данной ситуации Т. Кэмпбелл видит в том, чтобы ответственность за социально-экономические процессы, происходящие в обществе, возложить не только и не столько на органы власти (пусть даже на представительные), но и на самих граждан, различного рода организации. Должны принимать решения и разделять ответственность за их реализацию граждане и институты гражданского общества, осуществляющие взаимодействие с органами власти на разных иерархических уровнях [6]. По мнению В.Н. Руденко, в современном конституционализме в результате

развития обозначенных тенденций появляются инновационные формы демократии, связанные, например, с развитием цифровых технологий и социальных сетей и дополняющие традиционные способы осуществления демократического выбора, известные из опыта политических преобразований XX века, которые в современных условиях выглядят не вполне эффективными [7].

Российский региональный опыт свидетельствует о возможности использования механизма референдума также для принятия законов, прежде всего, конституционного характера [8]. Но приведенная ситуация является скорее исключением, чем правилом.

Можно прийти к промежуточному выводу, что общество, внедряя институты представительной демократии, принимает на себя также и риски, связанные с таким выбором. Государства готовы смириться с такими рисками, но только до тех пор, пока выбор не касается вопросов, кардинальным образом затрагивающих будущее существование конкретной территории (вопросы государственной принадлежности, принятие Основного закона и т. д.). В этом случае оправданным является применение институтов прямой демократии, в частности референдума, который свободен от вышеуказанных недостатков парламентаризма, но вместе с тем имеет целый ряд собственных недостатков, служащих ограничением для его частого применения.

Цель работы – рассмотрение проблем, существующих в сфере реализации института референдума в Российской Федерации, и анализ тех возможностей, которые развитие современных технологий предоставляет для совершенствования институтов прямой демократии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Особенности референдума как института прямой демократии в Российской Федерации. В ст. 3 Конституции Российской Федерации референдум обозначен (наравне со свободными выборами) как высшее непосредственное выражение власти народа. Право на участие в референдуме рассматривается в качестве политического права гражданина в ст. 32 Конституции РФ. Из содержания ст. 84 и 92 Основного закона следует, что назначение всероссийского референдума рассматривается как исключительная прерогатива Президента РФ (назначать общероссийский референдум не вправе должностное лицо, исполняющее обязанности Президента РФ).

В соответствии со ст. 15 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», референдум субъекта РФ назначается законодательным органом власти соответствующего субъекта, а местный референдум – представительным органом соответствующего муниципального образования.

Вместе с этим про референдум говорится также в ст. 130 Конституции РФ: «Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума». Об участии Президента РФ или органов государственной власти в организации местных референдумов отечественное законодательство не говорит: подобное бы противоречило сущности как президентской, так и муниципальной власти.

В настоящее время в России разработана законодательная база, регламентирующая организацию и осуществление референдумов, основным специальным актом в

данном случае является Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». Важную роль в регулировании рассматриваемого вопроса играет также ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Для регулирования местных референдумов используется также ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ФЗ от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Большое значение для организации региональных или местных референдумов имеет определение порядка проведения соответствующей процедуры в уставе субъекта Российской Федерации или муниципального образования соответственно.

Главной формой прямой демократии в местном самоуправлении является именно местный референдум, который позволяет органам местного самоуправления исследовать мнение населения по вопросам местного значения [9]. Важность проблемы эффективной организации местного самоуправления обуславливает непрекращающиеся дискуссии по этому вопросу в зарубежной научной литературе, причем эти дискуссии возникли за рубежом раньше, чем соответствующие исследования в нашем государстве. Так, представляет интерес проведенное S.J. Benedict исследование разных форм реализации местного самоуправления [10]. W.J. Wang полагает, что управление для достижения результатов – это система управления эффективностью, которая децентрализует полномочия менеджеров в обмен на повышение подотчетности в работе [11]. S. Shinohara считает, что существуют различные механизмы реагирования граждан на упадок муниципалитетов, вызванный неудачей муниципального управления [12], одним из этих механизмов является институт отзыва и референдума.

Анализ сложившейся российской практики показал незначительное использование института местного референдума при решении вопросов местного значения (за исключением Республики Татарстан). Как пишет З.А. Иванова, в основном организация подобных референдумов обусловлена изменением границ муниципальных образований; в небольших по численности поселениях референдумы могут проводиться также для сбора разовых платежей, направляемых на решение инфраструктурных задач конкретной территории, что не полностью отвечает изначальным задачам, поставленным перед институтом местного референдума [13]. Ж.Ю. Данкова и Е.П. Шитова, рассматривая проблему муниципального референдума, отмечают, что основная проблема состоит в приоритете экономических аспектов при его организации. Если выносимые на референдум вопросы преследуют некие нематериальные цели, однако финансовые выгоды от его проведения не ожидаются, местными органами власти подобный референдум может быть признан нецелесообразным [14]. Еще одной причиной редкого использования на практике механизмов местного референдума является неспособность и неготовность населения объединяться и представлять себя перед органами власти как одно сообщество; отсутствует и общее осознание преимуществ референдума [15].

В настоящее время нарабатывается практика решения конфликтных вопросов, возникающих в процессе организации референдума¹, государственные органы принимают соответствующие подзаконные акты (так, например, Протоколом Госстроя РФ от 10.06.1999 № 01-НС-15/7 была утверждена форма петиции о проведении градостроительного референдума). Появляются интересные исследования различных проблем, связанных с организацией референдумов [16–18].

Т.Д. Цурган [19] отмечает отсутствие четкости в использовании того или иного наименования этого инструмента демократии. Нередко в средствах массовой информации происходит подмена, и вместо понятия «референдум» употребляется понятие «плебисцит». Данный термин в российском законодательстве отсутствует, что вызывает сомнения в целесообразности его употребления. В некоторых государствах (США, Франция) термины «плебисцит» и «референдум» фактически являются синонимами, в других странах (ФРГ) плебисцитом называют все виды голосования в совокупности. Отсутствие законодательного определения и множественность определения понятия плебисцита в мировой юридической мысли должна послужить преградой для его использования в официальном документообороте РФ.

Применимость механизма референдума в современной России. Несмотря на длительную историю существования института референдума в Российской Федерации, при организации данной демократической процедуры и в понимании целей ее проведения возникают разнообразного рода проблемы. Каждый случай проведения референдума приобретает уникальный характер, организуется особым образом. Редкость организации референдумов на территории Российской Федерации приводит к тому обстоятельству, что данный институт, несмотря на наличие соответствующих законов, его регулирующих, не является в полной мере институционализированным, а субъекты политической деятельности (в том числе такие профессиональные субъекты, как политические партии) не имеют опыта его организации и проведения. Так, например, не справились партии с организацией референдума по вопросу повышения пенсионного возраста, несмотря на значительный общественный резонанс и социальную поддержку, оказанную организации подобного референдума; не были проведены и многие другие предлагаемые референдумы по вопросам, имеющим остросоциальный характер.

Перечень вопросов, по которым может быть проведен референдум в нашем государстве, довольно ограничен, а всероссийский референдум является исключительным событием в сфере государственного строительства. Примером обратного рода является Швейцария – мировой лидер по организации национальных референдумов [20]. В этом государстве референдум рассматривается в качестве наиболее мажоритарного (учитывающего волю большинства граждан) способа разрешения социальных конфликтов, а также способа мешающего сформироваться «тираническому большин-

ству». На референдумы выносятся множество разнообразных вопросов, в рамках ответа на которые каждый раз формируется свое «большинство»; состав граждан, входящих в «большинство», в каждом случае является отличным. Успешно используется референдум в Швейцарии также для легитимации проводимой государственной политики (когда граждане с ней соглашаются) либо снятия ответственности с правительства за принимаемые решения (в ситуации, когда граждане отклоняют его предложения). Основной проблемой заимствования указанного опыта является небольшой территориальный масштаб этого альпийского государства, позволяющий ему осуществлять свою внутреннюю политику подобным образом.

Эффективность внедрения подобной практики в России была выявлена при организации референдумов на местном уровне. Своеобразной и легко реализуемой формой местного референдума в Российской Федерации является сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования, который регулируется ст. 25 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако в более крупных административно-территориальных образованиях реализация механизмов схода граждан сразу начинает вызывать многочисленные и разнообразные проблемы. Ограничительным фактором в данном случае является даже не столько отсутствие у населения специальных компетенций и информации, позволяющей принимать решения по вопросам организации функционирования публичных образований, а в большей степени объективные препятствия, связанные с невозможностью периодически отрывать население от осуществления трудовой деятельности для участия в голосовании и каким-то образом собирать большие массы людей в одном месте.

Общероссийское голосование по поправке к Конституции Российской Федерации. Наиболее актуальной проблемой, связанной с институтом референдума, в настоящее время является голосование по поправке к Конституции РФ. Продолжаются дискуссии о правовом статусе данного голосования.

Говоря о внесении в Конституцию РФ изменений, следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о поправках, а о единственной поправке, вобравшей в себя все изменения. Голосование производится по предмету народного одобрения всех изменений разом. Иной порядок голосования вряд ли возможен, что связано как с количеством вносимых изменений (их более ста), так и с тем, что все вносимые изменения представляют собой взаимосвязанную систему норм, а при принятии одних поправок и отклонении других вся структура предложенных изменений будет нарушена.

В данном случае при внесении изменений в Конституцию РФ в 2020 году полностью повторяется порядок ее принятия в 1993 году: всенародное голосование проводится сразу по всей совокупности устанавливаемых норм. Следует отметить только, что в 1993 году для характеристики проводимого голосования был выбран термин «всенародное», теперь же используется эпитет «общероссийское», что уже само по себе может дать почву для определенных размышлений по этому поводу. В случае если изменение наименования голосования

¹ *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».*

является непреднамеренным, это может свидетельствовать о терминологической нечеткости, допущенной лицами, подготавливающими соответствующие изменения к внесению в Основной закон.

Критики Конституции РФ 1993 года перечисляют нарушения действовавшего законодательства, в частности Закона от 16 октября 1990 года «О референдуме РСФСР», которые, по мнению некоторых, могут характеризовать Основной закон нашего государства изначально в качестве нелегитимного. Так, вместо Съезда народных депутатов или Верховного Совета, как того требовал закон, с инициативой о проведении референдума выступил Президент РФ. За вопрос о принятии Конституции должны были проголосовать более половины граждан, внесенных в списки для участия в референдуме, но и этого не произошло.

Неслучайно поэтому, хотя в обиходе и используется слово «референдум» для обозначения процедуры голосования по Конституции РФ, состоявшегося 12.12.1993, в реквизитах действующей Конституции РФ и официальных документах, связанных с ее принятием, термин «референдум» отсутствует. Но за подменой понятий нельзя скрывать суть явлений. Как бы событие 12 декабря 1993 года ни называли всенародным голосованием, к нему все равно должны применяться требования законодательства о референдуме.

Помимо перечисленных выше требований, закон о референдуме содержал процедуру оспаривания результатов голосования, но подобное оспаривание так и не было произведено. Можно считать, что легитимация результатов голосования по проекту Конституции РФ была произведена по факту в связи с отказом заинтересованных лиц от оспаривания данных результатов.

В соответствии со ст. 2 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ, «референдум – форма прямого волеизъявления граждан Российской Федерации по наиболее важным вопросам государственного и местного значения в целях принятия решений, осуществляемого посредством голосования граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме». Считаем, что всенародное голосование, проведенное 12 декабря 1993 года, отвечает этому определению по своим существенным признакам.

Вместе с этим действующий ФЗ от 28.06.2004 № 5-ФЗ «О референдуме Российской Федерации» в ст. 21 вводит самостоятельный институт, называемый «всенародное голосование по проекту новой Конституции Российской Федерации». Можно обнаружить некоторые процедурные отличия в механизмах реализации данного института и того института, который ФЗ «О референдуме РФ» называет собственно референдумом. Они заключаются, например, в том, что голосование на референдуме может быть назначено только на воскресенье (ст. 15 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ) и референдум признается комиссией референдума не состоявшимся в случае, если в нем приняло участие менее половины участников референдума, внесенных в списки на территории его проведения (ст. 70 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Как указывается в ст. 135–136 Конституции РФ, поправки к главам 3–8 Конституции Российской Федерации принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, а положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федера-

ции не могут быть пересмотрены Федеральным собранием – для их принятия созывается Конституционное собрание, которое вправе принять подобные поправки либо вынести их на всенародное голосование. Требования, предъявляемые к процедуре данного голосования, достаточно жесткие: Конституция Российской Федерации принимается, если за нее проголосует более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей.

Поправка к Конституции Российской Федерации 2020 года предполагается к внесению без созыва Конституционного собрания, только по результатам общероссийского голосования, в связи с чем о принятии в данном случае новой Конституции РФ говорить не приходится. Законодателем не предполагается внесение изменений в главы 1, 2 и 9 Конституции РФ, что делает возможным принять поправку к Конституции РФ по результатам голосования представительного органа власти; формально проведение всероссийского голосования или референдума по этому поводу является необязательным. Можно прийти к выводу о том, что организаторы общероссийского голосования преследуют не юридические, а скорее политические цели, заключающиеся в народной легитимации изменений, предлагаемых к внесению в Основной закон государства.

Существуют и иные отличия между понятиями «референдум», «общенародное голосование» и «общероссийское голосование».

Например, в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», днем общероссийского голосования по вопросу поправки к Конституции Российской Федерации может быть и рабочий день (становящийся в таком случае нерабочим), а изменения в Конституцию Российской Федерации считаются одобренными, если за них проголосовало более половины граждан, принявших участие в общероссийском голосовании (вопрос о необходимости принятия участия в голосовании более чем половины граждан России, таким образом, не ставится).

На основании приведенных более мягких требований к организации всенародного голосования его статус можно оценивать как более низкий, по сравнению со статусом процедуры, получившей в отечественном законодательстве название «референдум». Однако механизм всенародного голосования, предусмотренный законами государства (легальный) и предполагающий одобрение народом решения, принятого представительным органом государства, позволяет рассматривать статус всенародного голосования как более высокий, чем принятие поправок к Конституции РФ непосредственно Федеральным Собранием Российской Федерации. Возможен также следующий вопрос: если всенародное голосование референдумом не является, то почему законодатель включил нормы, регламентирующие процедуру его проведения, в ФЗ «О референдуме»? Условно говоря, в данном случае россияне получают своеобразное право вето на внесение поправки в Конституцию РФ. В случае если по результатам всенародного голосования ответ на внесение поправки в Конституцию РФ будет положительным, государство издаст соответст-

вующий закон, а всенародное голосование послужит дополнительным средством его легитимации.

Таким образом, всенародное голосование мы предлагаем рассматривать в качестве своеобразного референдума, но более низкого по своему статусу, чем референдум, который в действующем российском законодательстве собственно референдумом и называется.

Как говорится в пособии по конституционному строительству, изданном Организацией объединенных наций в 2018 году, «современные конституции прошли процесс гуманизации, поместив отдельных людей в центр»². Можно отметить, что проблема обеспечения прав граждан на личное участие в формировании текста Основного закона далека от своего разрешения как в отечественной, так и в зарубежной юридической мысли, сами эти права и механизмы их реализации находятся в процессе своего становления.

ВЫВОДЫ

Отсутствие должной формализованности и институционализации механизмов осуществления референдума на международном уровне вносит элемент субъективизма в признание его результатов на уровне мирового сообщества, а на национальном уровне подобная неопределенность затрудняет практическое применение данного института прямой демократии.

Установлено, что в наибольшей степени институт референдума реализуем на муниципальном уровне, где он позволяет перейти к непосредственному осуществлению народовластия. Анализ практики организации общероссийских референдумов показывает, что инициация проведения подобного референдума часто сталкивается с труднопреодолимыми препятствиями, прежде всего, организационного и финансового характера.

В настоящее время указанная проблема отчасти снимается в связи с появлением инновационных форм демократии, связанных с развитием цифровых технологий, позволяющих фиксировать мнение граждан по важнейшим вопросам общественно-политической жизни в удаленной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Van Ditmars M.M., Maggini N., van Spanje J. Small winners and big losers: strategic party behavior in the 2017 Dutch general election // *West European Politics*. 2020. Vol. 43. № 3. P. 543–564.
2. West H. MP Firefighting and the Patisan Logic // *Scandinavian political studies*. 2020. № 43. P. 1–23.
3. Foster D.M., Keller J.W. Single-party government, Prime Minister psychology, and the diversionary use of force: theory and evidence from the British case // *International interaction*. 2020. Vol. 46. № 2. P. 227–250.
4. Орешкина И.Б. Проблемы правотворчества в условиях представительной демократии // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 4. С. 57–63.
5. Лейн Я.-Э. Демократия и конституционализм // *Политические исследования*. 1998. № 6. С. 32–49.
6. Кэмпбелл Т. Права человека: демократический путь // *Правоведение*. 2013. № 6. С. 17–34.

² *Human rights and constitution making. New York: United Nations Publications, 2018. 144 p.*

7. Руденко В.Н. Перспективы демократии в современном конституционализме // *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90. № 3. С. 259–266.
8. Степанова А.А. Заметки о референдуме // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 2. С. 28–33.
9. Костюков А.Н. Исчезающее народовластие // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 8. С. 61–64.
10. Benedict S.J. Municipal Government Form and Budget Outcomes: Political Responsiveness, Bureaucratic Insulation, and the Budgetary Solvency of Cities // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2020. Vol. 30. № 1. P. 161–177.
11. Wang W.J., Yeung R. Testing the Effectiveness of “Managing for Results”: Evidence from an Education Policy Innovation in New York City // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2019. Vol. 29. № 1. P. 84–100.
12. Shinohara S. Exit, Voice, and Loyalty under Municipal Decline: A Difference-in-Differences Analysis in Japan // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2018. Vol. 28. № 1. P. 50–66.
13. Иванова З.А. Проблемы, возникающие при реализации конституционного права на проведение местного референдума на территории субъектов Российской Федерации // *Академическая публицистика*. 2018. № 1. С. 93–98.
14. Данкова Ж.Ю., Шитова Е.П. Факторное влияние экономической компоненты на процесс инициации проведения муниципальных референдумов // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2018. № 1. С. 34–40.
15. Лукманов И.А., Аминов И.Р. Актуальные проблемы в проведении местных референдумов в современной России // *Вестник современных исследований*. 2019. № 1.4. С. 50–53.
16. Абдулазизов М.А. О некоторых проблемах механизма реализации конституционного права граждан на участие в референдуме в Российской Федерации // *Государственная служба и кадры*. 2019. № 2. С. 65–67.
17. Лукашенко В.С. Эффективность форм непосредственной демократии на муниципальном уровне в современной России (на примере местного референдума) // *Теория государства и права*. 2019. № 3. С. 126–133.
18. Фомичева О.А. Референдум как стадия законотворческого процесса и форма признания народа «законодателем» // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 4. С. 3–6.
19. Цурган Т.Д. Референдум как форма реализации права нации на самоопределение? // *Конституционализм и государствоведение*. 2018. № 1. С. 132–136.
20. Лафитский В.И. Референдумы и народные инициативы в современной социально-экономической жизни Швейцарии // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 2. С. 33–36.

REFERENCES

1. Van Ditmars M.M., Maggini N., van Spanje J. Small winners and big losers: strategic party behavior in the 2017 Dutch general election. *West European Politics*, 2020, vol. 43, no. 3, pp. 543–564.

2. West H. MP Firefighting and the Patisan Logic. *Scandinavian political studies*, 2020, no. 43, pp. 1–23.
3. Foster D.M., Keller J.W. Single-party government, Prime Minister psychology, and the diversionary use of force: theory and evidence from the British case. *International interaction*, 2020, vol. 46, no. 2, pp. 227–250.
4. Oreshkina I.B. Problems of law-making in a representative democracy. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2019, no. 4, pp. 57–63.
5. Leyn Ya.-E. Democracy and Constitutionalism. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1998, no. 6, pp. 32–49.
6. Kempbell T. Human rights: a democratic way. *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 17–34.
7. Rudenko V.N. Perspectives of Democracy in Modern Constitutionalism. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 3, pp. 259–266.
8. Stepanova A.A. Notes on referendum. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 2, pp. 28–33.
9. Kostyukov A.N. Disappearing rule of the people. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 8, pp. 61–64.
10. Benedict S.J. Municipal Government Form and Budget Outcomes: Political Responsiveness, Bureaucratic Insulation, and the Budgetary Solvency of Cities. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 161–177.
11. Wang W.J., Yeung R. Testing the Effectiveness of “Managing for Results”: Evidence from an Education Policy Innovation in New York City. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 84–100.
12. Shinohara S. Exit, Voice, and Loyalty under Municipal Decline: A Difference-in-Differences Analysis in Japan. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 50–66.
13. Ivanova Z.A. Problems arising in the realization of the constitutional right to hold a local referendum in the territory of the constituent entities of the Russian Federation. *Akademicheskaya publitsistika*, 2018, no. 1, pp. 93–98.
14. Dankova Zh.Yu., Shitova E.P. Factor influence of economic component on the process of initiation of municipal referendums. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy*, 2018, no. 1, pp. 34–40.
15. Lukmanov I.A., Aminov I.R. Current problems in holding local referendums in modern Russia. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2019, no. 1.4, pp. 50–53.
16. Abdulazizov M.A. About some problems of the mechanism of implementation of the constitutional right of citizens to participation in the referendum in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2019, no. 2, pp. 65–67.
17. Lukashenko V.S. Efficiency of forms of direct democracy at the municipal level in modern Russia (by the example of a local referendum). *Teoriya gosudarstva i prava*, 2019, no. 3, pp. 126–133.
18. Fomicheva O.A. Referendum as a Stage of the Law Making Process and a Form of Acknowledgment of the People by the “Legislator”. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2020, no. 4, pp. 3–6.
19. Tsurgan T.D. The plebiscite as a form of the right of implementation nation to self-determination. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, 2018, no. 1, pp. 132–136.
20. Lafitskiy V.I. Referendums and Popular Initiatives in the Modern Socioeconomic Life of Switzerland. *Izбирательное zakonodatelstvo i praktika*, 2019, no. 2, pp. 33–36.

REFERENDUM IN RUSSIA: PROBLEMS OF DEFINING AND IMPROVING EFFICIENCY

© 2020

A.A. Ivanov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legitimation; plebiscite; direct democracy; referendum.

Abstract: The study of the legal nature of the referendum as an institution of direct democracy is of considerable interest due to the socio-political severity of the consequences of its use. Decisions taken following national referendums in different countries of the world in recent years have repeatedly led to changes in inter-state relations, civil conflicts and economic crises, and changes in the state affiliation of a territory. However, the government ignored some results of referendums, which raised a question about the legitimacy of the decisions adopted or rejected according to their results. The basic idea of the paper is to consider the essence and objectives of the referendum as a nationwide authorization and legitimization of the adoption or rejection of any important and generally significant political solution, thereby complementing the mechanisms of representative democracy. The study identified that in the Russian Federation, referendums took place, which formally could not be considered as such in terms of the current special legislation. The author analyzed the problem of compliance with the content of the concepts of the popular vote, referendum, and plebiscite. The analysis of the practice of organizing referendums in the Russian Federation allowed highlighting such forms of the referendum as a referendum on the nationality of a territory, a constitutional referendum, and a local referendum. A separate issue is the consideration of the nature of voting on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 2020, the determination of the essence and significance of such voting based on the general principles of organizing referendums in the world. The author considers the referendum as an institution that best embodies the basic ideas of democratic political order and that allows both to determine the opinion of the majority of the population on any issue and to authorize the adoption by the authorities of decisions affecting the rights and freedoms of the population concerned. The author concluded that, to the greatest extent, the institution of the referendum is now embodied at the level of local self-government; however, the development of modern technologies and the continuing digitalization can lead to greater applicability of this institution at the nationwide level.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

© 2020

А.Н. Мяханова, доцент кафедры уголовного права и криминологии, судья в отставке

А.А. Пахоруков, магистрант юридического факультета

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ (Россия)

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; ресоциализация; социальная адаптация; освобождение от наказания; условия отбывания наказания.

Аннотация: В последние годы актуальна проблема высокого уровня рецидивной преступности в России, в том числе и среди условно-досрочно освобожденных лиц. Это характерно и для преступности в Республике Бурятия. В статье приведены статистические данные и описана судебная практика за последние годы по стране и по Бурятии, на основании чего сделаны выводы о существовании проблемы ресоциализации условно-досрочно освобожденных лиц. Анализ 483 постановлений судов республики об условно-досрочном освобождении за 2018 год показал, при каких условиях чаще всего удовлетворяют ходатайства об условно-досрочном освобождении. Сделан вывод о наличии достаточно формального подхода к освобождению из мест лишения свободы. Проведенный опрос правоприменителей и осужденных в исправительных учреждениях подтвердил существование проблем с мерами по ресоциализации лиц как во время пребывания в исправительных учреждениях, так и после освобождения. Обращается внимание на то, что суды по стране, в том числе в Бурятии, практически не рассматривают представления об отмене досрочного освобождения по причине отсутствия специализированного органа в соответствии со ст. 79 УК РФ. Указано, что в России имеется успешный опыт ресоциализации. Сделан вывод о том, что необходим закон, который обеспечит реализацию прав условно-досрочно освобожденных лиц на социальную помощь. Определена необходимость объединения усилий различных ведомств по работе с условно-досрочно освобожденными лицами для управления их ресоциализацией в общем процессе профилактики. Обоснована обязательность специализированной службы для контроля над лицами, освобожденными условно-досрочно.

ВВЕДЕНИЕ

Предупреждение преступлений в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ является одной из задач российского уголовного законодательства. В связи с этим в последние годы актуальна проблема высокого уровня рецидивной преступности в России. Крайне сложной остается ситуация с рецидивной преступностью и среди условно-досрочно освобожденных лиц. Данные проблемы актуальны и для преступности в Республике Бурятия.

Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, каждое второе расследованное преступление (58 % в 2017–2018 гг.; 56,5 % в январе – августе 2019 г.) совершено лицами, ранее совершавшими преступления¹.

Республика Бурятия по итогам 2019 г. вошла в число регионов с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления (67,9 %)². Количество преступлений в Бурятии, по данным Управления Судебного департамента Российской Федерации по Республике Бурятия (далее – УСД РФ по РБ), совершенных лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, в 2018 г. составляет 288 (57 %), в 2019 г. было освобождено 184 лица. В 2019 г. рассмотрено 602 ходатайства об условно-досрочном освобождении, удовлетворено – 419 (69,6 %), отказано в удовлетворении – 123 (20,4 %)³.

Одним из важных направлений уголовной политики является уменьшение уровня рецидива преступлений. Считаем, что для этого необходимо продолжить развитие системы помощи лицам, условно-досрочно освобожденным из мест лишения свободы.

Цель работы – рассмотрение проблемных моментов правового регулирования института условно-досрочно-го освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы на примере Республики Бурятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью предупреждения преступлений МВД по РБ особое внимание уделяет работе с лицами после условно-досрочного освобождения. Из отчета руководителя МВД по РБ по итогам оперативно-служебной деятельности за 2019 г. следует, что за год административный надзор установлен в отношении 801 ранее судимого лица. По состоянию на 1 января 2020 г. на профилактическом учете территориальных органов состоит 1796 поднадзорных лиц и 548 ранее судимых лиц, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре⁴.

Как ученые, так и сотрудники правоохранительных органов отмечают низкую эффективность исправительного воздействия на осужденных. Это подтверждается высоким уровнем рецидива в России.

¹ Портал Правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г.: статистический сборник // Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2019. С. 28.

³ Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам УК РФ // Управление судебного департамента в Республике Бурятия.

URL: <http://usd.bur.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=35>.

⁴ Отчет Министра внутренних дел по Республике Бурятия генерал-майора полиции Олега Филипповича Кудинова на сессии Народного Хурала Республики Бурятия по итогам оперативно-служебной деятельности за 2019 год 5 марта 2020 года // Министерство внутренних дел по Республике Бурятия. URL: <https://03.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/dej/05/01/item/19783315>.

В работе [1] высказывается мнение о невозможности исправления кого бы то ни было наказанием. Отмечается, что уровень рецидива практически постоянен для каждой страны [1]. Вместе с тем согласимся, что государство не способно и не должно исправлять осужденных, но может их ресоциализировать [2]. Следует учитывать, что в качестве основных факторов рецидивной преступности условно-досрочно освобожденных лиц выступают как индивидуальные свойства личности, так и внешние обстоятельства, которые препятствуют социальной адаптации этих лиц. В связи с этим необходимо обратить внимание на мероприятия по созданию условий для ресоциализации лиц, освободившихся условно-досрочно. Ресоциализацией, по мнению некоторых авторов, принято считать социально контролируемый процесс целенаправленного воздействия на правонарушителя посредством комплекса правовых, общественных, воспитательных мер для изменения его асоциальных установок, коррекции поведения [3].

Безусловно, большую роль в предупреждении рецидивной преступности играют исправительные учреждения. Структура постпенитенциарной ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, состоит из таких элементов, как вторичная социализация (освобождение от вредных тюремных привычек и переобучение социально полезным навыкам) и социальная адаптация после освобождения из исправительного учреждения [4].

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, большинство лиц (63,8 %), совершивших преступление, не имеют постоянного источника дохода⁵. В Бурятии, по данным УСД РФ по РБ, в 2019 г. всего осуждено 6219 человек, из них 4290 (69 %) – трудоспособные лица без постоянного источника дохода.

Необходимо помнить и о существовании профессиональной преступности, поэтому важно исключить влияние профессиональных рецидивистов на нормальное развитие общества и государства [5]. Вместе с тем для борьбы с рецидивной преступностью следует учитывать, что важны и личные установки условно-досрочно освобожденного. Кроме того, у них часто не хватает сил преодолевать социальные трудности, которые испытывает человек, выходя на волю [6].

В Бурятии остро стоит проблема решения вопросов реабилитации условно-досрочно освобожденных лиц. Сотрудники МВД и УФСИН одной из причин недостаточной эффективности межведомственного сотрудничества видят отсутствие законодательной базы на республиканском уровне, регламентирующей порядок деятельности правоохранительных и государственных органов по социальной адаптации отбывших наказание. К примеру, на уведомления, поступающие из исправительных учреждений, об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых даются формальные ответы, а зачастую ответы совсем не направляются.

Исправительные учреждения не социальные службы. Однако в них имеются специалисты по социальной работе, которые могут помочь в процессе ресоциализации осужденных, используя свои профессиональные навыки [7].

Стоит отметить, что в Бурятии значительное число освобождаемых из мест лишения свободы утратили связи с семьей, не имеют средств к существованию. Так, по данным Республиканского агентства занятости населения, за 2018 г. в центры занятости населения обратились 187 освободившихся, из которых трудоустроено 87 человек, т. е. 46,5 %⁶.

По данным Центра социальной адаптации «Шанс», в 2018 г. каждый третий освободившийся из мест лишения утратил социальные связи, нуждается в трудовом и бытовом устройстве, а также в материальной и медицинской помощи. В первом полугодии 2018 г. к ним обратилось 88 человек.

Все указанные проблемы характерны и для лиц, освобожденных условно-досрочно. Анализ приговоров свидетельствует о том, что некоторые совершают новое преступление с целью снова попасть в колонию, где им будут гарантированно предоставлены спальное место и питание. К примеру, несколько осужденных отказались от условно-досрочного освобождения. Свое нежелание они мотивировали тем, что им некуда идти, у них нет своего жилья, утеряны связи с родственниками [8]. Это подтверждает вывод о формальном подходе к оказанию помощи освобожденным, о чем свидетельствуют формулировки, например «создание условий», «оказание содействия» [9].

Одной из главных задач исправительных учреждений является подготовка осужденных к жизни в условиях полной свободы. В настоящее время осужденные к лишению свободы утрачивают навыки законопослушного поведения, у них вырабатывается потребительское отношение к жизни. Тем не менее в процессе исправления необходимо добиваться повышения ценности института условно-досрочного освобождения [10].

Следует учитывать и мнение осужденных. К примеру, осужденные исправительных учреждений Бурятии (ИК-2, ИК-8 и ИК-7) при личных беседах в рамках проектов по ресоциализации (реализуемых авторами) отмечают нелогичность подхода к досрочному освобождению. Они справедливо отмечают, что часто освобождаются воры, неоднократно судимые именно за хищения. И практически все эти лица совершают новые хищения после досрочного освобождения. Вместе с тем труднее получить условно-досрочное освобождение случайным убийцам, которые зачастую совершили преступление против того, кто совершал насилие в отношении них. У этой категории преступников очень небольшой процент рецидива. Это подтверждают и статистика, и опрос сотрудников колоний.

Необходимо доводить до сведения граждан, что оказывать содействие лицам, освобожденным условно-досрочно, необходимо прежде всего в интересах общества. При совершении новых преступлений множится и число потерпевших. Так, некоторые авторы считают, что нарушение взаимоотношений осужденных с обществом и является основной причиной рецидивов со стороны лиц, отбывших наказание [11].

Необходимость мер по социальной адаптации досрочно освобожденных признаёт абсолютное большинство

⁵ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г.: статистический сборник // Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2019. С. 43.

⁶ В Бурятии в 2018 году органами занятости трудоустроено 87 граждан, освободившихся из мест заключения // Министерство экономики Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/press_center/news/detail.php?ID=26618.

судей, прокуроров, сотрудников полиции и уголовно-исполнительной системы. Это следует из опросов, проведенных как в период работы одного из соавторов судьей при рассмотрении материалов указанной категории, так и после его отставки, за период с 2003 по 2020 г.

Следует согласиться, что поддержка освобожденных лиц не является приоритетным направлением государственной политики РФ [12]. В соответствии с уголовным законодательством России условно-досрочное освобождение – это стимул к исправлению для лиц, отбывающих наказание. При этом суд должен учитывать, что досрочный выход лица, процесс ресоциализации которого не завершен, может повлечь совершение им нового преступления [13]. На практике степень исправления оценивается с точки зрения администрации учреждения. При этом нередко это относится к умению осужденного жить в условиях контроля, с определенными правилами. Количество преступлений, совершаемых осужденными сразу после освобождения, подтверждает это [14]. Так, 10 сентября 2019 г. Октябрьский районный суд г. Улан-Удэ вынес обвинительный приговор по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) в отношении Б.Ю.В. В 2016 г. Б.Ю.В. был освобожден условно-досрочно от отбывания наказания за совершение в 2010 г. преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего)⁷.

Целью условно-досрочного освобождения должно быть недопущение совершения новых преступлений. Суд должен исходить из данных, свидетельствующих о том, что после освобождения лицо будет вести законопослушный образ жизни. К примеру, Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ в 2018 г. при удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении учел заключения психологов. В характеристиках у Р.А.Л. и Э.С.Г. было указано, что у них сформирована программа поведения после освобождения. Они ориентированы на законопослушный образ жизни, вероятно их успешная адаптация на свободе после условно-досрочного освобождения⁸.

Некоторые психологи считают, что при реализации программы сопровождения освобождающихся следует учитывать, что важной является и помощь в разрешении возможных конфликтных ситуаций для категорий осужденных, способных на рецидивные проявления [15].

Нами изучена судебная практика рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении за 2018 г. по Бурятии. Так, по состоянию на 1 января 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 3984 человека. Проанализировано 483 постановления судов за 2018 г.: удовлетворено 354 ходатайства (73,3 %), не удовлетворено – 129 (26,7 %). В большинстве случаев суды удовлетворяют ходатайства: при наличии поощрений – 338 (95,5 %), при отсутствии взысканий – 234 (66,1 %), при работе в колонии – 281

(79,4 %), при наличии ходатайства администрации учреждения – 354 (100 %), при согласии прокурора – 325 (91,8 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суды удовлетворяют ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания чаще всего при наличии следующих обстоятельств: заключение администрации учреждения о целесообразности освобождения, согласие прокурора на удовлетворение ходатайства, наличие поощрений, отсутствие взысканий, осуществление трудовой деятельности в колонии.

При этом в действующем законодательстве не говорится о том, что суды должны выяснять, есть ли место жительства у осужденного, на какие средства после освобождения он будет жить и т. п. По мнению некоторых авторов, иногда суды аргументируют решение о досрочном освобождении ссылкой на слова психолога учреждения о сформированности у осужденного установок к правопослушному поведению [16]. Анализ 483 постановлений районных судов Бурятии за 2018 г. показал, что суды практически в 100 % случаев удовлетворяют ходатайство об условно-досрочном освобождении при наличии рекомендаций к этому психологов.

К сожалению, законодатель не установил четких критериев исправления осужденного, что порождает противоречивую практику применения условно-досрочного освобождения. Так, в 2018 г. Верховный суд Бурятии отменил постановление Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ об удовлетворении ходатайства М.А.В. об условно-досрочном освобождении. Суд апелляционной инстанции указал, что судом первой инстанции приняты во внимание формальные признаки, а именно: отбытие срока, предоставляющего право обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении, положительные характеристики, снятие и погашение наложенных взысканий, поощрения. При этом не был учтен характер многочисленных взысканий, погашенных на момент рассмотрения ходатайства: М.А.В. неоднократно признавался злостным нарушителем режима, водворялся в карцер⁹.

Вместе с тем суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении по основаниям, не указанным в законе. Хотя в постановлениях встречаются характеристики осужденного как лица, криминально зараженного, но законодательно не установлены такие понятия, как «криминально заражен» или «придерживается криминальной субкультуры».

Существуют факторы риска, социальные условия и личностные свойства, способствующие совершению преступления после досрочного освобождения. Степень выраженности факторов риска позволяет предсказывать вероятность новых правонарушений [17]. Таким образом, многие условно-досрочно освободившиеся совершают новые преступления не столько из-за незавершенного воспитательного воздействия, проводимого в исправительных учреждениях, сколько по причине неблагоприятных жизненных обстоятельств после освобождения. Не случайно анализ судебной практики свидетельствует, что рецидив преступлений чаще имеет место в первые после освобождения годы.

⁷ Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) № 1-737/2019 от 10 сентября 2019 г. по делу № 1-737/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CWj98WSwoDNN/>.

⁸ Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ за 2018 г. Решение от 03.07.2018 г. по делу № 4/1-64/2018.

⁹ Архив Верховного суда РБ за 2018 г. Решение от 25 января 2018 г. по делу № 22-3151.

К примеру, 23.08.2018 В.А.С. в период условно-досрочного освобождения был осужден по трем приговорам по ст. 158 (кража), 162 (разбой) УК РФ Кабанским районным судом РБ. Практически сразу же после освобождения он совершил преступления против собственности, аналогичные тем, за которые ранее был многократно судим. В.А.С. не работал, все преступления совершал в состоянии алкогольного опьянения¹⁰.

Проблемным является вопрос контроля над условно-досрочно освобожденными. Суды не рассматривают представления об отмене такого освобождения по причине отсутствия специализированного государственного органа, указанного в ст. 79 УК РФ. На это неоднократно обращали внимание сотрудники МВД Бурятии на различных мероприятиях и при обращениях в прокуратуру и другие органы власти.

Следует признать, что обеспечение законных интересов лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, невозможно без дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в первую очередь в области социальной адаптации указанных лиц [18].

Так, в сентябре 2009 г. прокуратура Бурятии обобщила практику исполнения законодательства о предупреждении рецидивной преступности за 2008–2009 гг. Указано, что действующая республиканская целевая программа «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы» предусматривает общие вопросы взаимодействия между исполнителями. Межведомственной рабочей группе «по предупреждению преступности в местах лишения свободы и ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы» поручено подготовить предложения по совершенствованию профилактической работы.

В 2013 г. состоялось заседание Координационного совета правоохранительных органов Бурятии по вопросу «О мерах по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению рецидивной преступности». Отмечено, что отсутствие возможности административного воздействия на условно-досрочно освобожденных лиц не позволяет применять к ним меры воздействия за нарушения установленных судом ограничений при освобождении условно-досрочно. Сделан вывод, что добиться снижения повторной преступности, используя только меры убеждения, невозможно.

На круглом столе в 2018 г. МВД РБ отмечено, что в случае установления административного надзора контроль, осуществляемый органами внутренних дел над условно-досрочно освобожденными, возможен только после окончания срока. Так, в Бурятии за последние годы не зарегистрировано ни одного случая отмены досрочного освобождения. Лица этой категории возвращаются в места лишения свободы только после совершения новых преступлений, тем самым повышая уровень рецидива. Из-за отсутствия надежающего контроля над их поведением увеличивается количество преступлений, совершенных ими в период неотбытой части наказания.

¹⁰ Архив Кабанского районного суда РБ за 2018 г. Решение от 23 августа 2018 г. по делу № 1-222/2018.

К примеру, Ч.И.А. совершил в период неотбытого наказания после условно-досрочного освобождения два преступления. 05.04.2018 он осужден Заиграевским районным судом Бурятии по ч. 2 ст. 111 УК РФ. При этом Ч.И.А. был ранее судим: 1) 06.11.2013 приговорен по ч. 3 ст. 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно; 07.07.2015 условное осуждение отменено; 17.06.2017 освобожден условно-досрочно; 2) 06.09.2017 приговорен по п. «б» ч. 2 ст. 158, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно¹¹.

Анализ судебной практики с 2008 по 2018 г. показывает, что ситуация по Бурятии с проблемой высокого уровня рецидива среди условно-досрочно освобожденных лиц не меняется, несмотря на принимаемые субъектами профилактики меры. Необходимо согласиться, что возможно принять меру уголовной репрессии, которая достаточна для удержания большинства граждан от преступного поведения. Уголовное законодательство забыло про необходимую меру репрессии, о чем свидетельствуют: 1) очень большие сроки лишения свободы, а этот вид наказания лидирует в санкциях УК РФ; 2) чрезвычайная закриминалированность [19].

Вместе с тем в России имеется и успешный опыт. Так, в Российской империи ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, уделялось особое внимание. В 1909 г. принят Закон об условно-досрочном освобождении, в ст. 15, 20 которого говорится о возможности постпенитенциарного контроля над поведением освобожденного. Таким образом, законодатель уже тогда стремился к тому, чтобы ориентироваться на предупреждение повторных преступлений [20]. К примеру, в Памятной книжке Забайкальской области на 1871 г.¹² указано, что военный губернатор являлся вице-председателем Забайкальского областного попечительного о тюрьмах комитета, жены губернаторов возглавляли попечительные о тюрьмах отделения. Предметом внимания забайкальской администрации было содержание семей ссыльнокаторжных. Так, из Памятной книжки Забайкальской области на 1891 г. следует, что действительный статский советник Уткин завещал все свое огромное состояние на школы, больницы и приюты для детей ссыльнокаторжных и малолетних преступников.

В последние годы государство уделяет внимание мерам по предупреждению рецидива. Для решения проблемы ресоциализации лиц, освобожденных условно-досрочно, необходим закон, который обеспечит реализацию их прав на социальную помощь, определит направления для деятельности органов государства и общественных организаций.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В связи с изложенным представляется, что условно-досрочное освобождение может выступать важной предпосылкой успешной ресоциализации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы. В этом случае применение института условно-досрочного освобождения осужденных будет способствовать снижению уровня постпенитенциарной преступности.

¹¹ Архив Заиграевского районного суда РБ за 2018 г. Решение от 05 апреля 2018 г. по делу №1-80/2018.

¹² Памятная книжка Забайкальской области. Иркутск: Печатано в типографии П.Н. Синицына, 1871. 153 с.

Определена необходимость объединения усилий различных ведомств по работе с осужденными для возможности их досрочного освобождения и управления их ресоциализацией в общем процессе профилактики.

Обоснована обязательность наличия специализированной службы для контроля над лицами, освобожденными условно-досрочно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилянский Я.И. Преступность: что это? кто виноват? что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 6–13.
2. Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2. С. 60–64.
3. Мухачев В.А., Хармаев Ю.В. Ресоциализация осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Актуальные вопросы современной науки и образования. 2015. № 14. С. 582–584.
4. Бабаян С.Л., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Успешная постпенитенциарная ресоциализация как фактор снижения уровня рецидивной преступности среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Новая Наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 6-2. С. 170–172.
5. Идрисов Н.Т. О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 61–64.
6. Мухина В.С. Отчужденные: абсолют отчуждения. М.: Прометей, 2009. 702 с.
7. Щукина Н.П. Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: направления разработки в ракурсе гуманизации уголовной политики // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4. С. 116–128.
8. Даххаев М.М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы // Юридический Вестник ДГУ. 2014. № 4. С. 108–111.
9. Климанова О.В. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в нормативных актах: пробелы и противоречия // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 34–40.
10. Скиба А.П., Родионов А.В. О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 17–21.
11. Евтушенко И.И., Рудик М.В. Вопросы социальной адаптации лиц, освобожденных досрочно из мест лишения свободы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1903–1910.
12. Розенцвайг А.И. Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 118–125.
13. Эрхитуева Т.И., Щербаков Г.В., Мяханова А.Н., Дондокова М.Ю. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 1. С. 57–63.
14. Мяханова А.Н. Некоторые проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 1. С. 40–46.
15. Егорушкина Ю.С., Матвеев В.Е., Ильина Т.А. Социальное сопровождение осужденных, готовящихся к освобождению из мест лишения свободы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 90–93.
16. Сморгачев А.И., Гачава М.Л. Некоторые вопросы оценки оснований и критериев применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3. С. 112–114.
17. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1. С. 35–49.
18. Скаков А.Б. Повышение эффективности уголовно-исполнительной политики Казахстана и России в сфере исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, и социальной адаптации // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 2. С. 154–161.
19. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
20. Малыгина О.А., Мяханова А.Н., Скиба А.П. Некоторые аспекты ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и условно-досрочного освобождения в дореволюционной России (на примере Забайкальской области) // История государства и права. 2019. № 12. С. 59–69.

REFERENCES

1. Gilinskiy Ya.I. Crime: what is it? Who is guilty? What to do? *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 6–13.
2. Krainova N.A. Correction of the condemned: goal or function of criminal punishment? (To the question of essence and terminology). *EvrAziyskaya advokatura*, 2019, no. 2, pp. 60–64.
3. Mukhachev V.A., Kharmaev Yu.V. Social rehabilitation of convicted enduring the punishment at juvenile correctional facilities. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 14, pp. 582–584.
4. Babayan S.L., Burmakin G.A., Gabaraev A.Sh. Successful postpenitentiary social rehabilitation as a factor of recidivism reduction among the individuals released from prison facilities. *Novaya Nauka: Teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad*, 2016, no. 6-2, pp. 170–172.
5. Idrisov N.T. On counteracting recidivism (based on the practice of the investigating committee of the Russian Federation). *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 61–64.
6. Mukhina V.S. *Otchuzhdeniye: absolyut otchuzhdeniya* [The alienated: alienation absolute]. Moscow, Prometey Publ., 2009. 702 p.
7. Shchukina N.P. Road Map for Resocialization and Real Inclusion of Persons who Served a Criminal Sentence and were Released from it in Civil Society: Directions

- of Development in the View of Humanization of Criminal Policy. *Vestnik VEGU*, 2018, no. 4, pp. 116–128.
8. Dakhkhaev M.M. Problems of resocialization of convicts who served a sentence of imprisonment. *Yuridicheskiy Vestnik DGU*, 2014, no. 4, pp. 108–111.
 9. Klimanova O.V. Resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it in regulatory acts: legal gaps and contradictions. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 34–40.
 10. Skiba A.P., Rodionov A.V. About the exile promulgation as a criminal punishment: legal and economic aspects. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*, 2016, no. 4, pp. 17–21.
 11. Evtushenko I.I., Rudik M.V. Issues of social adaptation of persons released early from prison. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1-1, pp. 1903–1910.
 12. Rozentsvayg A.I. Foreign models of resocialization practices for persons who have served criminal punishment and were released from it: criminological analysis. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 118–125.
 13. Erkhitueva T.I., Shcherbakov G.V., Myakhanova A.N., Dondokova M.Yu. The importance of probation and parole in achieving the objectives of punishment. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 57–63.
 14. Myakhanova A.N. Some problems of the theory and practice conditionally-early parole from punishment serving. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2010, no. 1, pp. 40–46.
 15. Egorushkina Yu.S., Matveenko V.E., Ilina T.A. Social maintenance condemned, preparing for release from imprisonment places. *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal*, 2015, no. 3, pp. 90–93.
 16. Smorchkov A.I., Gachava M.L. Some Questions to Evaluate the Merits and Criteria of Application Conditionally early Release from Punishment. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2016, no. 3, pp. 112–114.
 17. Debolskiy M.G. Issues of the risk of repeat crimes for convicts released on parole. *Psikhologiya i pravo*, 2014, no. 1, pp. 35–49.
 18. Skakov A.B. Effectiveness improvement of penal policy of Kazakhstan and Russia in the sphere of execution of punishments alternative to deprivation of liberty and social adaptation. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2018, vol. 26, no. 2, pp. 154–161.
 19. Lopashenko N.A. Decrease in repressiveness of the criminal law: proposed measures and their assessment. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 84–93.
 20. Malygina O.A., Myakhanova A.N., Skiba A.P. Some Aspects of Resocialization of Persons Having Served a Sentence in the Form of Imprisonment and Parole in Pre-Revolutionary Russia (on the Example of the Transbaikalian Territory). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2019, no. 12, pp. 59–69.

SOME ASPECTS OF SOCIAL REHABILITATION OF PAROLEES FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

© 2020

A.N. Myakhanova, assistant professor of Chair of Criminal Law and Criminology, retired judge
A.A. Pakhorukov, graduate student of Faculty of Law
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude (Russia)

Keywords: grant of parole; social rehabilitation; social adaptation; exemption from punishment; conditions of serving a sentence.

Abstract: Recently, the problem of the high level of recidivism in Russia is very important, including recidivism among the parolees. It is a peculiarity of crime in the Republic of Buryatia as well. The paper presents the statistical data and describes the judicial practice for the past years for the country and for Buryatia, based on which the authors concluded on the problem of social rehabilitation of parolees. The analysis of 483 decisions of courts of the Republic on the grant of parole for 2018 showed in what circumstances the applications for the grant of parole are allowed the most frequently. The authors conclude on the existence of a rather token approach to the release from the places of deprivation of liberty. The inquiry conducted among the executors of law and the convicts in the correctional facilities demonstrated the existence of problems with measures for social rehabilitation of individuals both when staying in the correctional facilities and after the release. The authors draw attention to the fact that the courts all over the country and in Buryatia as well, scarcely consider the applications for canceling early release due to the absence of special institutional bodies according to Article 79 of the RF Criminal Code. The paper says that Russia has successful experience in social rehabilitation. The authors conclude on the necessity of a law, which will ensure the exercise of parolees' rights for social assistance. The authors identified the necessity to join efforts of various authorities for work with parolees to control their social rehabilitation within the common process of prophylaxis. The study proves the obligatoriness of special service for the control of parolees

**КАТЕГОРИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОЦЕНКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

© 2020

Я.П. Ряполова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; уголовно-процессуальная деятельность; эффективность законодательного регулирования; проверка сообщения о преступлении.

Аннотация: В статье рассмотрены методологические и прикладные аспекты изучения эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела как научной категории. Выдвинуто предположение о том, что разработка теоретико-правовых вопросов, связанных с определением условий и критериев оценки такой эффективности, позволит с большей степенью научной объективности прогнозировать тренды уголовно-процессуального законодательства в русле предстоящей модернизации досудебного производства, оценивать состоятельность института возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве. Сформулировано авторское определение понятия эффективности законодательного регулирования начальной стадии досудебного производства. Сделан вывод о том, что в сфере законодательного регулирования досудебного производства определение параметров процесса достижения цели и решения специфических задач стадии сопряжено с решением вопроса о возможности реализации мер уголовно-процессуального принуждения, которое на этапе возбуждения уголовного дела должно быть минимальным. Предпринята попытка сформулировать основные условия, которые, по мнению автора, должны учитываться при текущей и прогнозной оценке эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Эти условия определяются как качеством соответствующих уголовно-процессуальных норм, так и социальным механизмом их действия. Соблюдение таких условий способствует оптимальному подбору правовых инструментов, адекватных современным задачам стадии, с учетом их регулятивного потенциала, приемлемости, возможных рисков и издержек, параметров внешней среды.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка вопроса об обеспечении эффективности правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности на досудебном этапе уголовного судопроизводства на сегодняшний день обуславливает острую полемику в научных кругах.

Применительно к стадии возбуждения уголовного дела в существующих концепциях реформы досудебного производства первоочередным шагом все чаще называют ликвидацию самой стадии либо отдельных ее составляющих: последственной проверки, института отказа от возбуждения уголовного дела и т. п. [1–3]. Авторские метафоры легко вошли в научный оборот, и на страницах юридической печати выражения «суррогат расследования», «реликт социалистической законности», «атавизм уголовного процесса» давно стали общеупотребительными синонимами стадии возбуждения уголовного дела. Доводы сторонников такого подхода отчасти основываются на опыте ближних зарубежных стран (в частности, Казахстана), в национальном законодательстве которых произошли существенные изменения, и стадия возбуждения уголовного дела была упразднена [4]. Можно выстроить категорический силлогизм, который в упрощенном виде отражает главный аргумент подобных рассуждений: «нет стадии – нет и связанных с ней проблем».

Противоположная позиция ученых сводится к поиску и выбору путей совершенствования уголовно-процессуальной регламентации спорной стадии в рамках существующих процессуальных институтов [5; 6]. Если проследить историю развития стадии в рамках УПК РФ, то станут очевидными намерения законодателя не только сохранить, но и всячески упрочить правовые и организационные основы деятельности, составляющей содержание стадии возбуждения уголовного дела, что, как показывает

обзор доктринальных источников по теме исследования, только распаляет оппонентов в научных диспутах.

Представляется, что выбор направления дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной деятельности по инициации уголовного преследования методологически и в научном плане должен опираться на текущую и прогнозируемую оценку эффективности законодательного регулирования такой деятельности. Такая оценка должна носить системный, комплексный характер, отражать разработанные общественными науками и наукой уголовно-процессуального права подходы, приемы для выявления критериев такой эффективности и средств ее повышения. В частности, еще в советский период была выведена методологическая основа для измерения эффективности различных уголовно-процессуальных категорий, определяемой соотношением между фактическим результатом действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [7; 8]; при этом современный подход к пониманию эффективности предполагает не только цель и результат уголовно-процессуальной деятельности, но и иные критерии ее оценки [9]. Кроме того, обновлены подходы различных теоретических школ права к определению условий и факторов эффективности правового регулирования в целом [10–12], в последнее десятилетие активизировались теоретические изыскания в области изучения правовых рисков, законодательного прогнозирования и т. д. [13; 14].

Особую актуальность данный вопрос приобретает в пору обсуждаемых и ожидаемых в ближайшее время перемен, связанных с модернизацией и рационализацией досудебного производства, обеспечением его технологичности, что по праву признается приоритетным направлением уголовно-процессуальной стратегии на государственном уровне.

Таким образом, назрела необходимость разработки теоретико-правовых вопросов, связанных с исследованием понятия эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела как научной категории, определением основных условий, которые способны влиять на те или иные показатели такой эффективности при ее оценке.

Стоит отметить, в очерченных рамках исследования не ставились задачи обстоятельной аргументации сохранения или упразднения стадии возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства, сравнения предпочтительных путей реформирования рассматриваемого института и т. д. Одной из основных исследовательских задач стала разработка отдельных приемов для текущей и прогнозной оценки эффективности законодательного регулирования начального этапа досудебного производства, которые, как представляется, могут быть востребованы в научном плане независимо от принятых уголовно-процессуальных порядков.

Цель работы – изучение категории эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела, ее методологических и прикладных аспектов, а также условий, которые необходимо учитывать при оценке такой эффективности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Формализация понятия эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Категория эффективности норм законодательства традиционно находится в фокусе особо пристального внимания ученых – представителей теоретических школ права. На сегодняшний день разрабатываемые (обновляемые) ими концептуальные подходы и положения предлагают несколько определений эффективности законодательства в зависимости от аспекта ее исследования: социального, телеологического, аксиологического, духовного, деятельностного, экономического, психологического и пр. [15].

Современные исследователи небезосновательно предлагают сместить фокус исследования и «измерять» эффективность не права (или правовых норм), а именно правового регулирования, посредством которого преимущественно и оказывается правовое воздействие на общественные отношения [10; 12]. Изложенное позволило использовать в настоящей работе более узкую категорию «эффективность законодательного регулирования» как структурный элемент общей конструкции эффективности правового регулирования, с тем чтобы в последующем осветить вопросы, связанные как с качеством интересующих норм уголовно-процессуального законодательства, так и с заложенным в них социально-регулятивным механизмом их действия.

С учетом целенаправленного характера воздействия норм законодательства на общественные отношения, исследование проблем эффективности законодательно-регулирующего предполагает обращение в первую очередь к телеологическому аспекту. Небесспорным, но общепризнанным считается формально-целевой подход, описывающий формулу для измерения эффективности нормативных предписаний как отношение между фактическим результатом в виде положительного изменения подвергнутых правовому регулированию обще-

ственных отношений и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были созданы [11].

В доктрине уголовно-процессуального права указанный подход также получил развитие при формулировании понятий эффективности различных уголовно-процессуальных категорий. По мнению одного из основателей теории эффективности уголовного судопроизводства В.Т. Томина, данный феномен определялся как достижение целей уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность [7]. Целевой подход используется исследователями при оценке эффективности правосудия, которая зависит от того, насколько точно и реально определены в законе его цели и достаточно ли процессуальных и иных средств (гарантий) для их достижения; количественно она определяется степенью приближения достигнутого уровня осуществления правосудия к его идеальным целям [8]. При определении эффективности предварительного расследования также наиболее приемлемым считают целевое понятие эффективности, которое выражает определенное соответствие (соотношение) практических результатов деятельности целевым задачам (назначению) уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях [9].

Использование указанного подхода также оправдано в контексте выбранного направления исследования. По общему правилу, цель является проекцией того результата, на достижение которого направляется вся деятельность в уголовном судопроизводстве, а для его достижения требуется решение конкретных задач. Следовательно, логическая формула определения эффективности законодательного регулирования сквозь призму целеполагания применительно к начальному этапу уголовного судопроизводства требует выделения специфических задач стадии и рассмотрения качественных характеристик правовых средств и инструментов, которые способствовали бы успешному решению этих задач.

Так, современными задачами начального этапа досудебного производства являются выявление обращений криминального характера в числе иных сообщений о неправомерном поведении без признаков преступления; своевременное обеспечение пострадавшему лицу (при наличии) доступа к правосудию путем приема и регистрации сообщения; закрепление необходимых сведений о признаках преступления; решение вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в таком. Среди сопутствующих задач стадии следует также упомянуть квалификацию деяния и определение подследственности.

В рамках традиционного целевого подхода развито положение о том, что динамической составляющей эффективности является механизм самого процесса достижения цели, в том числе характеристики используемых для ее достижения средств (затрат) [11], под которыми, в свою очередь, в широком смысле понимают израсходование временных, финансовых ресурсов, использование материального и духовного труда, нежелательные и отрицательные (прогнозируемые или непредвиденные) последствия издания законодательного акта. Как справедливо замечено, уголовное судопроизводство призвано служить «защитным механизмом, определяющим не только систему защищаемых социальных ценностей,

но и правовые рамки возможной репрессии по отношению к конкретному человеку, допускающие ее только в пределах, указанных законом и правами человека» [16, с. 21]. Соответственно, в сфере законодательного регулирования досудебного производства определение параметров процесса достижения цели неминуемо сопряжено с решением вопроса о возможности реализации мер уголовно-процессуального принуждения, которое, как видится, на этапе возбуждения уголовного дела должно быть минимальным.

Понятие эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела заключается в качественной характеристике процесса конструирования и включения в систему уголовно-процессуального законодательства таких правовых норм, а также заложенных в них правовых средств, которые способны в сложившихся социальных обстоятельствах оптимально и целенаправленно (в рамках решения специфических задач стадии) воздействовать на правовые отношения, возникающие на этапе приема, регистрации и рассмотрения первичной информации о преступлении, при минимуме предусмотренного законом ограничения прав и интересов участников таких отношений.

Взяв в качестве операционального исходное определение, при рассмотрении теоретических аспектов оценки законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела проанализируем условия, влияющие на показатели такой эффективности. Под условиями эффективности рассматриваемой процессуальной категории мы понимаем определенные требования, обстоятельства, факторы, которые в своей совокупности обеспечивают оптимальный подбор правовых средств и инструментов с учетом их регулятивного потенциала, приемлемости, возможных рисков и издержек, параметров внешней среды, при этом адекватных специфическим задачам стадии.

Совершенство закона в технико-юридическом и содержательном смыслах. Первичное общее условие – это совершенство закона в технико-юридическом и содержательном смыслах (ясность, конкретность, доступность языка, полнота, отсутствие коррупциогенных факторов, научная обоснованность, тщательно выверенный баланс между гибкостью и стабильностью законов, соответствие целям развития законодательства, полная инкорпорация закона в правовую систему, обеспечение непротиворечивости и взаимодополняемости норм и т. д.) [17]. Примеры несоблюдения данного условия применительно к разделу VII УПК РФ не так редки: в первоначальной редакции в ч. 4 ст. 146 УПК РФ вскользь (в скобках) упоминалось о возможном назначении экспертизы, за рамками законодательной регламентации оказался собственно порядок проведения и получения заключения эксперта, что фактически парализовало действие неудачно сформулированной нормы. Другой пример неудачно структурированной нормы – ч. 6 ст. 148 УПК РФ, которая закрепляет, по замыслу законодателя, паритетные полномочия прокурора и руководителя следственного органа по отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, однако в упомянутой части статьи данные полномочия с точки зрения законодательной техники структурно не разделены (изложены в одном абзаце соседних предложений), что на практике обусловило неопределенность

при применении, и доходило до того, что в случае вынесения прокурором постановления об отмене «отказных материалов» руководитель следственного органа должен вслед за прокурором вынести собственное «подтверждающее» постановление об отмене соответствующего постановления следователя [18]. Излишняя нормативная регламентация может быть продемонстрирована на примере словосочетания «получать заключение эксперта в разумный срок» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), в то время как по общему правилу УПК РФ не ограничивает для эксперта временные рамки проведения судебной экспертизы, закон также не дает разъяснений для случаев, когда экспертное заключение по каким-либо причинам не может быть подготовлено в 30-дневный срок проверки сообщения о преступлении.

Важно заострить внимание на проблеме минимизации правовых рисков, связанных с реформированием досудебного производства в УПК РФ. Современная юридическая наука в последнее десятилетие формирует междисциплинарную сферу исследования, определяемую как «правовая рискология» [14], изучение предлагаемых мер по снижению рисков (планирование правотворческой деятельности; интерпретационная корректировка нормативных правовых актов судебными решениями; правовой эксперимент [13]; включение социологических приемов и методов в процессы прогнозирования законодательства, правового мониторинга и т. д.) имеет важное прикладное значение, для того чтобы в будущем модернизация начальной стадии шла по эффективному сценарию. К сожалению, примеры развития института возбуждения уголовного дела в рамках действующего УПК РФ демонстрируют случаи игнорирования таких мер и хаотичного принятия изменений в VII разделе УПК РФ, принятия «законов ad hoc», «эмоциональных законов» (в частности, введение специального налогового повода и упразднение его спустя три года вследствие негативных последствий в практике его применения).

Условие целесообразности. Условие целесообразности (дискреционности), следуя пониманию одноименного принципа, разрабатываемого наукой уголовно-процессуального права, заключается в предоставленной законом возможности выбирать способ разрешения уголовно-правового конфликта, это «предусмотренная законом свобода правоусмотрения органа обвинительной власти принять процессуальное решение, основываясь на соображениях эффективности, экономии, выгоды для достижения защищаемого им публичного процессуального интереса» [19, с. 675]. В общем же виде эффективность в рассматриваемом аспекте целесообразности, с одной стороны, предполагает включение императивных норм, дающих правоприменителю известную свободу усмотрения, но с другой стороны, призывает избегать фактической подмены правовых предписаний усмотрением профессиональных участников процесса. В связи с наметившейся тенденцией «оправдания», «десоветизации» принципа целесообразности в отечественном досудебном производстве, закрепленных возможностей отказаться от уголовного преследования по различным основаниям ввиду нецелесообразности применения мер уголовной репрессии [20] (ст. 25–28.1 УПК РФ) представляется, что требование целесообразности должно учитываться и при решении

вопроса о возбуждении уголовного дела. Следует внимательнее отнестись к зарубежному опыту применения дискреционных процедур в сфере инициации уголовного преследования и предусмотреть возможность отказа в возбуждении уголовного дела в связи с примирением; отказа от возбуждения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием.

Условие экономичности. Условие экономичности предполагает закрепление достаточного необходимого набора процессуальных средств для наибольшей производительности процессуального труда, правильного и быстрого рассмотрения сообщений (заявлений) о преступлении при наименьшей затрате сил, средств и времени лиц, вовлекаемых на этапе доследственной проверки, и при минимуме законного уголовно-процессуального принуждения. Соображениями процессуальной экономии обусловлен законодательный тренд на дифференциацию формы рассмотрения сообщений о преступлении в зависимости от категории преступления, разновидности повода для возбуждения уголовного дела и пр. Характеристика содержательной стороны рассматриваемого условия предусматривает экономию средств и затрат, в том числе бюджетных средств, при структурировании нормы. Несмотря на то, что по понятным причинам объем государственного финансирования не является определяющим фактором качества уголовного судопроизводства, на сегодняшний день нельзя отрицать его влияние на позицию законодателя относительно существующей регламентации процессуальной формы доследственной проверки (в частности, в уголовно-процессуальном законе до сих пор не предусмотрена возможность участия адвоката по назначению в ходе производства процессуальных действий; другой пример – включение в арсенал проверочных средств так называемого экономварианта «экспресс-исследований» [21]) и обсуждаемого варианта ликвидации начальной стадии. Тут уместно привести заключение о том, что «ориентировочная цена упразднения стадии возбуждения уголовного судопроизводства будет составлять не менее половины расходов бюджета страны на ближайшие годы» [5, с. 83].

Условие экономичности также означает допустимость в рамках устоявшейся правовой формы включения элементов, имеющих «свободную форму», не связанную со строгими формальными предписаниями УПК РФ, например существование «свободного» повода, неопределенный процессуальный статус ключевых участников проверки. Законодатель сознательно не выделяет в особую группу участников стадии возбуждения уголовного дела в рамках отдельной главы УПК РФ, что привело бы к неоправданному разрастанию всех системно связанных с этим институтов [22], не идет по пути подробной регламентации прав и обязанностей заявителя, пострадавшего, заподозренного, очевидца и т. д., что является, по сути, простым арифметическим увеличением процессуальных прав искомым участников. Вектор преобразований в этой части видится в первую очередь в закреплении системы действенных гарантий обеспечения прав (уже закрепленных и/или отсутствующих, но необходимых) тех участников стадии возбуждения уголовного дела, права и интересы которых затрагиваются производимыми процессуальными действиями и принимаемыми процессуальными решениями.

Рациональность приемов и способов правового воздействия, заложенных в уголовно-процессуальных нормах. Это такие свойства, как надежность, под которой надо понимать правовую возможность прореагировать на большинство поводов для возбуждения уголовного дела [9]; оптимальность (сроков, последовательности действий и пр.); процессуальная возможность использования разнообразных источников информации, технологий, соблюдение правил управления [23]. Последнее требование применительно к рассматриваемой стадии актуализирует задачу обеспечения системы сдержек и противовесов в осуществлении функций процессуального руководства, ведомственного и судебного контроля, надзорной деятельности прокурора. В целях реализации этого условия законодатель также предусмотрел процессуальные возможности использования специальных знаний, результатов ревизий, документальных проверок, потенциала оперативно-розыскной деятельности в установлении признаков преступления. В свою очередь, перспективным направлением совершенствования начального этапа досудебного производства видится замена устаревшего письменного делопроизводства широким использованием современных информационных технологий. В частности, внедрение электронного документооборота на этапе рассмотрения сообщения о преступлении предполагает создание программного обеспечения (платформы) [6; 24; 25], которое позволит субъектам проверки осуществлять прием, регистрацию и дальнейшее производство по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в электронной форме с возможностью создавать электронные документы, подписывать их посредством электронно-цифровой подписи, хранить их, а также предоставлять доступ к нему сотрудников, осуществляющих ведомственный контроль.

Реалистичность правовых средств. Реалистичность – это адаптированность (приемлемость) правовых средств к сложившимся историческим, социально-экономическим, культурно-психологическим, политическим, идеологическим предпосылкам развития общества и государства, соответствие их содержания объективным потребностям и интересам общества; действенность правового механизма реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, реальная исполнимость обязывающих и управомочивающих норм. Применительно к рассматриваемой стадии данное условие актуализируют проблемы обеспечения своевременного доступа пострадавших к правосудию, принятия адекватных законодательных мер по объективизации криминальной статистики и предупреждению злоупотреблений в учетно-регистрационной работе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Эффективность законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела предложено определять как качественную характеристику процесса конструирования и включения в систему уголовно-процессуального законодательства таких правовых норм, а также заложенных в них правовых средств, которые способны в существующих социальных условиях оптимально и целенаправленно (в рамках решения специфических задач стадии) воздействовать на отношения, возникающие на этапе приема, регистрации

и рассмотрения первичной информации о преступлении, при минимуме предусмотренного законом ограничения прав и интересов участников таких отношений.

2. Условиями обеспечения эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела являются совершенство закона в технико-юридическом и содержательном смыслах; целесообразность, экономичность, рациональность и реалистичность приемов и способов правового воздействия, заложенных в уголовно-процессуальных нормах.

Исследование выполнено за счет гранта Российскойского научного фонда (проект № 19-78-00088).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 101–108.
- Деришев Ю.В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2017. № 6. С. 71–76.
- Гаврилов Б.Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 19–27.
- Trochev A. Kazakhstan's New Criminal Procedure: Responsibilities and Oversight in Pretrial Investigation // Statutes and Decisions. 2016. Vol. 50. № 1. P. 1–3.
- Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.
- Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.
- Томин В.Т., Попов А.П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. М.: Директ-Медиа, 2015. 114 с.
- Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 1 / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. 298 с.
- Зникин В.К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства // Уголовная юстиция. 2014. № 1. С. 20–24.
- Асадов А.М., Драженберг Т.В. К вопросу об эффективности правового регулирования: традиции и инновации // Проблемы права. 2013. № 3. С. 53–59.
- Хорошильцев А.И. Эффективность права: понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2. С. 47–51.
- Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9.
- Лапина М.А. Теоретико-правовые аспекты управления рисками // Государство и право. 2015. № 2. С. 35–44.
- Ковалева В.В. Риск в контексте эффективности правового регулирования // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 180–182.
- Жинкин С.А. Некоторые методологические аспекты исследования эффективности норм права // Юридический мир. 2007. № 4. С. 22–26.
- Воскобитова Л.А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 18–21.
- Xanthaki H. Misconceptions in legislative quality: an enlightened approach to the drafting of legislation // Conceptions and Misconceptions of Legislation. 2019. Vol. 5. P. 23–49.
- Манова Н.С. О некоторых дефектах юридической техники уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 23–30.
- Никифорова Ю.Л. Оппозиция принципов законности и целесообразности как проявление коллизии-онности в правовом регулировании публичного уголовного преследования // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 672–675.
- Савельев К.А., Иванов В.В. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 54–58.
- Ряполова Я.П. Исследования предметов и документов как новая форма использования специальных познаний в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 24. С. 2–5.
- Семенов В.А., Сафарян Г.О. О проблеме определения в стадии возбуждения уголовного дела процессуального статуса лица, которому преступлением причинен вред, и возможном пути ее решения // Общество и право. 2016. № 2. С. 227–232.
- Karpen U. Efficacy, effectiveness, efficiency: from judicial to managerial rationality // Rational Lawmaking under Review. 2016. Vol. 3. P. 295–313.
- Shih T.-F., Chen C.-L., Syu B.-Y., Deng Y.-Y. A Cloud-Based Crime Reporting System with Identity Protection // Symmetry. 2019. Vol. 11. № 2. Article number 255.
- Iriberry A., Navarrete C.J. E-government services: design and evaluation of crime reporting alternatives // Electronic Government, an International Journal. 2013. Vol. 10. № 2. P. 171–188.

REFERENCES

- Aleksandrov A.S., Grachev S.A. Stage of criminal case institution: to liquidate or to leave in force. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2015, no. 1, pp. 101–108.
- Derishev Yu.V. Relic of socialist legality is mutating. *Rossiyskoepravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka*, 2017, no. 6, pp. 71–76.
- Gavrilov B.Ya. The role of the institute of initiating criminal proceeding in ensuring the victims' rights on their access to justice. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 19–27.
- Trochev A. Kazakhstan's New Criminal Procedure: Responsibilities and Oversight in Pretrial Investigation. *Statutes and Decisions*, 2016, vol. 50, no. 1, pp. 1–3.

5. Volevodz A.G. Abolition stage of criminal case: the issue price. *Ugolovnyy protsess*, 2014, no. 1, pp. 80–83.
6. Ishchenko P.P. About the ways of reforming and digitalization of the initial stage of preliminary investigation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2019, no. 8, pp. 89–99.
7. Tomlin V.T., Popov A.P. *Effektivnoe ugovnoe sudoproizvodstvo: upravlencheskie, sotsialnye i pravovye aspekty* [Effective criminal justice: administrative, social and legal aspects]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2015. 114 p.
8. Kudryavtsev V.N., ed. *Effektivnost pravosudiya i problema ustraneniya sudebnykh oshibok* [Efficiency of justice and the problem of error elimination]. Moscow, Institut gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR Publ., 1975. 298 p.
9. Znikin V.K. Some problems of efficiency and quality of pre-trial procedure. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2014, no. 1, pp. 20–24.
10. Asadov A.M., Drakhenberg T.V. Revisiting the effectiveness of legal regulation: traditions and innovations. *Problemy prava*, 2013, no. 3, pp. 53–59.
11. Khoroshiltsev A.I. The effectiveness of law: the concept and features. *Obshchestvo i pravo*, 2011, no. 2, pp. 47–51.
12. Tikhomirov Yu.A. Efficiency of law: from purpose to result. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2009, no. 4, pp. 3–9.
13. Lapina M.A. Theoretical and legal aspects of risk management. *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 2, pp. 35–44.
14. Kovaleva V.V. Risk in the context of legal control efficiency. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 180–182.
15. Zhinkin S.A. Some methodological aspects of studying the effectiveness of the rules of law. *Yuridicheskij mir*, 2007, no. 4, pp. 22–26.
16. Voskobitova L.A. From the Departmental Interests' Ideology to the Russian Federation Constitution's Ideology and the Criminal Procedural Codex of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 18–21.
17. Xanthaki H. Misconceptions in legislative quality: an enlightened approach to the drafting of legislation. *Conceptions and Misconceptions of Legislation*, 2019, vol. 5, pp. 23–49.
18. Manova N.S. On some defects of legal technique of the Criminal procedure code of the Russian Federation. *Sudebnaya vlast i ugovnyy protsess*, 2019, no. 1, pp. 23–30.
19. Nikiforenko Yu.L. Opposition of principles of legality and expediency as a manifestation of collision in legal regulation of public criminal prosecution. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2017, no. 11, pp. 672–675.
20. Savelev K.A., Ivanov V.V. The Principle of Expediency in the Russian Criminal Process: “for” and “against”. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 3, pp. 54–58.
21. Ryapolova Ya.P. The study of items and documents as a new form of application of expertise at the stage of initiation of a criminal case. *Rossiyskiy sledovatel*, 2010, no. 24, pp. 2–5.
22. Sementsov V.A., Safaryan G.O. On the problem of determining under initiation criminal case procedural status the person to whom the crime caused harm and possible solutions. *Obshchestvo i pravo*, 2016, no. 2, pp. 227–232.
23. Karpen U. Efficacy, effectiveness, efficiency: from judicial to managerial rationality. *Rational Lawmaking under Review*, 2016, vol. 3, pp. 295–313.
24. Shih T.-F., Chen C.-L., Syu B.-Y., Deng Y.-Y. A Cloud-Based Crime Reporting System with Identity Protection. *Symmetry*, 2019, vol. 11, no. 2, article number 255.
25. Iriberry A., Navarrete C.J. E-government services: design and evaluation of crime reporting alternatives. *Electronic Government, an International Journal*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 171–188.

CATEGORY OF EFFICIENCY IN THE ASSESSMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE STAGE OF THE CRIMINAL CASE INITIATION

© 2020

Ya.P. Ryapolova, PhD (Law),
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
South west State University, Kursk (Russia)

Keywords: initiation of a criminal case; criminally-remedial activity; legislative regulation efficiency; check of the report of a crime.

Abstract: The paper considers the methodological and applied aspects of studying the efficiency of legislative regulation of the stage of initiation of criminal cases as a scientific category. The author assumes that the development of theoretical legal matters related to specifying the conditions and criteria of assessment of such efficiency will make it possible with greater scientific objectivity to forecast trends in the criminal procedure legislation in line with the future pre-trial procedure modernization, to assess the consistency of the institute of initiation of a criminal case in the Russian criminal procedure. The paper presents the author's definition of the concept of the efficiency of legislative regulation of the initial stage of the pre-trial procedure. The author concludes that in the sphere of legislative regulation of the pre-trial procedure, specifying the parameters of the process of achieving the goal and solving specific tasks of the stage is related to the solution of the issue of possibility to implement measures of criminal procedure compulsion, which should be minimal at the stage of initiation of a criminal case. The author attempted to formulate the main conditions, which, to the author's opinion, should be taken into account during the current and expected assessment of the efficiency of legislative regulation of the stage of the criminal case initiation. These conditions are determined both by the quality of relevant criminal procedure norms and the social mechanism of their action. Meeting such conditions promotes the optimum selection of legal instruments adequate for current tasks of the stage, taking into account their regulatory potential, acceptability, possible risks and expenses, and the environment parameters.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕЙ ОРУЖИЯ ПО УК РФ И УК РА

© 2020

А.А. Саргсян, соискатель*Российско-Армянский университет, Ереван (Республика Армения)*

Ключевые слова: деятельное раскаяние; освобождение от уголовной ответственности; понятие «добровольность»; добровольность сдачи оружия; предметы, изъятые из оборота.

Аннотация: Наличие в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Армения поощрительных норм является альтернативной реакцией государства на противоправное поведение совершившего правонарушение лица. Примечания к ст. 222–223.1 УК РФ и ст. 235–236 УК РА являются нормами с «двойной превенцией», способствующей предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Цель работы – исследование поощрительной нормы о добровольной сдаче оружия, вопросов ее регламентации как специального основания освобождения от уголовной ответственности. Рассматриваются наиболее часто возникающие в правоприменительной практике проблемы, связанные с решением вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей оружия, с определением признаков добровольности сдачи, в том числе при производстве таких следственных действий, как обыск и выемка. Необоснованное применение поощрительной нормы о добровольной сдаче оружия при проведении следственных действий в условиях отсутствия у виновного альтернативного варианта поведения способствует злоупотреблению ею. Автор использует сравнительно-правовой метод, последовательно излагая позиции Кассационного суда РА и Верховного суда РФ по вопросам добровольной сдачи оружия. Зачастую суды также различным образом оценивают действия лиц, добровольно сдавших оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества. В целях достижения единства в правоприменительной практике по вопросам толкования добровольности действий лица, сдающего оружие, предлагается руководствоваться субъективными критериями оценки. Предлагается не освобождать от уголовной ответственности лицо, перед добровольной сдачей оружия совершившее с его использованием иное преступление, за исключением случаев, если имело место покушение на преступление.

ВВЕДЕНИЕ

Поощрительные нормы о добровольной сдаче оружия являются одним из действенных инструментов в борьбе с преступностью. Гуманизация института освобождения от уголовной ответственности находит подтверждение и в увеличении его видов [1]. Применение рассматриваемой нормы в каждом конкретном случае означает устранение потенциальных криминогенных факторов, выступающих условиями совершения некоторых преступлений и заключающих в себе владение огнестрельным оружием, боеприпасами и иными предметами, указанными в диспозиции статей [2].

Невозможность освобождения лица от уголовной ответственности за незаконный оборот оружия по ч. 2 ст. 222 УК РФ не лишает его возможности освобождения по общему основанию [3]. Отсутствует единое мнение по некоторым дискуссионным вопросам, связанным с данной поощрительной нормой. Расходятся позиции Пленума Верховного суда Российской Федерации и Кассационного суда Республики Армения при правовом анализе вопросов, связанных с добровольной сдачей оружия. В теории уголовного права нет единства по вопросам признания наличия в действиях лица, сдающего оружие, признаков добровольности, необходимости освобождения от уголовной ответственности лица, сдающего оружие, даже если в его действиях содержится иной состав преступления, что в совокупности негативным образом отражается на эффективности применения данной поощрительной нормы. В основе добровольности, по мнению автора [4], лежит осознание виновным того, что он может и далее уклоняться от уголовной ответственности за содеянное. Как добровольную выдачу следует понимать и сообщение орга-

нам власти о местонахождении изъятых из оборота предметов по своей воле при реальной возможности их дальнейшего сохранения [5]. Добровольной следует считать сдачу лицом указанных предметов по своей воле независимо от ее мотивов [6].

Некоторые из армянских ученых отмечают, что при установлении в действиях деятельного раскаяния следует руководствоваться субъективными факторами, включающими в себя сознание, чувства, коренным образом изменившие представление виновного и отразившиеся на его постпреступном поведении [7]. По мнению других, практика свидетельствует, что незаконно хранящиеся предметы виновные сдают только после задержания или обнаружения в результате обыска, т. е. те лица, которым известна данная поощрительная норма, будучи уверенными, что возбужденное в их отношении уголовное дело на основании данной нормы кодекса подлежит прекращению, могут спокойно незаконно хранить у себя оружие до обнаружения правоохранительными органами факта преступления [8].

Анализируя проблему сдачи незаконно хранящегося оружия во время производства обыска или выемки, армянский ученый указывает на недопустимость отождествления уголовно-правовых и уголовно-процессуальных понятий «добровольная сдача оружия» и «добровольная сдача предмета, подлежащего изъятию». Ученый и вовсе ставит под сомнение возможность добровольной сдачи оружия при производстве следственных действий, обосновывая это тем, что представляется нелогичным говорить о добровольной сдаче предметов, подлежащих изъятию, в уголовно-правовом смысле в данной ситуации [9].

Отсутствие единого мнения по вопросу о субъективной оценке виновным сложившейся ситуации

и объективной действительности также является предметом широкого обсуждения. В частности, некоторые авторы отмечают, что следует закрепить положение о допустимости применения исследуемых примечаний при осознании субъективной возможности лица продолжить незаконные деяния [10]. В правоприменительной практике со стороны соответствующих органов термин «добровольность» толкуется различным образом: добровольное сообщение виновным органам власти о предметах преступления; добровольная сдача виновным данных предметов органам власти. В любом случае имеется в виду реальная возможность виновного лица продолжить сокрытие предметов преступления и прекратить его по своей воле [11]. Главное, чтобы позитивное постпреступное поведение виновного не было следствием обнаружения правоохранительными органами преступления, предметов преступного посягательства либо следствием задержания лица в связи с подозрением в совершении соответствующего преступления [12]. Проведенный литературный обзор позволяет нам сделать вывод о большом значении поощрительных норм о деятельном раскаянии, на данный момент, однако, не нашедшем должного научного осмысления и законодательной разработки.

Цель работы – анализ правовой регламентации поощрительной нормы о добровольной сдаче оружия, вопросов ее регламентации как специального основания освобождения от уголовной ответственности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уголовно-правовое и социальное назначение поощрительных норм о добровольной сдаче оружия. Уголовно-правовой анализ освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей оружия и иных изъятых из оборота предметов следует начать в первую очередь с указания социальной, превентивной значимости рассматриваемых поощрительных норм. Так, Кассационный суд Республики Армения в одном из своих прецедентных решений по делу Беглара Оганнисяна ЕАНД/0011/01/14 от 18.12.2015 отмечает, что наличие в Особенной части Уголовного кодекса поощрительных норм представляет собой своеобразный способ борьбы с преступлениями определенного характера, направленный на их подрыв или предотвращение или раскрытие других связанных с ними преступлений.

Кассационный суд также указывает, что поощрительная норма, закрепленная в ч. 5 ст. 235 УК РА, путем поощрения добровольной сдачи незаконно хранящегося оружия и других предметов, перечисленных в норме, преследует цель прекратить совершение преступления, предусмотренного ст. 235 УК РА, и тем самым предотвратить в дальнейшем совершение с их помощью преступлений, направленных против жизни или здоровья лица, или иных преступлений.

Процессы глобализации, необходимость развития и реализации принципов уголовного законодательства, принятия Российской Федерацией и Республикой Армения международно-правовых обязательств обуславливают последовательную гуманизацию армянского и российского уголовного законодательства, расширение сферы применения норм о деятельном раскаянии и совершенствование соответствующих поощрительных уголовно-правовых норм. Специальные виды освобождения

от уголовной ответственности представляют собой воплощение на практике широко провозглашенных в различных международно-правовых актах принципов справедливости и гуманизма, служащих основным ориентиром для правоохранительных и правоприменительных органов. Помимо вышеуказанных принципов, они также включают в себе реализацию требований дифференциации и индивидуализации уголовно-правового воздействия. Поощрительная норма о добровольной сдаче оружия выполняет сразу две функции – охрану объекта данного преступления и устранение общественной опасности лица, совершившего преступление [13].

Уголовно-правовой анализ признаков добровольности сдачи оружия в РФ. Важнейшим условием освобождения лица от уголовной ответственности является *добровольность* сдачи указанных в диспозиции предметов преступления. Неоднозначность употребления категории «добровольность» приводит к возникновению проблем в правоприменительной практике. Анализ судебной практики по рассматриваемому вопросу указывает на наличие многочисленных ошибок при толковании поощрительной нормы, закрепленной в ст. 222 УК РФ [14]. Следует отметить, что рекомендации Верховного суда Российской Федерации вступают в противоречие с положениями Уголовного кодекса. Виновное лицо, сдающее огнестрельное оружие, его составные части, боеприпасы и т. д., должно действовать по своей воле; при этом мотивы, которыми оно руководствуется при принятии данного решения, не имеют никакого значения. При определении признака добровольности Верховный суд Российской Федерации рекомендует исходить из объективного критерия добровольности сдачи предметов. Данная позиция представляется неверной, в связи с чем в целях ее опровержения необходимо проанализировать определение добровольного отказа от преступления, регламентированного в ст. 31 УК РФ. Данный анализ имеет большое значение, поскольку в примечании к ст. 222 УК РФ находит свое отражение такой признак добровольного отказа, как добровольное прекращение преступной деятельности, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца [15].

Необходимо отметить, что при установлении в действиях лица признаков добровольного отказа нужно руководствоваться наличием возможности довести преступление до конца, имеющейся именно в субъективном представлении виновного, а не в объективной реальности. Правоприменительной практике известны случаи, когда виновный, в соответствии со своим субъективным убеждением о реальной возможности довести преступное посягательство до конца, прекращал преступление и, несмотря на объективное отсутствие реальной возможности довести преступление до конца, был освобожден от уголовной ответственности.

Таким образом, добровольность представляет собой субъективный критерий, исходящий от самого лица, совершившего преступление, на основании его личных представлений относительно возможных альтернативных вариантов своего поведения, а не объективной возможности, которой в случае заблуждения может и не быть.

Обращаясь к истории российского уголовного законодательства, следует указать, что согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. сознанию обвиняемого придавалось значение только в случае, если оно дано

непринужденно и добровольно¹. Необходимо отметить, что теоретически в основе института деятельного раскаяния лежит прежде всего субъективный фактор, т. е. перелом в сознании преступника, коренным образом изменяющий его личностные установки и тем самым значительно снижающий степень его общественной опасности [16]. Таким образом, вполне обоснованным представляется установление признака добровольности сдачи изъятых из оборота предметов исходя из субъективного представления лица о возможности дальнейшего их сокрытия.

Уголовно-правовой анализ признаков добровольности сдачи оружия в РА. Вопрос о добровольности сдачи оружия был предметом рассмотрения в ряде решений Кассационного суда Республики Армения. Так, в решении по делу Х. Багдасаряна АВД2/0059/01/08 от 28.11.2008 Кассационный суд РА выразил свою правовую позицию по данному вопросу, согласно которой сдача считается добровольной, если лицо, осознавая, что на данный момент нет реальной угрозы для его раскрытия, по своему усмотрению сдает предметы, указанные в ст. 235 УК РА, т. е. решение, принятое лицом, должно быть результатом свободного и осознанного выбора. При наличии реальной угрозы раскрытия и подстрекательстве к сдаче последняя не может считаться добровольной. В тех случаях, когда власти осведомлены о наличии у конкретного лица указанных предметов и предлагают сдать их, сдача не может считаться добровольной. В подобных условиях сдача предметов, указанных в ст. 235 УК РА, может рассматриваться только как смягчающее ответственность обстоятельство.

Сдача оружия по предложению правоохранительных органов. Что касается вопроса сдачи оружия по предложению правоохранительных органов, правовая позиция Верховного суда Российской Федерации не нашла должного отражения в его постановлениях. Определенные проблемы возникают при установлении добровольности сдачи оружия, произведенной в результате предложения должностного лица при производстве следственных действий. Верховный суд Российской Федерации в постановлении от 15.06.2006 № 14 указал, что сдача наркотических или психотропных веществ по предложению должностного лица при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию не может являться основанием для применения поощрительной нормы, указанной в примечании к ст. 228 УК РФ. Это вызывает определенные сомнения, так как должны быть выработаны единые критерии понятия добровольности поведения лица при сдаче им предметов, изъятых из оборота, будь то оружие или наркотические средства.

На наш взгляд, вопрос о добровольности сдачи предметов, изъятых из оборота, следует решать применительно к конкретным обстоятельствам дела. Установление наличия признака добровольности должно быть и в том случае, когда, например, виновное лицо, не имея представления об обыске, совершение которого предпо-

лагается в его квартире, сообщает в соответствующие органы о незаконно хранящемся там оружии.

При решении вопроса о признании сдачи добровольной следует принимать во внимание размер квартиры или иного жилого помещения, возможность обнаружения и степень удачности сокрытия виновным лицом разыскиваемых предметов. Сдачу предметов лицом, совершившим преступление, нельзя признать добровольной, если это лицо осознало невозможность их дальнейшего сокрытия [17].

Таким образом, если виновный осознаёт неизбежность обнаружения и изъятия правоохранительными органами незаконно находящихся у него предметов, изъятых из оборота, то в данном случае их сдача не может признаваться добровольной, поскольку у лица отсутствуют альтернативные варианты поведения и оно находится в безвыходной ситуации.

Добровольность сдачи оружия при производстве обыска или выемки. Необходимо отметить, что возможны и другие варианты развития событий, влияющие на решение вопроса о наличии в действиях лица, сдающего соответствующие предметы, добровольности. Например, в случае, если в процессе производства следственных действий либо до их начала виновный осознаёт, что правоохранительные органы заблуждаются относительно действительного местонахождения оружия или иных предметов, и осознаёт реальную возможность их необнаружения, однако, невзирая на это, выдает их, то в данном случае, на наш взгляд, необходимо признать действия лица добровольными. Подобное объясняется тем обстоятельством, что у лица имелся альтернативный вариант поведения, однако, несмотря на это, он сознательно и самостоятельно выбрал социально полезное постпреступное поведение. Таким образом, следует отметить, что в подобных ситуациях представляется совершенно необоснованным исключение в действиях лица наличия добровольности сдачи изъятых из оборота предметов при проведении следственных действий.

Вполне возможна ситуация, когда следователь, имея сведения о нахождении предметов, изъятых из оборота, выносит постановления о производстве обыска в определенном месте в целях их обнаружения, однако, как оказывается, данные сведения являются ошибочными. И если в данном случае виновное лицо сообщает об ошибочности имеющихся у следователя данных и указывает на действительное место их нахождения, то в этом случае, на наш взгляд, также присутствует признак добровольности, поскольку у виновного лица присутствует реальная возможность продолжать сокрытие изъятых из оборота предметов. И если несмотря на то, что лицо, совершившее преступление, сознает данную возможность, оно все же сдает разыскиваемые предметы, то его действия следует признать добровольными.

Предлагаем изменить редакцию примечания к ст. 222 УК РФ и правовую позицию Кассационного суда РА по данному вопросу. Предлагаем исключить из примечания к ст. 222 УК РФ указание на то, что не может признаваться добровольной сдачей соответствующих предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Данные законодательные изменения могут послужить наиболее верному разрешению проблемы установления

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. СПб.: типография 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 523 с.

в действиях лица признаков добровольности сдачи оружия и иных предметов, а также способствовать формированию устойчивой единообразной судебной практики.

Кассационный суд Республики Армения, продолжая анализ понятия «добровольность», отмечает, что сдача предметов, указанных в ст. 235 УК РА, может считаться добровольной, если лицо осознаёт реальную возможность продолжения их незаконного содержания, но тем не менее передает обсуждаемые предметы или сообщает о месте их нахождения. Реальная возможность незаконного хранения указанных предметов может присутствовать, если, например, органу, осуществляющему производство, неизвестно о наличии оружия или отсутствуют обстоятельства, свидетельствующие об объективной возможности его раскрытия, и это охватывается сознанием виновного.

Освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего оружие, при наличии в его действиях иного состава преступления. В примечаниях к ст. 235 и 236 УК РА предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи указанных предметов, если действия лица не содержат другого состава преступления. Так, в соответствии с примечанием к ст. 322 УК РА (незаконное изготовление оружия), «если в действиях лица содержится иной состав преступления, то оно подлежит уголовной ответственности по данной статье». Подобное ограничение отсутствует в уголовном законодательстве Российской Федерации. Значительный интерес представляет редакция примечаний к рассматриваемым статьям в проекте нового Уголовного кодекса Республики Армения.

Таким образом, считаем излишним и искусственным образом ограничивающим возможность применения рассматриваемой поощрительной нормы и достижение целей, поставленных ее введением в данном случае. Если лицо наряду с преступлениями, предусмотренными ст. 235 и 236 УК РА, совершило и иное преступление, то оно должно быть освобождено от уголовной ответственности за первое (в случае добровольной сдачи) и привлечено к ответственности за второе из них. Немного в другом аспекте данная проблема была подвергнута правовому анализу Кассационным судом Республики Армения. В частности, Кассационный суд РА отмечает, что лицо, передавшее оружие после совершения того или иного общественно опасного деяния с применением незаконно хранящегося оружия, не может быть освобождено от уголовной ответственности, поскольку в случае наличия у правоохранительных органов достоверной информации о факте использования оружия, применение ч. 5 ст. 235 УК РА не будет исходить из целей уголовной политики предусмотрения поощрительной нормы, являющейся предметом обсуждения. В то же время Кассационный суд считает необходимым отметить, что передача оружия лицом после совершения того или иного общественно опасного деяния может быть расценена как обстоятельство, смягчающее ответственность и наказание лица и учитываемое при назначении наказания.

В качестве примера можно привести судебное решение, подтверждающее вышеуказанную позицию Кассационного суда РА. Так, суд первой инстанции в решении по делу ГД/0012/01/19 от 19.03.2019 признал Саргиса Оганнисяна виновным по ч. 1 ст. 113 УК РА и ч. 1

ст. 112 УК РА, считая подтвержденными те обстоятельства, что он посредством выстрела из огнестрельного оружия умышленно причинил тяжкий вред здоровью Г. Арутюняна, и вред средней тяжести – здоровью А. Овакимяна. После изучения материалов дела стало известно, что обвиняемый представил оружие через длительное время после инцидента, в условиях, когда факт его применения был достоверно известен органу, осуществляющему производство, а лицо, передавшее оружие после совершения того или иного общественно опасного деяния с применением данного оружия, не может быть освобождено от уголовной ответственности. Апелляционный суд отмечает, что после причинения телесных повреждений потерпевшим обвиняемый увез с собой огнестрельное оружие и спустя 10 месяцев после того, как факт применения им оружия стал достоверно известен органу, осуществляющему производство, добровольно представил его на расследование, и назначенная баллистическая экспертиза констатировала, что это именно то оружие, из которого ранее был произведен выстрел.

Отметив вышеизложенные позиции судебных инстанций Республики Армения, предлагаем исключить из примечания к ст. 235 и 236 УК РА указание на недопустимость освобождения от уголовной ответственности в случае наличия в действиях лица иного состава преступления. В то же время считаем целесообразным внести некоторые дополнения и изменения в разъяснения Кассационного суда РА по рассматриваемому вопросу. В анализе Кассационным судом вопроса относительно недопустимости освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление с использованием оружия, после этого добровольно сданного правоохранительным органам, следует отметить также, что в случае если преступная цель не была достигнута виновным (например, было совершено покушение на убийство) и у правоохранительных органов нет достоверной информации о факте применения оружия, то признак добровольности сдачи оружия присутствует и поощрительная норма подлежит применению. Ведь конечной целью данных норм, стимулирующих позитивное постпреступное поведение, является недопущение совершения еще более тяжких преступлений и, соответственно, тяжких последствий. Вследствие этого целесообразно освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего оружие, если ранее этим лицом было совершено покушение на то или иное преступление с его использованием.

В соответствии с разъяснением Пленума ВС РФ, даже если в действиях лица имеется другой состав преступления, оно тем не менее подлежит освобождению от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи предметов, указанных в ст. 222–223.1 УК РФ. Например, если с помощью незаконно хранящегося оружия был совершен грабёж, то виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за грабёж и освобождается от уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Данные преступления предусматривают «последующую абстрактную опасность», вытекающую из формулировок основных составов статей Особенной части УК или их квалифицированных признаков [18].

Важность данной поощрительной нормы не вызывает сомнения. Так, составы некоторых преступлений сформулированы таким образом, что для их совершения не требуется использование оружия, однако это вовсе не означает, что на практике оно не применяется.

Рассматривая проблемы, связанные с регламентацией поощрительных норм, предусмотренных в примечаниях к ст. 222–223.1 УК РФ (ст. 235–236 УК РА), следует отметить, что отсутствует указание на субъектов, к которым должно обратиться деятельно раскаявшееся лицо с заявлением о совершенном преступлении. В частности, в одних поощрительных нормах законодатель говорит об обращении с подобным сообщением в «органы власти», в других случаях – в «органы, имеющие право возбуждать уголовное дело», равным образом придерживаясь чрезмерных крайностей в каждом из этих случаев. На наш взгляд, в рассматриваемых нами примечаниях в целях их конкретизации и облегчения применения следует закрепить в качестве субъектов «правоохранительные органы».

Подводя итоги проведенного исследования, отметим безусловную значимость вышеуказанных поощрительных норм в условиях современной уголовно-правовой политики Республики Армения и Российской Федерации, которые с учетом развития общественных отношений одним из своих приоритетных направлений провозгласили гуманизацию действующего уголовного законодательства, приведение в соответствие целей исправления лиц, совершивших преступление, предупреждения преступности с восстановлением социальной справедливости. В зарубежных исследованиях, посвященных освобождению от уголовной ответственности, также отмечается, что поощрительные нормы стимулируют предотвращение либо уменьшение последствий, находящихся за рамками того или иного состава преступления, в частности, детально регламентированы специальные основания освобождения от уголовной ответственности в УК ФРГ, Австрии, Франции, Италии [19]. Среди зарубежных криминологов еще со времен Второй мировой войны распространено высказывание о наказании как о бессмысленном пережитке наказуемого общества [20]. Таким образом, положительный опыт иных стран англо-саксонской и романо-германской правовой системы, а также практика показывают, что только лишь репрессивными мерами невозможно в должной степени достичь минимизации преступности в том или ином государстве, пресечения дальнейшей криминализации общества в целом. В связи с этим дальнейшее совершенствование специальных видов освобождения от уголовной ответственности будет способствовать наиболее эффективному достижению целей института деятельного раскаяния.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Предлагаем при установлении в действиях лица, сдающего оружие, признаков добровольности исходить из его субъективных представлений о наличии реальной возможности дальнейшего сокрытия оружия, а не из объективно существующей действительности.

2. Предлагаем внедрить в российскую правоприменительную практику позицию Кассационного суда Республики Армения, согласно которой если лицо перед добровольной сдачей оружия совершило с его исполь-

зованием иное преступление, то оно не освобождается от уголовной ответственности.

3. Предлагаем в случае совершения виновным лицом покушения на убийство с использованием незаконно хранящегося у него оружия, тем не менее освобождать его от уголовной ответственности.

4. Предлагаем закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» положение, согласно которому сдача оружия не может являться основанием для применения рассматриваемых примечаний, если она произошла при задержании лица, а также при проведении следственных действий по обнаружению и изъятию по предложению должностного лица, осуществляющего указанные действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
2. Шатилович С.Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2005. 180 с.
3. Магомедов Г.Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания. М.: Юрлитинформ, 2016. 144 с.
4. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление. Закон, теория, практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 111 с.
5. Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). М.: Юрлитинформ, 2018. 203 с.
6. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М.: Юнити-Дана, 2017. 232 с.
7. Меликсетян А.С. Сравнительно-правовой анализ некоторых положений уголовного кодекса РА и проекта нового уголовного кодекса РА. Ереван: ТАСК, 2019. 197 с.
8. Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 206 с.
9. Гамбарян А.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей незаконно хранящегося оружия или наркотических средств при производстве обыска и выемки. Ереван: Судебная власть, 2008. 30 с.
10. Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2007. 140 с.
11. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. М.: Юридический центр, 2008. 357 с.
12. Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2005. 658 с.
13. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики. М.: Проспект, 2019. 112 с.
14. Петин И.А. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания. М.: Проспект, 2005. 243 с.

15. Екимов А.А. Освобождение от уголовной ответственности на основании норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: РУСАЙНС, 2020. 100 с.
16. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М.: Юрлитинформ, 2009. 448 с.
17. Гаспарян Н. Что считать добровольной выдачей наркотиков // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 39–40.
18. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. СПб.: Издание профессора Малинина, 2008. 880 с.
19. Hungerford-Welch P. *Criminal Procedure and Sentencing*. London: Routledge, 2014. 426 p.
20. Rauxloh R. *Plea bargaining in national and international law*. London: Routledge, 2012. 296 p.
9. Gambaryan A.A. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s dobrovolnoy sdachey nezakonno khranyashchegosya oruzhiya ili narkoticheskikh sredstv pri proizvodstve obyska i vyemki* [Exemption from criminal liability in connection with the voluntary surrender of illegally stored weapons or narcotic drugs during the search and seizure]. Erevan, Sudebnaya vlast Publ., 2008. 30 p.
10. Antonov A.G. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti po normam Osobennoy chasti UK RF* [Exemption from criminal liability under the norms of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation]. Novokuznetsk, Kuzbasskiy institut FSIN Rossii Publ., 2007. 140 p.
11. Sverchkov V.V. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti, prekrashchenie ugovolnogo dela (presledovaniya), otkaz v ego vobuzhdenii. Problemy teorii i praktiki* [Release from criminal liability, termination of a criminal case (prosecution), refusal to initiate it. Problems of theory and practice]. Moscow, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2008. 357 p.
12. Ferri E. *Ugovolnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 658 p.
13. Brilliantov A.V. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti: s uchetom obobshcheniya sudebnoy praktiki* [Exemption from criminal liability: taking into account the generalization of judicial practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 112 p.
14. Petin I.A. *Voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya* [Questions of release from criminal responsibility and punishment]. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 243 p.
15. Ekimov A.A. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti na osnovanii norm Osobennoy chaste Ugovolnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Exemption from criminal liability on the basis of the norms of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation]. Moscow, RUSAYNS Publ., 2020. 100 p.
16. Dodonov V.N. *Sravnitelnoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Comparative criminal law. Common part]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2009. 448 p.
17. Gasparyan N. What is considered a voluntary drug delivery. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1999, no. 11, pp. 39–40.
18. *Entsiklopediya ugovolnogo prava. Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya* [Encyclopedia of criminal law. Exemption from criminal liability and punishment]. Sankt Petersburg, Izdanie professora Malinina Publ., 2008. Vol. 10, 880 p.
19. Hungerford-Welch P. *Criminal Procedure and Sentencing*. London, Routledge Publ., 2014. 426 p.
20. Rauxloh R. *Plea bargaining in national and international law*. London, Routledge Publ., 2012. 296 p.

REFERENCES

1. Verina G.V. *Fundamentalnye ponyatiya ugovolnogo prava Rossii: aktualnye problemy* [Fundamental concepts of criminal law in Russia: actual problems]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 200 p.
2. Shatilovich S.N. *Deyatelnoe raskayanie i nakazuemost prestupleniy* [Active repentance and the punishment of the crime]. Tyumen, TYul MVD Rossii Publ., 2005. 180 p.
3. Magomedov G.B. *Prestupleniya nebolshoy i sredney tyazhesti: osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya* [Crimes of small and medium severity: exemption from criminal liability and punishment]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016. 144 p.
4. Parkhomenko D.A. *Litso, vpervye sovershivshee prestuplenie. Zakon, teoriya, praktika* [A Person who committed a crime for the first time. Law, theory, practice]. Moscow, YuNITIDANA Publ., 2018. 111 p.
5. Blagov E.V. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti (razmyshleniya o problemakh i ikh preodolenii)* [Liberation from criminal responsibility (reflections on problems and their overcoming)]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 203 p.
6. Endoltseva A.V. *Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti: problemy i puti ikh resheniya* [Institute of liberation from criminal responsibility: problems and ways to solve them]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2017. 232 p.
7. Meliksetyan A.S. *Sravnitelno-pravovoy analiz nekotorykh polozheniy ugovolnogo kodeksa RA i proekta novogo ugovolnogo kodeksa RA* [Comparative legal analysis of certain provisions of the RA criminal code and the draft new criminal code of the RA]. Erevan, TASK Publ., 2019. 197 p.
8. Tadevosyan L.Z. *Neokonchennyye prestupleniya* [Unfinished crimes]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2015. 206 p.

**SOME ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF SPECIAL GROUNDS FOR THE EXEMPTION
FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN CASE OF THE VOLUNTARY SURRENDER OF WEAPONS
UNDER THE RF CRIMINAL CODE AND THE RA CRIMINAL CODE**

© 2020

A.A. Sargsyan, PhD student
Russian-Armenian University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: active repentance; exemption from criminal liability; the concept of voluntariness; voluntariness of the surrender of weapons; items withdrawn from circulation.

Abstract: The existence in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia of the incentive norms is an alternative response of the state to the illegal behavior of a person committed a crime. The notes to Articles 222–223.1 of the RF Criminal Code and Articles 235–236 of the RA Criminal Code are the norms of “double prevention” that helps to prevent crimes related to illicit arms trafficking. The paper aims at the study of the incentive norm on the voluntary surrender of weapons, the issues of its regulation as a special ground for the exemption from criminal liability. The author considers the most frequent in law enforcement problems related to the solution of the issue of the exemption of a person from criminal liability in the case of his/her voluntary surrender of weapons, determining the features of the surrender voluntariness, including when performing such investigative actions as search and seizure. An unreasonable application of the incentive norm of voluntary surrender of weapons when performing investigative actions in the absence of an alternative variant of the behavior of a guilty person promotes its abuse. The author uses the comparative-legal method successively uttering the attitude of the RA Court of Cassation and the RF Supreme Court towards the issues of voluntary surrender of weapons. Often, courts as well evaluate in various ways the actions of people who voluntarily surrender weapons, supplies, and high explosives. To achieve uniformity in law enforcement on the issues of interpretation of voluntariness of actions of a person surrendering weapons, the author suggests relying upon the subjective criteria of evaluation. The author proposes not to exempt from criminal liability a person who committed a crime using weapons before its voluntary surrender, except the cases when an attempted crime took place.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ПОИСК ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

© 2020

А.Н. Станкин, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В.Н. Пяткин, старший преподаватель
*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, Саранск (Россия)*

Ключевые слова: закон; законопроект; законотворческий процесс; законотворческая деятельность; проблемы законотворческого процесса.

Аннотация: В настоящее время все чаще говорится об актуальности вопроса о развитии культуры законотворческого процесса, о повышении качества принимаемых федеральных законов, так как это напрямую связано с развитием России как демократического, правового государства и в целом указывает на уровень цивилизованности российского общества. Авторы делают попытку обозначить основные проблемы федерального законотворческого процесса в России и провести их анализ, в связи с чем исследуются: проблема интенсификация законотворческого процесса путем развития сотрудничества с депутатами по вопросам разъяснения, правового анализа и совершенствования законопроектов; проблема отсутствия связи законодателей с интересами населения; проблема постоянного и устойчивого повышения количества законов, принятых сразу в первом чтении; проблема срока вступления принятого закона в силу; проблема внесения в законодательный орган законопроектов, не соответствующих объективным потребностям общества и государства; проблема признания и нормативно-правового закрепления института лоббизма; проблема правового положения Совета Федерации в законотворческом процессе. Авторы работы пришли к выводу, что имеющиеся недостатки, проблемы федерального законотворческого процесса приводят к размытию сущности законотворчества как осмысленной, демократической по своей сути и направленности деятельности, что, в свою очередь, приводит к серьезным негативным последствиям в исследуемой сфере жизнедеятельности государства. Предлагаются пути преодоления обозначенных проблем в целях совершенствования современного законотворческого процесса на федеральном уровне.

ВВЕДЕНИЕ

Законотворческий процесс в нашем понимании – это регулируемая конституционно-правовыми нормами, сложноорганизованная, многоуровневая, познавательная-аналитическая и созидательная деятельность специально уполномоченных на то субъектов, направленная на разработку, принятие и введение в действие законодательных актов. Параметры и особенности законотворческого процесса определяются уникальным положением законодательного акта в процессе правотворческой деятельности [1], той ролью, которую играют законы в регулировании усложняющихся общественных отношений, а также увеличением объемов законотворческой деятельности [2].

Действительно, в современном демократическом правовом государстве одним из наиболее авторитетных и действенных регуляторов общественных отношений выступают законодательные акты. Закон в идеале представляется своего рода балансом интересов различных социальных групп общества [3]. В связи с рядом проблем как внутреннего, так и международного характера в России как никогда необходима четкая опора, и этой опорой является законодательная база внутри страны, ее правовая система, позволяющая эффективно обеспечивать правопорядок в обществе. Огромное значение в становлении и развитии законодательной базы Российской Федерации отводится Федеральному Собранию РФ и федеральному законотворческому процессу.

Отдельные вопросы законотворческого процесса достаточно глубоко исследованы правоведами, которые работали и научно обосновали положения, направленные на повышение демократизма и гуманизма законода-

тельной деятельности [4–6], предложили рекомендации для повышения эффективности и совершенствования законотворческого процесса [7–9].

К сожалению, анализ законотворческой деятельности российского парламента позволяет говорить о том, что в этой сфере остается довольно много нерешенных задач, проблемных вопросов, более того, возникают новые сложности, которые приводят к явным отрицательным последствиям, в частности низкому качеству принимаемых законов, пробельности, коллизиям законодательства и т. п., и к потере авторитета Федерального Собрания РФ, как высшего органа законодательной власти, у граждан Российской Федерации. Таким образом, проблемные вопросы законотворческого процесса следует незамедлительно решать и в дальнейшем не допускать.

Полагаем, что действенным инструментом в деле повышения качества и эффективности законотворческого процесса является своевременный анализ названных проблем, поиск и обоснование возможных решений. Но в юридической литературе чаще рассматриваются отдельные проблемы федерального законотворческого процесса в Российской Федерации [10; 11], и для лучшего понимания кризисных явлений в данной сфере мы предлагаем комплексный подход к рассмотрению проблем и недостатков законотворческой деятельности на федеральном уровне.

Цель исследования – выявление актуальных проблем федерального законотворческого процесса в современный период, их характеристика, разработка предложений и рекомендаций по преодолению обозначенных проблем по совершенствованию федерального законотворческого процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема интенсификации законотворческого процесса. Анализ законотворческой деятельности показал, что ежегодно в России принимается порядка 500–600 федеральных законов, что соответствует средним показателям 40–50 законов в месяц. В то же время уточним, что на практике ежемесячное количество принимаемых Государственной думой законов имеет заметные «скачки», в частности, в последний месяц сессии принимается гораздо большее количество федеральных законов. Как правило, такая ситуация складывается из-за желания депутатов перед парламентскими каникулами завершить начатую ранее работу по принятию законов, соответственно, они ускоряют законотворческую работу.

Так, из 343 законов, принятых Государственной думой седьмого созыва в весеннюю сессию 2018 года, в апреле было принято 41, в мае – 36, в июне – 44, а в июле, т. е. в последний месяц весенней сессии, – 149 законов. В осеннюю сессию 2018 года было принято 233 закона: в сентябре – 26, в октябре – 53, в ноябре – 46, в декабре – 108. Похожая ситуация сложилась и в ходе работы Государственной думы в 2019 году: в весеннюю сессию всего было принято 325 законов, среди них в апреле – 49, в мае – 49, в июне – 40, в июле – 134. В осеннюю сессию 2019 года Государственная дума приняла 206 законов, среди них в сентябре принято 23 закона, в октябре – 34, в ноябре – 50, в декабре – 99.

Если учесть, что, например, весенняя сессия заканчивается 28 июля и что в Государственной Думе 5-дневная рабочая неделя, то депутаты должны принимать примерно до 4–5 законов в день, но не стоит забывать, что в соответствии с ч. 3 ст. 40 Регламента Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, Заседания Государственной думы проходят по вторникам, средам и четвергам, т. е. 3 дня в неделю, за исключением дней работы депутатов с избирателями. Понедельник и пятница отводятся для работы депутатов Государственной думы в комитетах и комиссиях, во фракциях. Соответственно, количество принятых в дни пленарных заседаний возрастает примерно в два раза. А теперь зададим актуальнейший, по нашему мнению, вопрос: способен ли среднестатистический депутат, не имеющий юридического образования, ознакомиться с таким количеством законов, осмыслить, проанализировать их, сделать определенные выводы и т. д. в такие весьма сжатые сроки?

Конечно, можно возразить и указать на то, что у депутатов есть помощники, которые проводят в том числе и аналитическую работу по отношению к законопроектам, но не будем забывать, что у помощника депутата, в соответствии с Федеральным законом от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» есть другие обязанности, что не позволяет ему работать только в сфере анализа законопроектов. И не стоит забывать, что законы принимает именно депутат, а не его помощник.

Отметим тот факт, что юридическое образование имеется только у 88 депутатов Государственной думы седьмого созыва, т. е. у 20 %. Конечно, нельзя требовать от депутатов, чтобы они в обязательном порядке имели

юридическое образование, но констатируем, что отсутствие юридической подготовки не идет на пользу законотворческому процессу, в связи с чем предлагаются различные варианты решения обозначенной проблемы. В частности, планировалось в целях повышения правовой грамотности депутатов Государственной думы направить их на курсы по законотворчеству. Полагаем, что краткосрочное обучение не способно существенным образом повлиять на сложившуюся проблемную ситуацию.

Одним из действенных механизмов, направленных на интенсификацию законотворческого процесса через развитие сотрудничества с депутатами по вопросам разъяснения, правового анализа и совершенствования законопроектов, является создание специализированного законотворческого центра. Финансирование научно-исследовательской, экспертно-аналитической работы такого центра следовало бы осуществлять из средств Государственной думы Российской Федерации.

Хотя в литературе отмечается, что, в частности, научная экспертиза законопроектов недооценена законодателем, но она является насущной необходимостью для законопроектов в целях эффективного законотворчества [7]. В определенных случаях необходимо предоставлять парламентариям научные консультации, проводить аналитические обзоры, использовать иные возможности научного сообщества.

Полагаем, что данную идею нельзя не поддержать, так как научно-аналитическая, экспертная, консультационная поддержка позволит законодателям осуществлять свои законотворческие полномочия более эффективно и, самое главное, позволит гораздо более адекватно, на серьезной научной основе, понять сущность, содержание принимаемых законопроектов.

Например, Председатель Государственной думы В.В. Володин предлагает проводить профессиональную экспертизу законопроектов с привлечением научно-профессиональных сообществ и ведущих федеральных вузов, что совершенно правильно, так как не стоит передавать такую работу одному вузу. Например, предлагается сформировать и развивать подобный центр на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Действительно, МГЮА является одним из ведущих юридических вузов России с интереснейшими, фундаментальными разработками в сфере юриспруденции, в том числе и по вопросам законотворчества, но совместная или параллельная работа нескольких научных учреждений позволила бы более эффективно и качественно обеспечивать научную поддержку и экспертную помощь депутатам как Государственной думы, так и региональных парламентов; более того, подобные центры было бы логично создать на базе юридических вузов и факультетов университетов «домашних» регионов парламентариев. Соответственно, депутаты могли бы консультироваться по возникающим вопросам с вузами того региона, от которого они избирались, что является довольно логичным: соответствующий региональный вуз (вузы) на практике задействует свой научный потенциал, депутат получает научно обоснованную информацию, и, что очень важно, будет видна реальная связь депутатов со своими регионами.

Проблема отсутствия связи законопроектов с интересами населения. Отметим, что в российском законодательном процессе сложилась негативная практика, характеризующаяся отсутствием диалога законодателей как с населением, так и с научным сообществом. В связи с этим законы принимаются как без широкого общественного обсуждения (либо результаты обсуждения не берутся во внимание, как произошло с общественным обсуждением изменений в пенсионное законодательство), так и без серьезного научного обоснования. Так, много нареканий вызвало принятие «закона Яровой» или, например, внесение изменений в пенсионное законодательство, на основе которых в России был повышен возраст выхода на пенсию. Понятно, что такие ситуации в законотворчестве приводят к негативной реакции общества как к деятельности Государственной думы в частности, так и к государственной власти в целом. И парламент – это отнюдь не самодостаточный орган – «парламент как сущностный элемент конституционного строя и инструмент гражданского общества появился и оправдывает свое существование именно в качестве представителя народа, озвучивающего его интересы с парламентской трибуны, выражающего их (в процессе принятия бюджета, инициирования и обсуждения законопроектов, осуществления контрольной функции над армией госслужащих), а также оформляющего интересы народа в законах» [4, с. 168].

Интересно, что ч. 6 ст. 119 Регламента Государственной думы (утвержден Постановлением Государственной думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД) предоставляет последней право принять решение о всенародном обсуждении законопроекта, принятого в первом чтении. Но Государственная дума еще ни разу не воспользовалась такой возможностью, и речь в ч. 6 ст. 119 Регламента ведется фактически о консультативном референдуме, однако для его проведения необходим особый механизм учета поправок и предложений, высказанных в процессе его подготовки [5]. Поэтому в научных публикациях предлагается разработать концепцию всенародного обсуждения законопроектов и закрепить ее в специальном законе [8].

Достаточно серьезным демократическим институтом предполагался проект «Российская общественная инициатива» (РОИ), позволяющий гражданам вносить свои предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Российская общественная инициатива – интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним. Под общественной инициативой понимаются предложения граждан Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, размещенные в электронной форме на сайте www.roi.ru. Такие предложения проверяются модераторами, и после проверки проводится голосование в режиме онлайн. Для того чтобы инициатива была направлена на рассмотрение в экспертную рабочую группу федерального, регионального или муниципального уровня, она должна в установленный срок набрать необходимое количество голосов в поддержку. Экспертная рабочая группа соответствующего уровня, рассмотрев инициативу, должна при-

нять мотивированное решение о реализации или отклонении инициативы, которое размещается на сайте РОИ, так же как и обоснование данного решения.

Но по состоянию на начало мая 2020 года из огромного количества инициатив (17 115) лишь 34 получили решение, правда, не всегда положительное. Это означает, что не все общественные инициативы, набравшие свыше 100 000 голосов, получили поддержку со стороны государства. Яркий пример – общественные инициативы по запрету изменения пенсионного возраста (были выдвинуты сразу несколько петиций по этому вопросу) и набравшие в установленный срок более 100 000 голосов. Так, инициатива № 78Ф42375 «Не допустить повышения возраста выхода на трудовую пенсию по старости» получила следующую экспертную оценку (приводим выдержки из экспертного заключения на данную инициативу):

«Происходящие изменения демографической структуры российского общества ведут к увеличению социальных расходов государства на пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание и социальное обеспечение пожилого населения. Повышение пенсионного возраста позволит значительно увеличить размер пенсий неработающим пенсионерам и восстановить оптимальное соотношение трудоспособного населения и пенсионеров.

Основным эффектом повышения пенсионного возраста станет сокращение дефицита рабочей силы на рынке труда, вызванного демографическими ограничениями».

Окончательное решение экспертов: «С учетом вышеизложенного, по итогам рассмотрения общественной инициативы экспертная рабочая группа полагает, что разработка нормативного правового акта, направленного на реализацию общественной инициативы, представляется нецелесообразной»¹. Похожие заключения даны и другими экспертными группами. Бросается в глаза, что экспертные заключения почти как под копирку приводят обоснования, которые использовали инициаторы принятия поправок в пенсионное законодательство, не анализируя противоположные мнения, в том числе опубликованные в научных публикациях (заметим, что проблема повышения пенсионного возраста нашла широкий отклик со стороны научного сообщества).

Проблема принятия закона сразу в первом чтении. К негативным проявлениям российского законотворческого процесса можно отнести и практику принятия закона сразу в первом (т.е. – единственном) чтении. Полагаем, что слияние стадий законотворчества очень часто ведет к ухудшению качества принимаемых законов, так как депутаты всерьез не вникают в их содержание и суть из-за поспешности принятия законопроектов и отсутствия должного их обсуждения. В результате единственное чтение приводит к «ошибкам юридической техники и требует затем исправления или уточнения либо новой

¹ Экспертное заключение экспертной рабочей группы федерального уровня по результатам рассмотрения общественной инициативы № 78Ф42375 «Не допустить повышения пенсионного возраста выхода на трудовую пенсию по старости» от 18.09.2018 // Российская общественная инициатива. URL: roi.ru/upload/42375_Экспертное_заключение_ЭРГ_Не_допустить_повышения_ПВ.pdf (дата обращения: 07.06.2020).

редакции нормативного акта» [6, с. 370]. Зачастую ко второму и к третьему чтению концепция законопроекта меняется [12]. Даже Конституционный суд прокомментировал важность прохождения законопроектов через установленные стадии (чтения), подчеркнув, что «деление процедуры рассмотрения проектов на чтения и собственно каждое из чтений имеют значение как для обеспечения поиска наиболее адекватных нормативных решений, так и для проверки соответствия их текстуально оформленного содержания подлинному волеизъявлению законодателя в соответствии с положениями статей 3 и 94 Конституции Российской Федерации»².

В юридических публикациях также подчеркивается необходимость прохождения всех необходимых стадий законотворческого процесса, а некоторые авторы даже выделяют данное требование в качестве специального принципа законотворческого процесса [13].

Анализ законотворческой деятельности Государственной думы РФ показал, что количество законов, принятых сразу в первом чтении, по сути, без времени, достаточного для осмысления содержания законопроекта и для внесения изменений, дополнений к нему, находится на довольно высоком уровне, и даже имеется тенденция к их увеличению. Приведем пример из деятельности Государственной думы седьмого созыва. В осеннюю сессию 2016 года в таком порядке было принято 73 закона, в весеннюю сессию 2017 года – 107, в осеннюю – 86 (всего – 193), в 2018 году – 158 и 86 соответственно (всего 244), в 2019 году – 167, в весеннюю сессию по май 2020 года – 74. Приведем пример из деятельности Государственной думы шестого созыва. Сразу в первом чтении было принято: в 2012 году – 147 законов (74 – в весеннюю сессию, 73 – в зимнюю), в 2013 году – 196 (108 и 88 соответственно); в 2014 году – 200 (107 и 93 соответственно), в 2015 году – 206 (107 и 99 соответственно), в весеннюю сессию 2016 года – 74 закона. Если выборочно взять итоги работы Государственной думы более ранних созывов, то мы увидим, что количество законов, принятых сразу в первом чтении, увеличилось примерно в 1,5 раза (1996 год – 118 законов, 2000 – 113; 2004 – 97, 2008 – 118 и т. д.).

По нашему мнению, необходимо установить полный запрет на принятие законопроектов указанным способом либо использовать принятие законов сразу в первом чтении только в исключительных случаях, которые будут четко закреплены законодательно (например, в условиях военного, чрезвычайного положения и т. п.).

Проблема определения срока вступления закона в силу. Хотелось бы обратить внимание и на проблему использования формулировки «вступает в силу со дня его официального опубликования» или «после дня официального опубликования» (на следующий день после официального опубликования). Полагаем, что назван-

ные формулировки противоречат сущности обнародования: адресаты, на кого распространяет свое действие принятый парламентом и подписанный Президентом РФ закон, должны ознакомиться с содержанием вновь принятого закона для его осмысления, анализа, в необходимых случаях – для получения консультаций, а также для приведения своего поведения, деятельности и, по возможности, документации в соответствие с принятым законом. Единовременные публикация и вступление в силу закона лишают адресатов названных возможностей и потенциально могут создать неприятные ситуации, вплоть до правонарушений. Полагаем, что указанные сроки вступления принятого законодательно акта в силу следует применять только в исключительных случаях, которые должны быть исчерпывающим образом закреплены в законодательстве.

Проблема внесения законопроектов, не соответствующих объективным потребностям общества и государства. В последнее время информационную среду все чаще волнуют новости, где участвуют отдельные депутаты Государственной думы и предложенные ими законопроекты, не отвечающие объективным, адекватным потребностям общества и государства. Некоторые из таких законопроектов получили статус «фейковые» и ничего, кроме общественного недоумения не вызвали. Имеются в виду законопроекты, предлагавшие «запретить босоножки», запретить оборот и хранение долларов США на территории России, «перекрасить Кремль в белый цвет», запретить иностранцам разговаривать не по-русски на рабочем месте и т. п. Особый резонанс вызвал «античесночный» законопроект. 1 апреля 2013 года депутат Сергей Иванов внес законопроект о запрете употребления чеснока в общественных местах. Законопроект был официально зарегистрирован, получил соответствующий порядковый номер в базе законопроектной работы палаты и направлен председателю Государственной думы. К вечеру законопроект был отозван его автором, который пояснил, что внесение данного законопроекта являлось первоапрельской шуткой, которая, по мнению С. Иванова, удалась.

В литературе отмечается, что предметом законодательного регулирования являются необходимые (естественные, нормальные) обществу социальные связи [14]. Не совсем понятно, в чем необходимость обозначенных выше законопроектов. В результате подобной деятельности отдельных депутатов Государственной Думы возникает вопрос, как реагировать на такие законопроекты. Современное российское законодательство закрепляет гарантии деятельности депутатов Государственной думы РФ, к которым относятся в том числе депутатский иммунитет и депутатский индемнитет как важнейшие элементы правового статуса депутата. Соответственно, мы не можем говорить об ответственности депутатов за «фейковые», шуточные и иного рода законопроекты, не соответствующие целям и задачам деятельности Государственной думы РФ, но полагаем, что такого рода предложения загромождают законотворческую работу, отвлекают внимание, занимают время и в конечном итоге мешают принятию актуальных законопроектов. Соответственно, необходимо предусмотреть меры правовой и (или) моральной реакции на такого рода «деятельность», которая наносит существенный вред авторитету Государственной думы.

² РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.

В этой связи можно согласиться с предложением о создании многоуровневой системы учета и организации оценки выдвинутых идей законопроектов, сформировать банк идей законопроектов и ежегодно готовить и публиковать обзор отклоненных законопроектных документов с указанием их авторов и причин, по которым эти инициативы были отвергнуты [15]. Полагаем, что такой обзор следует доводить до сведения не только руководства Государственной думы, но и до сведения общественности и руководства государства.

Неоднократное достоверное установление предложений, явно необоснованных идей, концепций законопроекта, изменения действующего закона должно служить основанием для привлечения соответствующего субъекта законотворчества к соразмерной ответственности, например моральной или дисциплинарной [15].

Проблема признания и нормативно-правового закрепления института лоббизма. Серьезную озабоченность вызывает лоббистская деятельность в процессе законотворчества. При этом следует выделить именно теневой (околозаконный) лоббизм, а также лоббизм криминальный. Такие виды лоббирования, как правило, противоречат принципам верховенства прав и свобод человека и гражданина, демократизма, законности, научной обоснованности и в целом снижают эффективность законотворческого процесса в части удовлетворения интересов общества и государства. Почему такие негативные свойства у теневого и криминального лоббизма? Прежде всего потому, что они предполагают сосредоточение усилий экономически сильных групп влияния на продвижении конкретных законопроектов, отражения в законе действенных юридических механизмов, обеспечивающих реальную защиту узкогруппового интереса, порой в ущерб интересам общественным. Конструирование правовых норм под воздействием незаконного влияния лоббирующих структур в числе других негативных факторов создает питательную среду для коррупции, повышая ее уровень [16].

Отмечается, что сложившаяся в России ситуация с лоббистской деятельностью во многом обуславливается тем, что до сих пор нет легального определения лоббизма и не получившая законодательного закрепления лоббистская деятельность способствует широкому применению коррупционных и иных противозаконных схем в сфере законотворчества [3].

Отличительной особенностью лоббизма в России является «значительный вес «внутренних лоббистов» – служащих, занимающих важную государственную должность и в то же время отстаивающих интересы одной или нескольких групп, в том числе вопреки интересам общества» [9, с. 117]. Когда чиновник одновременно является и служащим, и представителем лоббистской группировки, провести в его действиях грань между протекционизмом, лоббизмом и коррупцией практически не представляется возможным [17]. Поэтому принятие закона, регулирующего лоббистскую деятельность, оказало бы самое благоприятное воздействие на развитие законодательного процесса и цивилизованного лоббизма в России. Авторы исследования «Лоббисты, правительства и общественное доверие» (“Lobbyists, Governments and Public Trust”), подготовленного в рамках Организации экономического сотрудничества и развития

(OECD) в 2009 году, указали в качестве одного из выводов, что законодательное закрепление лоббизма особенно полезно в государствах, находящихся в состоянии экономического и финансового кризиса, когда власть принимает ключевые решения в условиях тотального давления извне и в короткие сроки³.

Касательно России мы можем констатировать наличие пробела в регулировании достаточно серьезного вопроса – лоббистской деятельности, что приводит к принятию ангажированных законов, за которыми стоят так называемые табачное, пивное, страховое и т. п. лобби. Отличительными характеристиками таких законов являются не только закрепление различных предпочтений для отдельных участников экономических отношений, но и отсутствие баланса интересов между заказчиками принятия таких законодательных актов и отдельными гражданами, общества в целом.

По нашему мнению, институт лоббизма необходимо было подвергнуть правовому регулированию уже на начальных этапах становления российского государства и российского законодательства, так как в странах так называемой западной демократии лоббизм выполняет важнейшую функцию связи граждан, бизнеса, общества в целом с государством. Например, в США еще в 1946 году был принят закон о лоббировании (Federal Regulation of Lobbying Act). Анализ структуры и содержания данного законодательного акта показал, что он имеет сравнительно небольшой объем, содержит довольно четкое понятие лоббиста, устанавливает требование о регистрации всех лоббистов и обязанность предоставления ежеквартальных отчетов об их деятельности [18], а также в нем указываются нормы оплаты и налогообложения такой деятельности.

Опираясь на положительный опыт США и Канады, предлагается обозначить основные вопросы, которые требуют закрепления в законе: определение четкого понятия лоббизма и лоббиста; обязанность раскрытия информации о клиентах лоббиста; перечисление правил поведения лоббиста (запрет взяточничества, запрет ненадлежащего использования конфиденциальной и/или инсайдерской информации); установление механизмов контроля за лоббистской деятельностью; закрепление ответственности лоббистов за нарушения законов [18].

В свою очередь, помимо необходимости скорейшего принятия специального закона о лоббистской деятельности, следует ввести понятие «коррупционный лоббизм»; разделить «цивилизованный лоббизм» как институт демократических преобразований и «коррупционный лоббизм» как негативное проявление.

Присоединяясь к вышесказанному, мы предлагаем законодательно закрепить институт лоббизма с перечислением субъектов, которые могут заниматься данной деятельностью, указать требования к таким субъектам, процедуру получения такого статуса, права, обязанности, гарантии деятельности и меры ответственности (конечно же, придется внести изменения в уголовное, административное законодательство, законодательство о коррупции).

³ *Lobbyists, Governments and Public Trust. Increasing Transparency Through Legislation. Vol. 1: Increasing transparency through legislation. Paris: OECD, 2009. 172 p.*

Проблема отсутствия специализированного законодательного акта о процедуре законотворческого процесса в России. Продолжая рассматривать отдельные проблемы российского федерального законотворческого процесса, следует отметить, что законотворческий процесс в Государственной думе не урегулирован должным образом, и недостаток детализации механизма правового регулирования остается дискуссионным вопросом в науке конституционного права [19]. В современный период законотворческие процедуры регулируются Регламентом Государственной думы. Но по своему статусу данный акт является, по сути, локальным (корпоративным) актом. Полагаем, что регламентирование такой важнейшей для жизни общества, государства и каждого отдельного человека сферы является, мягко говоря, не совсем корректным. Вопросы такого уровня должны регулироваться федеральным законом, который имеет статус базового, системообразующего. Таким актом мог бы стать Федеральный закон «О нормативных правовых актах». За почти три десятилетия деятельности Государственной Думы РФ депутаты так и не решились принять такой законодательный акт. Отметим, что в конце 2014 года Минюстом России была предпринята попытка разработать очередной проект «закона о законах». Но по определенным причинам, главные из которых заключаются в непроработанности ряда терминов и отсутствии общего согласия по концепции законопроекта [10; 20], он даже не был внесен в Государственную думу.

Полагаем, что работу по совершенствованию законопроекта не следует откладывать, а для его доработки

и устранения недостатков следовало бы активнее привлекать научное сообщество, ввиду того что законотворцы, по сути, зашли в тупик с принятием столь сложного, но очень важного законодательного акта, а самостоятельно выбраться из этого тупика у них не получается.

Положение Совета Федерации в законотворческом процессе. Проблемным содержанием обладает и правовое положение Совета Федерации. По нашему мнению, роль Совета Федерации в законодательном процессе должна быть более заметной. А в настоящее время предназначение Совета Федерации состоит в обеспечении представительства интересов субъектов Российской Федерации при принятии законодательных актов, реализации системы сдержек и противовесов внутри самого парламента, предотвращении принятия недостаточно взвешенных решений, осуществлении контроля за качеством принимаемых законодательных актов [11]. Анализ деятельности Совета Федерации в законодательном процессе дает основание говорить о том, что Совет Федерации одобряет абсолютное большинство законопроектов, принятых Государственной думой. В последние годы работы верхней палаты Федерального собрания отклонение им принятых нижней палатой парламента законов – очень редкое явление. В качестве примера и подтверждения вышесказанного приведем результаты работы Федерального собрания Российской Федерации в 1996–1999 и 2012–2020 гг. (таблица 1).

Здесь может быть два вывода: либо качество федеральных законов стало практически безупречным, либо сенаторы, по определенным причинам, формально подходят к одобрению законов.

Таблица 1. Результаты работы Федерального собрания Российской Федерации в 1996–1999 и 2012–2020 гг.

Год	Принято (одобрено) законов Государственной думой	Отклонено законов Советом Федерации
1996	258	43
1997	253	38
1998	301	56
1999	357	47
2012	337	5
2013	451	9
2014	555	5
2015	480	2
2016 (весенняя сессия)	384	3
2016 (осенняя сессия)	142	0
2017	514	2
2018	576	0
2019	531	2
2020 (весенняя сессия) (по состоянию на 06.05.2020)	150	0

Предложения по совершенствованию федерального законотворческого процесса. В ходе проведения исследования мы пришли к пониманию, что в федеральном законотворческом процессе:

– требуется оптимизация процедуры планирования законотворческой деятельности для большей эффективности федерального законотворческого процесса;

– необходимо усиление работы по повышению правовой грамотности депутатов Государственной думы, а также признание необходимости создания экспертно-консультационных центров для научно-аналитической, экспертной, консультационной поддержки депутатов Государственной думы;

– следует совершенствовать и развивать механизм всенародного обсуждения значимых законопроектов и более детально закрепить его в специальном законе;

– необходимо минимизировать тенденцию принятия федеральных законов только в первом чтении путем закрепления такой процедуры как исключение из правил для случаев, прямо указанных в законе;

– следует закрепить обязательный и достаточный временной интервал с момента принятия закона и подписания закона Президентом РФ до вступления его в законную силу;

– требуется разработка и создание многоуровневой системы учета и организации оценки выдвинутых законопроектов и формирование банка идей законопроектов, а также ежегодная публикация обзора отклоненных законопроектов;

– необходимо установление моральной и (или) дисциплинарной ответственности депутатов за неоднократное внесение законопроектов, далеких от объективного развития общественных отношений, имеющих низкую общественную ценность или не имеющих такой ценности;

– требуется скорейшая разработка и нормативно-правовое закрепление института лоббизма и всех наиболее значимых положений, связанных с лоббистской деятельностью;

– необходимо продолжение разработки и совершенствования проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах» и последующее его принятие;

– следует пересмотреть правовой статус Совета Федерации для придания этому органу реальных, значимых полномочий в законотворческом процессе.

ВЫВОДЫ

Полагаем, что в связи с изложенными проблемами федерального законотворческого процесса во многом можно говорить о фиктивности отдельных сторон деятельности парламента в России, более того, размывается сущность законотворческого процесса как осмысленной, демократической по своей сути и направленности деятельности. Такая ситуация ведет к серьезным негативным последствиям как для российского парламентаризма, так и для российского государства: привлекательные конституционные положения о демократическом, правовом, социальном государстве оказываются декларативными, псевдодемократическими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оксамытный В.В. Законотворческий процесс: сравнительно-правовой анализ // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 374–380.

2. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–13.
3. Багаутдинова А.Н. Проблемы законодательного процесса в Российской Федерации // Проблемы науки. 2018. № 6. С. 78–79.
4. Боброва Н.А. Законодательные (представительные) органы государственной власти как инструмент гражданского общества // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5. С. 166–173.
5. Комарова В.В. Референдумный процесс в Российской Федерации. М.: Директ-Медиа, 2014. 608 с.
6. Кирьянов А.Ю. Культура техники законотворческого процесса как предпосылка эффективного нормотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 367–372.
7. Кошель А.С. Парламент и правотворчество: современное осмысление роли парламентских процедур и законов в трансформируемом обществе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 5–18.
8. Арзамасов Ю.Г. Формирование концепции законопроекта (рекомендации законодателям) // Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: сборник научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 71–86.
9. Кучеренко А.В. О легализации лоббизма в современной России // Тренды и управление. 2017. № 1. С. 113–121.
10. Бошно С.В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 7–22.
11. Пажетных Д.В., Колесников Е.В. Участие Совета Федерации в законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 18–23.
12. Бошно С.В., Васюта Г.Г. Концепция правотворчества и законодательной деятельности. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. № 3. С. 9–20.
13. Югов А.А. Структура законотворческого процесса как целостной системы // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 55–64.
14. Кочкалова Л.И. Законотворческие процессы и формирование современного типа Российского государства и права // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 356–358.
15. Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 9–17.
16. Абрамова А.И. Лоббизм в законотворческой деятельности // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 15–25.
17. Пименов Н.А. Лоббизм – диалог с властью // Вестник Финансового университета. 2012. № 1. С. 73–78.
18. Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединённых штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2. С. 161–168.

19. Фомичева О.А. Развитие законодательства о законотворческом процессе как принцип функционирования государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 530–532.
20. Антонова Л.И. К обсуждению проекта федерального закона «о нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 8–17; № 6. С. 8–15.
9. Kucherenko A.V. Concerning the legalization of lobbying in contemporary Russia. *Trendy i upravlenie*, 2017, no. 1, pp. 113–121.
10. Boshno S.V. The Law on Normative Legal Acts: Past, Present and Future. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2015, no. 2, pp. 7–22.
11. Pazhetnykh D.V., Kolesnikov E.V. Participation of the Federation Council in the legislative process. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2009, no. 11, pp. 18–23.
12. Boshno S.V., Vasyuta G.G. The concept of law making and legislative activity. Amendments of a bill draft and the transformation extent of the concept of a law. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2017, no. 3, pp. 9–20.
13. Yugov A.A. The Structure of Law-Making Process as an Integral System. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 5, pp. 55–64.
14. Kochkalova L.I. Law making processes and the formation of the contemporary type of Russian state and law. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2015, no. 9, pp. 356–358.
15. Baranov V.M. The idea of the bill: essence, practical value, technical and legal design. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2008, no. 2, pp. 9–17.
16. Abramova A.I. Lobbyism in Legislative Activity. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 6, pp. 15–25.
17. Pimenov N.A. Lobbyism – dialogue with authorities. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 73–78.
18. Kremyanskaya E.A. Legal aspects of regulating lobbying in the united states of America and Canada. *Vestnik MGIMO universiteta*, 2014, no. 2, pp. 161–168.
19. Fomicheva O.A. The development of legislation on the law making process as a principle of functioning of a state. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 530–532.
20. Antonova L.I. The Discussion of the Draft Federal Law (Law Project) “On Normative Legal Acts in the Russian Federation”. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2015, no. 5, pp. 8–17; no. 6, pp. 8–15.

REFERENCES

1. Oksamytnyy V.V. Legislative process: comparative legal analysis. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2012, no. 6, pp. 374–380.
2. Pashentsev D.A. Russian Legislative Tradition: Ontology of the Process. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2018, no. 8, pp. 5–13.
3. Bagautdinova A.N. The problems of legislative process in the Russian Federation. *Problemy nauki*, 2018, no. 6, pp. 78–79.
4. Bobrova N.A. Legislative (representative) organs of state power as an instrument of civil society. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5, pp. 166–173.
5. Komarova V.V. *Referendunnyy protsess v Rossiyskoy Federatsii* [Referendum process in the Russian Federation]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 608 p.
6. Kiryanov A.Yu. The standard of legislative procedure as a prerequisite of the effective rule making. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2016, no. 10, pp. 367–372.
7. Koshel A.S. Parliament and law-making: modern understanding of the role of parliamentary procedures and laws in transforming society. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, no. 1, pp. 5–18.
8. Arzamasov Yu.G. The formation of the concept of a bill draft (recommendations for legislators). *Parlamentarizm: problemy teorii, istorii, praktiki: sbornik nauchnykh statey k 60-letiyu zasluzhennogo yurista RF, doktora yuridicheskikh nauk, professora Isakova Vladimira Borisovicha*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010, pp. 71–86.

FEDERAL LEGISLATIVE PROCESS: ANALYSIS OF CERTAIN PROBLEMS AND FINDING THE WAYS TO IMPROVE

©2020

A.N. Stankin, PhD (Law), Associate Professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

V.N. Pyatkin, senior lecturer

Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk (Russia)

Keywords: law; bill draft; legislative process; legislative activity; problems of legislative process.

Abstract: Currently, they increasingly speak on the urgency of the issue of the development of the culture of the legislative process, the improvement of the quality of the adopted federal laws as it is directly related to the development of Russia as a democratic, constitutional state and generally indicates the level of civilization of Russian society. The authors attempt to define the main problems of the federal legislative process in Russia and to analyze them. Therefore, the authors study the problem of legislative process intensification through the development of cooperation with deputies on the issues of explanation, legal analysis, and improvement of bill drafts; the problem of the absence of communication of legislators with the interests of the population; the problem of constant and stable increase in the number of laws adopted at first reading; the problem of the adopted law term of enactment; the problem of initiating bills, which do not conform with the objective needs of the society and the state, to a legislative body; the problem of recognition and regulatory confirmation of the lobbying institution; the problem of the legal status of the Council of Federation within the legislative process. The authors conclude that current gaps, problems of the federal legislative process lead to the broadening of the essence of legislation as a conscious, democratic by its nature and thrust activity, which, in its turn, leads to the serious negative consequences in the sphere of state life under the study. The paper presents the ways of overcoming the problems indicated to improve the contemporary legislative process at the federal level.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2020

Е.В. Чуклова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: национальная безопасность; гражданское право; внешнеэкономическая деятельность; недействительность сделки; императивные нормы; частная собственность; прекращение права собственности.

Аннотация: Исследование правовой безопасности с позиций гражданско-правового регулирования является относительно новым и перспективным направлением научных исследований. С одной стороны, гражданское законодательство практически не оперирует исследуемой категорией, с другой стороны, одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности является усиление роли Российской Федерации в качестве гаранта права собственности. В связи с этим исследование правоотношений, обеспечивающих правовую безопасность, и норм гражданского законодательства, закрепляющих ее ценности, весьма своевременно и актуально. В работе в контексте гражданского законодательства исследуются правовые категории, составляющие основу национальной безопасности, обеспечение основных национальных интересов и стратегических приоритетов в рассматриваемой сфере. Национальная безопасность рассматривается в качестве объекта гражданско-правового регулирования. Предпринята попытка провести глубокое теоретическое исследование механизма взаимодействия и системных связей национальной безопасности с различными институтами и категориями гражданского права, такими как публичный интерес, принцип эстоппеля, экспроприация собственности, сверхимперативные нормы. Показано, что системообразующими элементами национальной безопасности являются национальные интересы, угрозы национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты, силы и средства обеспечения национальной безопасности. В рамках исследования доказано, что защита национальной безопасности является основанием дифференцированного правового регулирования. Так, отсутствие нарушения публичных интересов является основанием применения принципа эстоппель. Проведенный анализ судебной практики по теме исследования позволил сделать вывод о том, что сделки, приводящие к осуществлению контроля над стратегическими предприятиями, могут быть признаны недействительными, даже если они подчинены иностранному праву.

ВВЕДЕНИЕ

В работе предпринята попытка исследовать публично-правовой институт национальной безопасности через призму частноправового регулирования, что на первый взгляд может показаться странным и нелогичным, но при ближайшем рассмотрении становится понятно, что именно в сфере гражданско-правового регулирования национальной безопасности имеется наибольшее количество пробелов.

Исследования отдельных направлений обеспечения национальной безопасности с позиций гражданско-правового регулирования встречаются в юридической литературе. Например, в некоторых работах поднимаются проблемы отсутствия: необходимого гражданско-правового регулирования создания, реорганизации военных организаций как юридических лиц; организационно-правовых форм и правового режима закрепленного за ними имущества; регламентации способов и форм участия таких организаций в гражданском обороте [1; 2]. Некоторые авторы затрагивают проблему гражданско-правового регулирования национальной безопасности, исследуя потребность в защите общественных отношений собственности от преступлений в интеллектуальной сфере. Ряд исследователей отмечают, что собственность, в том числе интеллектуальная, не только представляет собой объект гражданско-правовой сферы отношений, но и защищается на уровне национальной безопасности государства [3]. Встречаются работы, в которых возможность применять общие положения гражданского законодательства при регулировании национальной безопасности исследуется либо в контексте возмещения вреда, причиненного природным объектам [4], либо в контексте согласования права государственной собственности на те или иные объекты [5], либо

при анализе эффективности применения гражданско-правовых механизмов обеспечения публичных интересов [6]. Кроме этого, в науке уделяется внимание вопросам возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов власти [7; 8]. В контексте исследования заслуживает внимания цикл статей, посвященных гражданско-правовому механизму обеспечения безопасности личности, в которых безопасность личности рассматривается как одно из нематериальных благ, как объект гражданско-правовой защиты [9; 10]. Таким образом, отдельные сферы и виды национальной безопасности рассматривались с позиций гражданско-правового регулирования, но работы, посвященные исследованию гражданско-правового регулирования национальной безопасности, гражданско-правовой безопасности, ее признакам и месту в системе национальной безопасности, отсутствуют.

Цель исследования – выявление особенностей и закономерностей гражданско-правового регулирования национальной безопасности через категорию «публичный интерес».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Национальная безопасность как объект гражданско-правового регулирования. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, закрепляет понятие и содержание национальной безопасности. Выше были отмечены работы, посвященные исследованию безопасности личности как объекта гражданских прав и составной части системы национальной безопасности, но нельзя забывать и о том, что и Российская Федерация является одновременно и объектом, и субъектом национальной безопасности. РФ выступает собственником

государственного имущества, является участником предпринимательской деятельности, как никто другой, она заинтересована в обеспечении безопасности с учетом частных и государственных интересов. В связи с указанным, предлагаем рассматривать в качестве объекта гражданско-правового регулирования национальной безопасности не только безопасность отдельной личности, но и безопасность самого государства.

Элементами системы обеспечения национальной безопасности являются органы власти различного уровня и находящиеся в их распоряжении инструменты. Последние являются частью механизма правового регулирования национальной безопасности, под которым мы будем понимать систему правовых средств, посредством которых осуществляется упорядочивание общественных отношений в определенной сфере общественных отношений, а именно в сфере обеспечения безопасности личности, общества, государства.

В доктрине выделяют стадии правового регулирования. Первой стадией является регламентация общественных отношений, здесь главный элемент – норма права. На этой стадии выявляется круг интересов, прогнозируются возможные препятствия, прокладываются пути их преодоления. На второй стадии возникают и осуществляются правоотношения, правоприменение представляет собой третью стадию правового регулирования [11]. Например, исходная база правового регулирования обеспечения безопасной эксплуатации бесхозяйных централизованных систем отопления, водоснабжения, иных подобных объектов, в числе которых принятие мер по защите таких объектов от различного рода угроз, заложена в нормах гражданского законодательства. Так, п. 3 ст. 225 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) определяет, что бесхозяйные недвижимые вещи принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого они находятся. По истечении года со дня постановки бесхозяйной недвижимой вещи на учет орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом, в соответствии с п. 1, 3 ст. 225 ГК РФ может обратиться в суд с требованием признать право муниципальной собственности на эту вещь. Меры смягчения последствий чрезвычайных ситуаций также заложены в гражданском законодательстве. Так, убытки, возникшие вследствие затопления помещения в результате аварии на бесхозяйных элементах системы теплоснабжения, признаются следствием бездействия муниципального образования и подлежат возмещению в полном объеме, что подтверждается судебной практикой¹.

Системообразующими элементами национальной безопасности в соответствии со Стратегией национальной безопасности являются национальные интересы,

угрозы национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты, силы и средства ее обеспечения. Национальные интересы можно условно разделить на три пересекающиеся друг с другом зоны: первая отвечает потребностям российского государства в безопасности, вторая охватывает интересы экономической безопасности, третья отвечает за сферы стратегической ответственности РФ за поддержание стабильности в условиях полицентричного мира. Категория «интерес» неоднократно упоминается и в гражданском законодательстве, является основополагающей категорией гражданского права [12]. Интерес называют той побудительной силой, которая заставляет физическое лицо, общество, государство совершать определенные действия [13]. Основным принципом обеспечения безопасности является соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, что закрепляется на уровне федерального законодательства, в частности нормами Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

Гражданско-правовые средства обеспечения национальной безопасности. Термин «безопасность» встречается в ГК РФ три раза в контексте возможности отступить от основных принципов правового регулирования, если того требуют интересы безопасности государства. Гражданско-правовое регулирование в сфере национальной безопасности является самостоятельным дополнительным, но незаменимым инструментом государственного воздействия на рассматриваемую сферу общественных отношений. В основе обеспечения национальной безопасности лежит в том числе принцип сочетания публично-правового и частноправового регулирования, закрепление всех форм собственности и равная их защита.

Так, оборона страны – основной стратегический национальный приоритет, который обеспечивается в том числе посредством расширения международного военного и военно-технического сотрудничества. Военно-техническое сотрудничество – сфера международных отношений, которые, с одной стороны, являются межгосударственными и регулируются международным правом, а с другой стороны, представляют собой частные отношения, регулируемые гражданским правом, точнее нормами международного частного права. Оборот военной и военно-технической продукции происходит посредством заключения и реализации внешнеэкономических сделок, т. е. в рамках частноправовых отношений, что, по верному замечанию некоторых авторов, удовлетворяет «интересы государств в обеспечении национальной безопасности» [14, с. 792].

Как правило, в целях обеспечения национальной безопасности законодатель использует императивные нормы. В вышедшем недавно Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) разъясняет важные с практической точки зрения критерии нормы непосредственного применения (сверхимперативной нормы): наличие в самой норме указания на ее обязательность, преследование в качестве основной цели защиты публичного интереса [15].

Как указано в п. 10 названного постановления, судам следует учитывать, что не любая императивная норма

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2019 № Ф04-4974/2019 по делу № А45-37471/2018 // Арбитражный суд Западно-Сибирского округа. URL: kad.arbitr.ru/Card/c2d92ff0-25fc-403c-b456-d72bf2a5c1a8; Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2019 № 310-ЭС18-24514 по делу № А64-3189/2017 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07022019-n-310-es18-24514-po-delu-n-a64-31892017/.

является нормой непосредственного применения. К нормам непосредственного применения относятся только такие императивные нормы, которые вследствие указания в них самих или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Посредством императивных норм осуществляется защита публичного интереса, обеспечивающая возможность построения правовой системы государства. В связи с этим считаем, что императивные нормы являются основным гражданско-правовым инструментом регулирования национальной безопасности.

К императивным нормам непосредственного применения, играющим важную роль в обеспечении национальной безопасности, относятся нормы, закрепляющие ограниченную оборотоспособность некоторых объектов гражданских прав. Например, норма, закрепленная в ст. 15 Земельного кодекса РФ, обеспечивает защиту территориальной целостности РФ посредством установления запрета на передачу земельных участков иностранным физическим и юридическим лицам в приграничных территориях.

Некоторые нормы о недействительных сделках также имеют отношение к национальной безопасности, поскольку обеспечивают защиту публичных интересов: п. 2 ст. 168 ГК РФ, ст. 169 ГК РФ. В силу п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы, ничтожна по общему правилу. Под публичными интересами следует понимать, в частности, интересы неопределенного круга лиц, направленные на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды.

Отсутствие нарушения публичных интересов является основанием применения эстоппеля, и наоборот, если договор ущемляет публичные интересы, эстоппель применен не будет. Так, арбитражный суд в одном из актов указал, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ), поскольку был нарушен установленный действующим земельным законодательством принцип платности землепользования. Однако в отношениях, не связанных с нарушением публичного порядка, суд может обязать согласившуюся с условием сторону исполнить обязательство, даже нарушающее закон².

Возникает вопрос: как быть, если одному публичному интересу противостоит другой публичный интерес? Показательным является следующий пример. Между администрацией и одним из министерств возник спор по сносу самовольной постройки – здания поликлиники, построенной министерством на участке, который

ему надлежащим образом предоставлен не был³. Суды первой и второй инстанции исходили из нарушения публичного интереса, поскольку здание поликлиники возведено в отсутствие надлежаще оформленного разрешения на его строительство. Судебная коллегия Верховного Суда по экономическим спорам не согласилась с мнением нижестоящих судов и посчитала, что лицо, обращающееся в суд с иском о сносе самовольной постройки, должно обладать определенным материально-правовым интересом в защите принадлежащего ему гражданского права либо, в соответствии с установленной компетенцией, в защите публичного порядка строительства, прав и охраняемых законом интересов других лиц, жизни и здоровья граждан. Как указала коллегия, в настоящем споре как истец, так и ответчик являются публично-правовыми образованиями, и потому подразумевается, что их действия должны быть направлены на реализацию публичного интереса. Поэтому, несмотря на наличие у администрации как органа, наделенного полномочиями в сфере публичного порядка строительства, права на иск в силу факта формального нарушения этого порядка – отсутствия разрешения на строительство, положения ст. 222 ГК РФ подлежат применению с учетом публичного интереса в создании социально значимого объекта – детской поликлиники. Судебная коллегия посчитала, что нижестоящим судам надлежало исследовать вопрос о том, в чем заключалось нарушение гражданских прав, принадлежащих непосредственно муниципальному образованию, и каким образом снос объекта социального значения, строительство которого осуществлялось по согласованию с органом местного самоуправления и за счет средств федерального бюджета, может привести к восстановлению нарушенного права, а также указала на то, что администрация не обосновала, как публичный интерес будет защищен в результате сноса здания поликлиники. В свою очередь, министерство приводило доводы о том, что администрация в качестве лица, осуществляющего публичные функции в сфере согласования по вопросам строительства, одобряла возведение министерством здания поликлиники.

Нормы о недействительных сделках как гражданско-правовая основа обеспечения национальной безопасности. Что касается отнесения ст. 169 ГК РФ о недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности, к гражданско-правовым основам обеспечения национальной безопасности, можно отметить следующее. Основы правопорядка определяются в судебной практике как санкционированные государством основополагающие нормы об общественном, экономическом и социальном устройстве общества, цель которых – обеспечение соблюдения и уважения этого устройства, правовых предписаний и защиты прав и свобод. Ст. 1193 ГК РФ, закрепляющая оговорку о публичном порядке, использует «правопорядок» и «публичный порядок» в качестве синонимов. Использование в качестве основания

² Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2018 № Ф08-11417/2017 по делу № А22-1209/2017 // Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. URL: kad.arbitr.ru/Card/42251fad-238c-4f7f-a9e6-1aac747f7feb.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.03.2016 № 308-ЭС15-15458 по делу № А32-22681/2014 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10032016-n-308-es15-15458-po-delu-n-a32-226812014/.

недействительности сделки противоречия правопорядку присуще законодательству и других стран. Так, ст. 1131 Французского гражданского кодекса устанавливает отсутствие силы у обязательства, имеющего недозволенное обстоятельство, а ст. 1133 раскрывает понятие недозволенного основания: запрещенное законом, противное добрым нравам и публичному порядку⁴. Закрепление в законодательстве многих стран подобных положений обусловлено их целью: защитой общественных, политических, социальных, экономических государственных интересов посредством ограничения частных прав и свобод, в частности свободы договора. Для квалификации сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка, необходимо установить наличие конкретной противоправной цели, достижение которой угрожало бы основам правопорядка, а также наличие хотя бы у одной стороны по договору прямого умысла, направленного на достижение такой цели.

Стратегия национальной безопасности закрепляет основы экологической безопасности государства и его граждан, а также ликвидацию экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата в качестве одной из стратегических целей ее обеспечения. Проблемы в области экологии обостряются в связи с наличием значительного количества экологически опасных производств, нехваткой мощностей по очистке атмосферных выбросов. Возмещение убытков и экологического вреда производится по нормам гражданского законодательства. Кроме того, на некоторые требования, например на требования о возмещении убытков от радиационного воздействия, установлены специальные сроки исковой давности.

Особое значение для защиты основополагающих интересов государства имеют нормы Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Посредством контроля над инвестициями обеспечивается экономическая безопасность РФ, и в силу ст. 15 этого закона сделки, приводящие к осуществлению контроля над стратегическими предприятиями, могут быть признаны недействительными, даже если они подчинены иностранному праву. Подобное положение свойственно и иностранным правопорядкам. Так, испанское законодательство закрепляет норму о возможности неприменения иностранного права, если это противоречит публичному порядку⁵. Албанское законодательство предусматривает норму, согласно которой иностранное право не применяется, когда последствия его применения явно противоречат публичному порядку или могут иметь последствия, которые явно несовместимы с основополагающими принципами, изложенными в Конституции и законодательстве Албании.

Еще одной точкой взаимодействия гражданского-правового регулирования и национальной безопасности яв-

ляется возможность защиты публичного интереса посредством изъятия частной собственности, поскольку роль и значение права собственности в формировании фундаментальных основ современного общества трудно переоценить [16].

Особое значение в вопросах экспроприации частной собственности имеет то обстоятельство, что она производится только в целях защиты публичных интересов и с адекватной компенсацией. Мера, лишаящая лицо его собственности, должна обеспечить справедливое равновесие между потребностями общества в целом и требованиями защиты индивидуальных основных прав. Чтобы убедиться в том, что это равновесие было обеспечено, следовало рассмотреть материальные условия компенсации. Национализация собственности без разумного возмещения будет при нормальном положении вещей представлять собой несоразмерное вмешательство, а, как известно, «произвольное вмешательство» в защищенные свободы, запрещенное Всеобщей декларацией прав человека, имеет прочную концептуальную связь с коррупцией [17–20], которая также является одной из угроз национальной безопасности.

Таким образом, юридическая база для правового регулирования безопасности представлена и нормами гражданского законодательства. Нормативная основа гражданско-правового регулирования национальной безопасности представлена системой норм, закрепляющих принципы правового регулирования, систему средств защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота, обеспечивающих его создание, стабильность и поступающее развитие. Гражданское законодательство закрепляет основания возникновения и прекращения права собственности, способы защиты прав участников гражданского оборота, которые могут быть использованы и в публичной сфере, общие положения о договорах, их видах, типовые договорные конструкции, которые так или иначе используются при обеспечении стратегических национальных приоритетов как элементов национальной безопасности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Нормы, закрепляющие ограниченную оборотоспособность некоторых объектов гражданских прав, относятся к императивным нормам непосредственного применения, играющим важную роль в обеспечении национальной безопасности.

2. Нормы о недействительных сделках, содержащиеся в п. 2 ст. 168 ГК РФ, ст. 169 ГК РФ, имеют отношение к национальной безопасности, поскольку обеспечивают защиту публичных интересов.

3. Отсутствие нарушения публичных интересов является основанием применения принципа эстоппеля, и наоборот, если договор ущемляет публичные интересы, принцип эстоппеля применен не будет.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сурков А.Н. Военное право и гражданское законодательство в XXI веке // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. Вып. 73. С. 189–197.

⁴ Гражданский кодекс Франции. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 592 с.

⁵ Гражданский кодекс Испании: аннотированный перевод / пер. Д.В. Шорников. Иркутск: ИГУ, 2015. 335 с.

2. Егорова А.К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы? Вопросы разграничения в международном и национальном уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 6. С. 27–30.
3. Желудков М.А., Чернышов В.Н., Кочеткова М.Н. Уголовно-правовые проблемы при определении объекта преступлений в сфере интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 110–118.
4. Захаров Д.Е. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный животному миру // Власть Закона. 2018. № 3. С. 126–134.
5. Дудиков М.В. О проблемах согласования права государственной собственности на недра с правомочием на отвалы и отходы горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, а также горные выработки (карьеры, полости) // Юрист. 2013. № 4. С. 9–15.
6. Вронская М.В. Признание сделки недействительной как один из способов защиты публичных интересов в сфере сохранения биологических ресурсов // Административное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 37–46.
7. Рахимов О.А. Возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями военных организаций и воинских должностных лиц: сегодня и завтра // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 63–69.
8. Каюрин Н.В. Гражданско-правовая ответственность военных организаций Министерства обороны Российской Федерации за причинение вреда гражданам и юридическим лицам // Вестник военного права. 2018. № 3. С. 72–79.
9. Рыбаков В.А., Ирошников Д.В. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. 2017. № 2. С. 4–9.
10. Ирошников Д.В. О безопасности личности в гражданском праве // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 48–51.
11. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, 2010. 464 с.
12. Ситдикова Р.И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом. М.: Статут, 2013. 159 с.
13. Осипов А.А. Интерес как гражданско-правовая категория, опосредующая возникновение, изменение и/или прекращение правоотношений // Гражданское право. 2010. № 2. С. 7–12.
14. Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества. В 3 т. Т. 1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 1120 с.
15. Асосков А.В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12–19.
16. Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 329–351.
17. Breakey H. Arbitrary Power, Arbitrary Interference and the Abuse of Power: Corruption, Natural Rights and Human Rights // Responsible leadership and ethical decision-making. 2017. Vol. 17. P. 125–145.
18. Graycar A., Prenzler T. Understanding and Preventing Corruption. London: Palgrave Macmillan, 2013. 144 p.
19. Hough D. Corruption, Anti-Corruption and Governance. London: Palgrave Macmillan, 2013. 177 p.
20. Ferreyra G. Judicial Corruption in the Mexican Federal Judiciary // Human organization. 2017. Vol. 76. № 2. P. 141–149.

REFERENCES

1. Surkov A.N. Military law and civil legislation in the XXI century. *Rossiyskiy voenno-pravovoy sbornik № 9: Voennoe pravo v XXI veke*. Moscow, Za prava voennoslužhashchikh Publ., 2007. Vyp. 73, pp. 189–197.
2. Egorova A.K. Private military and security companies or organized criminal groups? Issues of demarcation in international and national criminal law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2019, no. 6, pp. 27–30.
3. Zheludkov M.A., Chernyshov V.N., Kochetkova M.N. Criminal Law Problems in Determining the Object of Intellectual Property Crimes. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 2, pp. 110–118.
4. Zakharov D.E. Civil liability for the damage caused to the animal world. *Vlast Zakona*, 2018, no. 3, pp. 126–134.
5. Dudikov M.V. Concerning the problems of agreement of the right of state ownership of mineral resources with the authority for dumps and wastes of mining and related processing facilities, as well as mine workings (open-casts, hollows). *Yurist*, 2013, no. 4, pp. 9–15.
6. Vronskaya M.V. The voidance of a transaction as one of the ways to protect public interests in the sphere of biological resources conservation. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 7, pp. 37–46.
7. Rakhimov O.A. Compensation of damage caused by the lawful actions of military organizations and military acting officials: today and tomorrow. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2019, no. 2, pp. 63–69.
8. Kayurin N.V. Civil-legal responsibility of the military organizations of the Ministry of defense of the Russian Federation for causing harm to citizens and legal entities. *Vestnik voennogo prava*, 2018, no. 3, pp. 72–79.
9. Rybakov V.A., Iroshnikov D.V. Civil Mechanism for Ensuring Human Security. *Yurist*, 2017, no. 2, pp. 4–9.
10. Iroshnikov D.V. Concerning the identity security in civil law. *Yuridicheskaya nauka*, 2017, no. 2, pp. 48–51.
11. Andreev Yu.N. *Mekhanizm grazhdansko-pravovoy zashchity* [Civil Protection Mechanism]. Moscow, Norma Publ., 2010. 464 p.
12. Sitdikova R.I. *Obespechenie chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom* [Provision of the private, social and public interests by the copyright]. Moscow, Statut Publ., 2013. 159 p.
13. Osipov A.A. Interest as a civil legal category mediating the creation, change and/or termination of legal relations. *Grazhdanskoe pravo*, 2010, no. 2, pp. 7–12.

14. Kudashkin V.V. *Pravovye osnovy voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu "O voenno-tekhnicheskome sotrudnichestve Rossiyskoy Federatsii s inostrannymi gosudarstvami"* [Legal basis of military-technical cooperation. Scientific practical commentary to the Federal law "Concerning military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states"]. 3rd ed. pererab. i dop. Moscow, Statut Publ., 2018. Vol. 1, 1120 p.
15. Asoskov A.V. A New Ruling by the Plenary Supreme Court of the Russian Federation on Application of Rules of International Private Law: Key Clarifications. *Sudya*, 2019, no. 11, pp. 12–19.
16. Shchennikova L.V. System of grounds for the termination (deprivation) of property rights as a necessary condition for the effective implementation of the principle of inviolability of property. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2019, no. 44, pp. 329–351.
17. Breakey H. Arbitrary Power, Arbitrary Interference and the Abuse of Power: Corruption, Natural Rights and Human Rights. *Responsible leadership and ethical decision-making*, 2017, vol. 17, pp. 125–145.
18. Graycar A., Prenzler T. *Understanding and Preventing Corruption*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2013. 144 p.
19. Hough D. *Corruption, Anti-Corruption and Governance*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2013. 177 p.
20. Ferreyra G. Judicial Corruption in the Mexican Federal Judiciary. *Human organization*, 2017, vol. 76, no. 2, pp. 141–149.

CIVIL LEGAL REGULATION OF NATIONAL SECURITY

© 2020

E.V. Chuklova, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair "Business and Labour Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: national security; civil law; foreign economic activity; invalidity of a transaction; mandatory rules; private property; termination of ownership.

Abstract: From the civil legal regulation, the study of the security in rights is a relatively new and prospective line of the research. On the one hand, civil legislation practically does not deal with the category under the study; on the other hand, one of the mainstreams of ensuring national security is the strengthening of the role of the Russian Federation as a property right guarantor. In this context, the study of legal relations ensuring legal security and civil law regulations confirming its values is currently topical. In the context of civil legislation, the paper studies the legal categories that form the basis of national security, ensuring the main national interests and strategic priorities in this area. The author considers national security as an object of civil legal regulation and attempts to carry out a comprehensive theoretical study of the mechanism of interaction and systemic ties of national security with various civil law institutions and civil law categories, such as public interest, estoppel, property expropriation, and super-mandatory rules. The study shows that the system-forming elements of national security are national interests, threats to national security, strategic national priorities, and forces and means to ensure it. Within the study, the author proves that national security protection is the basis for the differential legal regulation. Thus, the absence of public interest violation is the basis for the estoppel application. The analysis of judicial practice on the research topic allowed concluding that transactions leading to the control over strategic enterprises may be invalidated even if they are subject to foreign law.

НАШИ АВТОРЫ

Беляков Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент.

Адрес: Самарский государственный экономический университет,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: (846) 933-87-78

E-mail: belevkov2007@ya.ru

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-95

E-mail: bobrovana@mail.ru

Закомолдин Алексей Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: +7 927 211-21-71

E-mail: zakomoldin@mail.ru

Иванников Иван Андреевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, исполняющий обязанности декана юридического факультета.

Адрес: Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
354340, Россия, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32.

E-mail: freiheit2061@gmail.com

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 908 408-53-63

E-mail: A.Ivanov18@tltsu.ru

Мяханова Александра Николаевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии, судья в отставке.

Адрес: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Тел.: 8 914 985-34-73

E-mail: alex27-m@mail.ru

Оганян Нвард Грагатовна, студент Института права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: (846) 933-87-78

E-mail: goar.78@mail.ru

Пахорукوف Александр Александрович, магистрант юридического факультета.

Адрес: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Тел.: 8 914 987-62-42

E-mail: raхogukov1997@mail.ru

Перистый Владимир Владимирович, магистрант Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-95

E-mail: vova7522@mail.ru

Пяткин Валерий Николаевич, старший преподаватель.

Адрес: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Тел.: (8342) 29-05-75

E-mail: speranza2@mail.ru

Ряполова Ярослава Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Тел.: (4712) 50-48-00
E-mail: yaroslava@mail.ru

Саргсян Аделина Арменовна, соискатель.

Адрес: Российско-Армянский университет,
0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина 123.
Тел.: (+37477) 94-90-03
E-mail: adelina-sargsyan@mail.ru

Станкин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-93-95
E-mail: ans77@list.ru

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-11
E-mail: elenachuklova@mail.ru

OUR AUTHORS

Belyakov Aleksey Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor.

Address: Samara State University of Economics,
443090, Russia, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141.
Tel.: (846) 933-87-78
E-mail: belevkov2007@ya.ru

Bobrova Natalya Alekseevna, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair of Constitutional and Administrative Law, Honored Lawyer of the RF.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: bobrovana@mail.ru

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair "Business and Labour Law".

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-11
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Ivannikov Ivan Andreevich, Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Acting Dean of the Law Faculty.

Address: Sochi Institute (branch) of RUDN University,
354340, Russia, Sochi, Kuibyshev Street, 32.
E-mail: freiheit2061@gmail.com

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law".

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 908 408-53-63
E-mail: A.Ivanov18@tlttsu.ru

Myakhanova Aleksandra Nikolaevna, assistant professor of Chair of Criminal Law and Criminology, retired judge.

Address: Dorji Banzarov Buryat State University,
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin Street, 24a.
Tel.: 8 914 985-34-73
E-mail: alex27-m@mail.ru

Ohanyan Nvard Gragatovna, student of the Institute of Law.

Address: Samara State University of Economics,
443090, Russia, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141.
Tel.: (846) 933-87-78
E-mail: goar.78@mail.ru

Pakhorukov Aleksandr Aleksandrovich, graduate student of Faculty of Law.

Address: Dorji Banzarov Buryat State University,
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin Street, 24a.
Tel.: 8 914 987-62-42
E-mail: paxorukov1997@mail.ru

Peristy Vladimir Vladimirovich, graduate student of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: vova7522@mail.ru

Pyatkin Valery Nikolaevich, senior lecturer.

Address: Ogarev National Research Mordovia State University,
430005, Russia, Saransk, Bolshevistskaya Street, 68.
Tel.: (8342) 29-05-75
E-mail: speranzo2@mail.ru

Ryapolova Yaroslava Petrovna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.
Address: South-West State University,
305040, Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya Street, 94.
Tel.: (4712) 50-48-00
E-mail: yaroslava@mail.ru

Sargsyan Adelina Armenovna, PhD student.
Address: Russian-Armenian University,
0051, the Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: (+37477) 94-90-03
E-mail: adelina-sargsyan@mail.ru

Stankin Aleksey Nikolaevich, PhD (Law), Associate Professor.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: ans77@list.ru

Zakomoldin Aleksey Valerievich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: +7 927 211-21-71
E-mail: zakomoldin@mail.ru